Библиотека Филолога

А. И. СМИРНИЦКИЙ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

БИБЛИОТЕКА ФИЛОЛОГА

Проф. А. И. СМИРНИЦКИЙ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Подготовил к печати и отредактировал
кандидат филологических наук
В. В. ПАССЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
Москва 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа была задумана и начата еще при жизни ее автора. Безвременная смерть помешала ее выполнению самим профессором А. И. Смирницким, и эта задача пала на его учеников.

При написании книги в основу были положены лекции А. И. Смирницкого по лексикологии современного английского языка, прочитанные им в МГУ и в 1-ом МГПИИЯ в разные годы, и кроме того были широко использованы как уже опубликованные, так и еще неопубликованные теоретические работы А. И. Смирницкого, связанные с соответствующими разделами курса. Неопубликованные материалы были предоставлены коллективу составителей О. С. Ахмановой, принимавшей самое деятельное и активное участие в обсуждении этой работы и оказавшей реальную помощь в составлении книги.

В работе по составлению курса принимали участие: кандидат филологических наук Р. З. Гинзбург, преподаватель И. П. Дьячкова, кандидат филологических наук В. П. Мурат, кандидат филологических наук В. В. Пассек, кандидат филологических наук Л. И. Разинкова и кандидат филологических наук А. А. Санкин.

Составители

Глава I

СОДЕРЖАНИЕ И ЗАДАЧИ ЛЕКСИКОЛОГИИ

§ 1. Предметом лексикологии (если оставить пока в стороне лексикологию общую) является лексика (словарный состав) того или другого конкретного языка, или группы языков. Таким образом, и предметом английской лексикологии является лексика английского языка — во всем ее своеобразии.

Лексика какого-либо языка представляет собой совокупность всех слов, входящих в его состав. Сюда же, кроме того, могут быть отнесены и те сочетания слов, которые в речи играют роль таких же единиц, какими являются отдельные слова (см. гл. VI).

§ 2. Тот факт, что лексика какого-либо конкретного языка представляет собой совокупность многих тысяч отдельных единиц (слов и эквивалентных им словосочетаний), из которых каждая в той или иной степени индивидуальна, неповторима и заслуживает, как будто, некоторого особого внимания, составляет главную трудность не только построения курса лексикологии, но и самого формирования ее как отдельной отрасли научного языковедения. До последнего времени словари в сущности остаются наиболее ценными и серьезными лексикологическими трудами, если не считать очень специальных монографий и статей, посвященных отдельным лексикологическим вопросам и деталям лексики. Но ведь словарь — это, по сути дела, лишь известным образом расположенный и более или менее обработанный материал, но не планомерное описание и обобщающее изложение предмета. Что же касается специальных монографий и статей, то они знакомят лишь с произвольно выделенными частями

совокупного лексического материала, затрагивают лишь отдельные его стороны.

§ 3. Указанную основную трудность предмета лексикологии — распыленность и обширность материала — большею частью пытаются преодолеть распределением материала по проблемам и явлениям. Это в общем характерно и для советской лексикологии. При всех различиях между отдельными трудами и пособиями, построенными по названному принципу, суть дела в подобных случаях неизменно сводится к следующему: различные лексикологические проблемы и разнообразные явления в области лексики известным образом группируются и располагаются — согласно взглядам и умению автора, — и из многотысячного лексического состава языка подбирается большее или меньшее число более или менее удачных иллюстраций к отдельным проблемам и примеров отдельных явлений. Этим и предполагается достигнуть планомерности описания, известного обобщения в изложении и освободиться от необозримой многочисленности индивидуальных лексических единиц.

§ 4. Важнейшим недостатком описанного построения научных и, в особенности, популярно-научных и учебных трудов по лексикологии является следующий: в них сравнительно очень мало внимания уделяется наиболее обычным, часто повторяющимся, повседневным и стилистически нейтральным словам, составляющим основное ядро лексики. Лексиколог подробно останавливается на архаизмах, выискивает различные окаменелости, рассказывает о поразительных сдвигах значения отдельных слов, — но о скромных исконных словах данного языка, издавна выражавших в нем такие простые, но вместе с тем существенные понятия, как «видеть», «лежать», «стоять», «ходить», «делать», «красный», «синий», «огонь», «вода», «дерево» и т.п., лексиколог обычно говорит очень немного (если вообще говорит что-нибудь), и то лишь мимоходом. И это понятно: подобные слова большею частью малопригодны или вовсе непригодны как примеры описываемых явлений. А между тем, разумеется, если такие наиболее широко распространенные и часто употребительные слова оставлять без особого внимания, то нечего и думать о дей-

ствительной характеристике данной лексики, о выявлении ее существенных особенностей*.

§ 5. Из сказанного следует, что к любой данной лексике нужно обязательно подходить как к чему-то целому, сделать ее всю действительно предметом изучения и изложения. Иными словами: надо увидеть в лексике данного языка не кучу разнообразных примеров, но специфическую для этого языка систему лексических единиц. Ведь, в самом деле, лишь подойдя к лексике как к системе и изучив ее как систему, можно должным образом выделить в ней существенное и характерное и описать ее состав, следуя внутренним связям между его элементами, а не абстрактной классификационной схеме явлений. И тем самым главная трудность, с которой сталкивается лексикология, — обширность и распыленность предмета, — оказывается преодоленной. Отдельные факты при этом располагаются по известным линиям, общая масса материала естественно подразделяется на части, определенным образом связанные между собой и соподчиненные друг другу, — и появляется возможность дать верное описание данной лексики, не загромождая его тысячами и тысячами единичных фактов.

Действительно, поскольку система выяснена, постольку всегда возможно верно описать ее в более или менее сжатом виде, оставляя в стороне большее или меньшее число второ-

* Следует, правда, отметить, что в лексикологии есть область, где лексика данного языка выступает не просто как огромная куча слов, из которых могут быть отобраны нужные примеры, но как некое более или менее связное целое: это — область этимологии и истории лексического состава. Здесь, действительно, учитывается в известной мере соотношение между элементами словаря, различными по происхождению, определяется его этимологический состав в целом, так или иначе принимаются во внимание и самые простые слова, не представляющие ничего достопримечательного — и, в результате, дается более или менее ясная характеристика данной лексики в соответствующем плане. Но эта область лексикологии занимает совсем особое место и мало типична: отчасти она принадлежит также и истории языка; вместе с тем она вообще не является одним из основных разделов лексикологии, поскольку в ней (в этой области) лексический состав не подвергается внутреннему анализу, но лишь рассматривается с точки зрения его происхождения. Скорее эта область представляет собой некий вводный раздел — историческое введение в лексикологию. Ввиду этого, положение дела в названной области принципиально не меняет общего характера и состояния современной лексикологии, и все сказанное о ней выше остается в силе.

степенных ее деталей в зависимости от цели описания и не искажая этим ее существенных и характерных черт.

§ 6. Следующие моменты представляются особо важными при описании лексики данного языка как системы:

1. Необходимо показать, какие типы лексических единиц характерны для данного языка. Для этого, очевидно, в первую очередь нужно осветить вопрос о том, какими признаками определяется в этом языке элемент слова (корневой и аффиксальный), цельное отдельное слово и словосочетание по отношению друг к другу. Особо нужно отметить, в какой степени слово в данном языке вообще выделяется как особая единица и какие здесь могут быть градации и типичные случаи. Далее следует дать характеристику основных фонетических и структурных, а отчасти также и семантических типов слов.

2. Следует осветить лексику данного языка с точки зрения исторически известного происхождения ее состава. Как уже было сказано выше (см. § 4, сноску), в отношении этой темы дело обстоит наиболее благополучно на современном этапе развития лексикологии. Здесь достаточно ограничиться лишь такими замечаниями:

Во-первых, необходимо строго отличать непосредственный источник лексического элемента от того его источника, к которому он может быть исторически возведен в конечном счете. Так, например, нужно строго отличать *лат.* paradīsus, как непосредственный источник *англ.* paradise *рай*, *фр.* paradis и *нем.* Paradies, от древнеперсидского слова paridaēza, к которому эти слова восходят в конечном счете, так как с точки зрения формирования английской, французской и немецкой лексики мы имеем в данном случае заимствование из церковной латыни, а отнюдь не из древнеперсидского.

Во-вторых, заимствование следует в принципе строго отличать от развития и изменения слова в системе данного языка. Так, приведенное выше французское paradis следует отличать в качестве заимствования из латинского языка (*лат.* paradīsus) от случаев развития латинских слов во французском языке в процессе образования последнего на основе галльской латыни (ср. *фр.* on и père, развившиеся из *лат.* homo, patrem и т.п.). Необходимо, однако, заметить,

что два этих явления, в принципе различные, могут иногда и взаимодействовать друг с другом.

В-третьих, необходимо отличать заимствование слова от образования нового слова на основе заимствованного. Например, английское прилагательное correct *правильный* является заимствованием из латинского языка *(лат.* correctus), но английский глагол (to) correct *исправлять* должен приводиться не как заимствованный из латинского *(лат.* corrigire, прич. 2-ое correctus), но как образованный в английском языке от заимствованного прилагательного correct.

В-четвертых, нужно учитывать возможность слияния заимствованного слова с существовавшим ранее — исконным или заимствованным — безразлично. Так, например, английское слово rich *богатый*, повидимому, представляет собой продукт слияния заимствованного из старофранцузского rich со среднеанглийским riche (из древнеанглийского rīce), почему современное английское rich нельзя полностью отнести ни к числу заимствованных слов, ни к числу исконных английских слов.

3. Необходимо, далее, учитывать, что язык определенной эпохи — это язык существующий и развивающийся во времени, т.е. заключающий в себе момент диахронии: сделать «поперечный разрез языка», не имеющий протяженности во времени, в принципе невозможно; фактор времени по самому существу входит в язык хотя бы уже потому, что любая единица языка есть то, что она есть, лишь при условии ее последовательного, закономерного развертывания во времени: морфема, слово, фразеологическая единица имеют начало и конец, определенное следование элементов во времени.

Поэтому также и синхроническое изучение единиц языка (в частности лексических единиц) должно неизбежно проводиться во времени. При этом одни явления должны выделяться как развивающиеся, продуктивные, другие — как отмирающие или окаменевающие, третьи — как относительно стабильные; но все же все они должны быть так или иначе отнесены к развитию языка во времени, т.е. к его диахроническому аспекту*.

---

* Подробнее о соотношении синхронии и диахронии см. статью А. И. Смирницкого «По поводу конверсии в английском языке», Иностранные языки в школе, 1954, № 3.

4. Нужно дать представление о различных семантических группировках слов. Задача отбора наиболее существенного, типичного и характерного в этом случае, может быть, является наиболее трудной, но в общем все же вполне разрешимой. Для того, чтобы достаточно удовлетворительно решить ее, необходимо прежде всего учесть, что наиболее существенное и типичное для лексики данного языка может быть, очевидно, скорее всего найдено в той ее части, которая является наиболее употребительной (см. по этому поводу § 192).

5. Необходимо показать, как группируются слова на основе словопроизводства, словосложения и соединения во фразеологические единицы. Здесь важно обратить внимание на различия, зависящие от того, вокруг какой части речи группируются производные слова, сложные слова и фразеологические единицы. Иначе говоря, необходимо выделить словообразовательные группы и группы фразеологических единиц с существительным, прилагательным, глаголом и т.п. в качестве центрального (основного) слова. При этом нужно отметить различные степени связи между словами одной словообразовательной группы и наличие в известных случаях двух (или даже более) основных слов, стоящих в центре такой группы: ср., например, современный английский глагол (to) love *любить* и существительное love *любовь*, из которых оба являются структурно п р о с т ы м и словами и поэтому оба могут считаться центральными для словообразовательного гнезда love *любить*, love *любовь*, lover *возлюбленный*, lovely *красивый*, loveless *не любящий* и т.п. (см. также § 84).

Нужно показать также, какие типы семантических отношений (противопоставлений, различий, оттенков) выражаются преимущественно посредством словообразования, и как вообще сочетается словообразование с употреблением разнокорневых слов (слов с разными, не связанными между собой корнями) в пределах тесных семантических групп (семантических гнезд): ср. в русском: 'печать', 'печатный', 'печатать', 'печатник' — 'типограф', 'типография', 'типографский', 'типографический' и т.п.

6. Нужно ознакомить с лексическими особенностями языка, характерными для различных сфер его употребления, и с лексическими особенностями различных стилей. Эта тема в

значительной мере может основываться на том же материале, который требуется для развития и иллюстрации ранее указанных тем, но организация этого материала в данном случае должна быть иной. Наиболее целесообразным представляется дать характеристику лексики в различных сферах речи по возможности в соответствии с темами 2—5, т.е. со стороны происхождения самого ее состава, с точки зрения семантических ее особенностей, с точки зрения словообразования в различных сферах лексики и т.п.

§ 7. Предложенное построение курса лексикологии в центре описания лексической системы конкретного языка ставит слово. Все остальное — морфемы, фразеологические единицы и т.п. — дается лишь в связи со словом.

Имея в виду неразработанность и спорность основных вопросов учения о слове, представляется целесообразным снабдить лексикологию конкретного языка общетеоретическим введением, в котором были бы изложены взгляды автора на основные проблемы слова.

§ 8. На основании всего изложенного выше представляется целесообразным включить в данное пособие по английской лексикологии в приведенной ниже последовательности следующие разделы:

1. Основные проблемы слова.
2. Структурная и фонетическая характеристика современной английской лексики.
3. Семантическая характеристика английской лексики.
4. Характеристика современной английской лексики с точки зрения сфер ее употребления.
5. Характеристика фразеологических единиц в современном английском языке, представляющих собой эквиваленты слов.
6. Характеристика современной английской лексики с точки зрения ее происхождения.

Глава II

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОВА

1. Язык как система определенных единиц

§ 9. Марксистское языкознание рассматривает язык как совокупность словарного состава и грамматического строя, совокупность, в которой словарный состав является строительным материалом, а грамматический строй — организующим моментом, и именно при соединении того и другого человеческие мысли облекаются в материальную оболочку и тем самым делается возможным обмен мыслями в человеческом обществе, а поэтому язык и является важнейшим средством человеческого общения и вместе с тем — орудием борьбы и развития общества.

Таким образом, в языке выделяется два основных компонента: словарный состав и грамматический строй. Эти компоненты качественно различны, и совокупность их нельзя понимать как простую их сумму, а также и самое слово «компонент» следует понимать здесь несколько условно.

§ 10. Вместе с тем очень важно обратить внимание и на то общее, что имеется и в словарном составе, и в грамматическом строе языка — при всех существенных различиях между ними.

Это общее состоит в том, что и тот и другой представляют собой совокупность определенных единиц языка, известную особую систему внутри общей системы языка. Но, разумеется, единицы одной из этих особых систем и отличаются существенно от единиц другой.

Для большей ясности дальнейшего изложения необходимо специально остановиться на том, что понимается здесь под единицей языка.

2. Критерии выделения единиц языка

§ 11. Единицей языка того или другого порядка, типа или характера может быть признана любая единица, выделяемая в речи, при том условии, что, с одной стороны, в ней сохраняются существенные общие признаки языка и вместе с тем, с другой стороны, не появляются какие-либо новые признаки, вносящие новое качество. Чтобы удовлетворять этим требованиям, такая единица должна, во-первых, обладать не только внешней (звуковой) стороной, но и внешне выраженным значением (смысловым или эмоциональным содержанием) и, во-вторых, выступать не как произведение, создаваемое в процессе речи, а как нечто, уже существующее и лишь воспроизводимое в речи. При этом необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что языковая единица должна обладать сразу двумя признаками, указанными выше.

Таким образом, типичными единицами языка будут такие слова, как house *дом*, red *красный*, well *хорошо*, see *видеть*, where *где;* также и отдельные морфемы: house-, red-, -ish- (в reddish), over- (в oversee), -ing (в seeing, taking, speaking и т. п.). Все эти и им подобные единицы, которые могут быть обнаружены в речи, явно обладают обоими указанными выше признаками: они, во-первых, имеют и звучание ([haus], [red], [wel] и т. п.) и значение *(дом, красный, хорошо* и т. п.), а, во-вторых, не создаются, а лишь воспроизводятся в речи как готовые единицы.

§ 12. Наоборот, отдельные звуки речи, даже и выступающие в качестве фонем, не могут быть признаны единицами языка в том же смысле этого термина, так как отдельный звук сам по себе не обладает значением: нельзя, например, сказать, каким значением обладает звук [h] в слове house. Когда говорят, что слова или морфемы делятся на звуки (фонемы), делают неправомерный скачок, так как переходят от единиц, представляющих единство внешней, звуковой и внутренней, смысловой стороны, к единицам, не представляющим такого единства, являющимся частями только внешней, звуковой стороны. Слово или морфема не делится на звуки (фонемы): разложима на звуки (фонемы) только внешняя, материальная оболочка того или другой (если, разумеется, эта оболочка образована не одним звуком).

Из сказанного следует, что звуки не представляют собой языковых единиц: они не являются ни единицами словарного состава языка, ни единицами грамматического строя языка. Звуки — единицы совершенно иного порядка: единицы в строении языка или, вернее, единицы в строении языковых единиц, но не языковые единицы как таковые.

§ **13.** По другому признаку в качестве единиц языка не могут быть выделены свободные сочетания слов, в том числе и предложения, возникающие в процессе речи.

Если принять, что конкретные словосочетания, возникающие в процессе речи, являются единицами языка, то необходимо будет признать, что все такие словосочетания входят в состав языка, так как каждая единица какой-либо системы входит в состав этой системы. В состав языка, таким образом, оказалось бы включенным вообще все то, что высказано и высказывается, т.е. все мысли, в конкретном языковом оформлении выраженные и в каждый данный момент выражаемые в речи, так как любое предложение есть предложение лишь постольку, поскольку оно выступает как единство его внешней и внутренней стороны, подобно тому, как слово есть слово лишь постольку, поскольку его звучание и его значение не разъединены. Но такое понимание языка противоречит пониманию его в качестве средства, или орудия, человеческого общения: средство никак нельзя смешивать с тем, что им создается, что производится путем его применения.

Кроме того более или менее определенная классовая направленность огромного числа конкретных словосочетаний и предложений является несомненным фактом. Трактовка конкретных словосочетаний и предложений как единиц языка ведет, поэтому, к утверждению, что язык, если не в целом, то все же в очень значительной своей части является классовым. Можно предположить, что трактовка предложения во всей конкретной его цельности как единицы языка (притом нередко провозглашавшейся даже основной единицей языка) оказалась одним из обстоятельств, способствовавших возникновению марровской «теории классовости» языка.

В действительности предложения являются основными объектами лингвистического исследования — в том смысле, что в них различные единицы языка находятся и могут изучаться в их реальных отношениях и в их взаимодей-

ствии, в их «жизни», причем именно предложения оказываются теми минимальными отрезками речи, в которых встречаются и соединяются друг с другом языковые единицы всех основных типов, так что достаточно большая масса предложений обеспечивает достаточное знакомство с языком.

Совокупность словарного состава и грамматического строя представляющую собой систему языка, можно до некоторой степени уподобить совокупности набора цифр *0*, *1*, *2*, *3*, ... *9* и правил пользования ими, которая образует систему цифрового обозначения чисел: подобно тому, как один набор цифр сам по себе еще не составляет этой системы, равно как и одни правила пользования цифрами еще не составляют ее, так и словарный состав, и грамматический строй, каждый в отдельности, не составляют еще языка. Соединения же тех или иных конкретных единиц цифрового набора с определенными правилами применения этих единиц в таких «цифросочетаниях», как *197*, *1543*, *0,5* и пр., можно отчасти сравнить с теми соединениями лексических и грамматических единиц языка, какие мы выделяем в речи как те или иные конкретные предложения или соответствующие словосочетания. «Цифросочетания» не являются единицами цифровой системы — хотя бы уже по одному тому, что их число беспредельно, и если бы они были единицами этой системы, то она никогда не могла бы быть усвоена так, чтобы ранее незнакомое «цифросочетание» было понятно. Возможность понимания любого ранее незнакомого «цифросочетания» свидетельствует с очевидностью о том, что цифровая система полностью усвоена, т.е., что известны все составляющие ее единицы. Но так как еще не встретившееся «цифросочетание», конечно, не могло быть усвоено до того, как оно встретилось, то, следовательно, оно не есть единица цифровой системы.

Соответственно то же может быть сказано и о взаимоотношении между системой языка и конкретным предложением, никогда ранее не слышанным, но вполне понимаемым данным человеком. Полное понимание этого предложения (не догадка по контексту, ситуации и пр.) свидетельствует о предварительном знании всех единиц языка, представленных данным предложением. Но само по себе это предложение не было ранее известно как целое, как единица: следовательно, оно не есть единица языка.

3. Лексические единицы языка

§ 14. Из сказанного следует, что к лексическим единицам языка будут относиться в первую очередь цельные слова — такие, как house *дом*, red *красный*, well *хорошо*, see *видеть*, where *где* и др., — и морфемы, входящие в состав цельных слов — такие, как house-, red-, -ish-, over-, а также и такие словоизменительные морфемы, как -ing (в seeing, taking, speaking и т. п.).

§ 15. Кроме того следует обратить внимание на то, что известные сложные образования, встречающиеся в речи и по своему строению подобные создаваемым в ней словосочетаниям, отличаются, однако, от этих последних как раз тем, что они являются не создаваемыми в речи, а воспроизводимыми в ней подобно тому, как в ней воспроизводятся принадлежащие данному языку слова.

Сюда относятся определенные ф р а з е о л о г и ч е с к и е е д и н и ц ы (акад. В. В. Виноградов*), так называемые слитные речения (акад. Ф. Ф. Фортунатов), составные термины; например: so so *так себе*, by all means *конечно*, (to) be at home (in) *чувствовать себя уверенным*, (to) take part *принимать участие*, a note of interrogation *вопросительный знак*, reciprocating engine *поршневая машина* и пр. Также и целые предложения могут примыкать сюда (см. §§ 254—262), в частности, например, пословицы и поговорки: All that glitters is not gold — *Не все то золото, что блестит.* As ugly as sin — *Безобразный, как (смертный) грех.* Better late than never — *Лучше поздно, чем никогда.* Easier said than done — *Легче сказать, чем сделать.* Extremes meet — *Крайности сходятся.* He laughs best who laughs last — *Истинно смеется тот, кто смеется последним* и др. При этом нужно заметить, что пословицы, поговорки, афоризмы и вообще различные изречения, воспроизводимые вновь и вновь как целые единицы, выступают в качестве е д и н и ц я з ы к а именно постольку, поскольку они воспроизводятся как с р е д с т в о для (более яркого, образного, острого) выражения мысли в процессе общения. Рассматри-

---

* В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, «А. А. Шахматов, сборник статей и материалов». Изд-во АН СССР, М.-Л., 1947.

ваемые же сами по себе, как произведения (неизвестных или известных авторов), они, собственно, еще не имеют характера единиц языка и принадлежат фольклору и литературе, будучи, конечно, вместе с тем сочетаниями единиц языка, конкретными случаями применения и проявления таких единиц.

§ 16. В некотором смысле прямую противоположность упомянутым выше сложным образованиям представляют собой такие сложные слова, появляющиеся в речи, которые оказываются не воспроизведенными, а созданными в данном процессе речи из материала и по образцам, имеющимся в словарном составе языка. Так, например, в речи может быть создано слово greenboard, поскольку в словарном составе английского языка имеются слова green *зеленый*, greenbook *зеленая книга*, green-cheese *молодой сыр*, green-cloth *зеленое сукно*, greengrocery *зеленна́я лавка*, greenhorn *новичок*, greenhouse *теплица*, black *черный*, blackboard *классная доска*, blackbird *черный дрозд*, blackcap *черноголовка*, blackhead *угорь* и др.

Строго говоря, подобные слова (типа greenboard), будучи не воспроизводимыми, а создаваемыми из отдельных единиц языка, являются новыми сочетаниями языковых единиц, произведениями, в которых используется язык; сами же они в своей цельности не представляют собой единиц языка, подобно свободным сочетаниям слов. Но вместе с тем они могут выступать в речи совершенно на тех же правах, что и обычные, воспроизводимые как готовые единицы, сложные слова. И составляющие их элементы, отдельные их морфемы, вводятся в речь не сами по себе, а именно в составе этих слов, в общем так же, как соответствующие элементы в составе готовых, воспроизводимых слов; можно сказать, что создание таких слов происходит как бы в самый момент их включения в связную речь, в предложение, а затем уже в речи, в предложении они выступают как готовые единицы, как если бы они ранее имелись в языке.

И в самом деле, когда такие слова образуются удачно, т.е. из действительно существующего в языке материала и в точном соответствии с имеющимися в нем закономерностями, а также, конечно, оказываются уместными в отношении цели и условий их употребления, они могут даже совершенно не

выделяться как новообразования, как произведения автора данной речи, а восприниматься как существовавшие ранее и лишь воспроизведенные, знакомые единицы. В случае наличия широкой общественной потребности в том или другом новом слове такого типа, соответствующее слово будет подхватываться и воспроизводиться, а также может и независимо создаваться в различных актах общения, и таким образом оно в дальнейшем окажется уже вполне реальной и несомненной единицей языка. Прежде же, чем оно действительно выявит себя как такая единица, подобное слово может рассматриваться лишь как потенциальная единица языка.

§ 17. Здесь пока говорилось о сложных словах. Но и простые производные слова могут быть потенциальными единицами языка, которые еще не являются, а может быть никогда так и не станут, подлинными единицами его словарного состава. Потенциальным словом, т.е. потенциальной единицей словарного состава, английского языка может быть названо, например, такое образование, как blackishness *черноватость*, которое вряд ли воспроизводится как готовая целая единица (в частности, его нет в «Оксфордском словаре»), но которое в случае надобности всегда может быть образовано, поскольку есть слова black *черный*, blackish *черноватый*, blackness *чернота*, boyishness *ребячество* и т.п.

§ 18. Само собой разумеется, что потенциальные единицы — слова должны быть предметом лингвистического изучения, так как, не будучи собственно единицами языка, они представляют собой образования, целиком состоящие из (более элементарных) языковых единиц, и, что особенно важно, в них проявляются возможности и законы развития и роста словарного состава языка. Можно сказать, что слова greenboard, blackishness и т.п. не входят в словарный состав английского языка как его единицы (их, как обычно говорится «нет» в английском языке), но возможность их образования и применения принадлежит английскому языку и обеспечивается всем его составом и закономерностями его системы.

§ 19. Далее необходимо обратить внимание на следующее. В любом сложном языковом образовании, а в частности и в слове, помимо единиц, имеющих конкретную звуковую

оболочку, в качестве единицы языка выявляется та или другая формула строения данного образования. Иначе говоря, сложное языковое образование не есть просто сумма входящих в него единиц языка, обладающих определенной звуковой оболочкой, но оно заключает в себе также известное правило их соединения.

Так, например, в слове boyishness мы находим не только сумму единиц boy-, -ish-, -ness- и нулевое окончание, чередующееся с окончаниями -'s, -s и -s', но и определенную формулу их соединения: nessishboy не будет равно слову boyishness. И для того, чтобы образовать слово boyishness, недостаточно извлечь единицы boy-, -ish-, -ness-, ( ) из таких образований, как boy- ( ), boy-hood, fool-ish- ( ), fool-ish-ness- ( ) и т.п., но необходимо также применить ту формулу строения слова (иначе говоря, формулу соединения отдельных единиц), которая извлекается из таких слов, как foolishness, childishness и др.

Мы наблюдаем здесь нечто подобное тому, что имеется в сложных цифровых образованиях: сложная цифра *71* содержит в себе не только простые цифры *7* и *1*, но и определенную формулу соединения цифр, без которой сочетание данных цифр не имеет несомненного смысла, и различие между *71* и *17* оказывается бессодержательным. Можно сказать, что в сложную цифру *71* помимо простых цифр *7* и *1* входит также и формула $10a + b$, которая значит то, что первая цифра обозначает число десятков, а вторая — число единиц, и сочетание обеих цифр — сумму соответствующих величин. Таким образом, эта формула не есть только момент внешней организации: она имеет определенное содержание, входит с определенным значением в общее значение данного сложного образования, участвует в создании его значения.

Конечно, система языка неизмеримо сложнее и многообразнее по своим единицам, чем цифровая система, и множество различных формул, принадлежащих ей, по-разному соединяются с единицами различных разрядов и типов. Тем не менее и в языковых сложных образованиях известная доля совокупного значения того или другого из них приходится на формулу (или формулы) его строения, хотя и не всегда можно с достаточной точностью определить эту долю. Как бы то ни было, нельзя не признать, что, например, в совокупном значении основы boy-ish- нечто принадлежит формуле строения этой основы: пусть значение *ребенка, мальчика*

принадлежит отрезку boy-, а значение *подобно* — отрезку -ish-, — все же на долю формулы строения этой основы останется по меньшей мере то значение, что «отмечаемый вторым компонентом признак связан именно с тем признаком, который обозначен первым компонентом».

Установив, что формула строения языкового образования имеет известное значение (смысловое содержание), следует поставить вопрос о том, как это значение выражается. Ведь формула не имеет конкретной материальной, звуковой оболочки, которая принадлежала бы ей так, как определенная звуковая оболочка принадлежит тому или другому слову, той или другой морфеме, например, слову boyishness в целом или отдельным входящим в его состав морфемам boy-, -ish-, -ness- и т.д. Но все же, конечно, формула строения языкового образования имеет известную внешнюю сторону, т.е. нечто, доступное внешнему восприятию, подобно тому, как такую сторону имеет формула строения цифрового образования, например, сложной цифры *71*: ведь *71* не только по значению, но и внешне, так, что это доступно зрению, отличается от сложной цифры *17*.

Внешней стороной формулы строения слова, следовательно, является не какая-либо конкретная материальная оболочка, но определенное объективно данное, доступное внешнему восприятию отношение между отдельными частями материальной оболочки того или иного образования.

4. Слово как основная единица языка

§ 20. Не случайно человеческий язык нередко называют языком слов: ведь именно слова, в их общей совокупности, как словарный состав языка, являются тем строительным материалом, без которого немыслим никакой язык; и именно слова изменяются и сочетаются в связной речи по законам грамматического строя данного языка. Таким образом, слово выступает как необходимая единица языка и в области лексики (словарного состава), и в области грамматики (грамматического строя), и поэтому слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе

обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово.

В области словарного состава слово является той единицей, которая представляет собой отчетливо выделимый, в связи с достаточной его оформленностью, кусок строительного материала языка, как бы своего рода «кирпич», по выражению Л. В. Щербы. Морфемы выделяются лишь в результате анализа уже самого слова; словосочетания же, как правило (т.е. если оставить в стороне известные готовые сочетания — фразеологические единицы), уже выходят за пределы словарного состава языка: для них характерна принадлежность их к определенным речевым произведениям, создаваемым в процессе применения языка, а не к языку как таковому, как применяемому с р е д с т в у (см. выше, § 13).

В области грамматического строя слово является той единицей, к которой в первую очередь относятся закономерности этого строя, прилагаются грамматические правила.

Слово, таким образом, будучи основной единицей языка и с точки зрения словарного состава, и с точки зрения грамматического строя, представляет собой соединение лексического и грамматического моментов и имеет как лексическую, так и грамматическую стороны.

5. Слово как единица языка с лексической и с грамматической точки зрения

§ 21. Каждое слово с лексической точки зрения выступает как данная, конкретная, индивидуализированная единица, отличная от других единиц того же порядка, т.е. от других слов: так, например, в нужных случаях берутся именно слова: house *дом*, horse *лошадь*, red *красный*, weep *плакать*, а не слова: mouse *мышь* и building *здание*, source *источник* и steed *конь*, bad *плохой* и scarlet *алый*, sweep *сметать* и sob *рыдать* и пр.

Наоборот, для грамматики характерным является отвлечение от какой-либо конкретности слова. Однако, отвлекаясь в грамматике от какой-либо конкретности отдельных слов, мы все же имеем в виду «слова вообще», т.е. не отвлекаемся от слова как определенной единицы языка, в частности еди-

ницы его лексики. Абстрагируясь от всего конкретного в слове, можно сказать, что с грамматической точки зрения speaking равно reading равно writing и т.д. Но то, что грамматическая форма, которую мы находим в speaking, как и в reading, writing и т. д., есть форма именно слова, является фактом грамматического строя. И если мы имеем дело с порядком слов, то это совсем не то же, что порядок морфем.

Это вовсе не означает, однако, что слово как единицу словарного состава следует рассматривать только как некоторую конкретную, особую единицу, отличную от других аналогичных единиц. Отдельные слова, как известно, могут находиться в самом словарном составе языка в разных отношениях друг к другу (например в отношении антонимии, синонимии — более или менее полной, в различных словообразовательных отношениях). В связи с этим могут более или менее четко выделяться различные лексические группы и типы, разряды слов (например, имена деятеля, имена действия, слова с приставками, с удвоением корня и т. п.). Таким образом, и в области лексики имеется известное обобщение частных случаев, но конкретность слова здесь все же полностью не исчезает.

В общем получается так:

С лексической точки зрения, т.е. в сфере словарного состава языка, слово прежде всего выступает подобно той или другой конкретной арифметической величине. Здесь возможны известные обобщения, но они носят примерно такой характер, как обобщение чисел *2*, *4*, *6*, *8*, *10* в качестве четных, а чисел *7*, *14*, *21*, *28*, *35* как чисел, делящихся на *7*.

С грамматической же точки зрения, т.е. в сфере грамматического строя языка, слово выступает наподобие величины алгебраической: алгебраическое *а* или *х*, не будучи никаким конкретным числом, все же представляет собой некое число, а не что-либо иное.

§ 22. Особо следует обратить внимание на сплетение лексического и грамматического моментов в словоизменительных суффиксах — в частности в окончаниях слова.

Сплошь и рядом принято относить словоизменительные суффиксы — такие, как -'s (в boy-'s, man-'s), -ed (в play-ed, meal-ed), -ing (в play-ing, mean-ing), -est (в gay-est, green-est), — целиком к грамматике. Вместе с тем нельзя забывать,

что грамматическое оформление слова есть существенный признак слова. Отвлекаясь от грамматических частностей, от отдельных грамматических форм, мы и в области лексики не можем рассматривать слово без общей его грамматической характеристики. Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Например, слово (to) play *играть*, как единица словаря, есть ... play-s ... play-ed ... play-ing ..., но не просто play-; последнее же есть не слово, а только основа его.

Здесь особо важно подчеркнуть, что не лексических морфем вообще не может быть, так как всякая единица вроде strat-, -um, re-, -read-, -ing и т.п. есть реальная составная часть какого-либо слова. «Отнятие» любой такой единицы разрушает слово. Ведь, например, stratum *слой* без морфемы -um не есть слово. Следовательно, когда известные морфемы определяются как грамматические окончания и т.п., такие определения оказываются неточными: морфемы, имеющие грамматические значения являются, собственно, не грамматическими, а лексико-грамматическими, т.е. соединяют в себе лексический и грамматический моменты (здесь особенно важно подчеркнуть, что под понятием лексико-грамматического имеется в виду не нечто среднее между лексическим и грамматическим, а именно соединение лексического и грамматического моментов).

§ 23. Тесная соединенность грамматического момента в слове с моментом лексическим сама по себе ни в какой мере не ведет к смешению этих моментов: будучи тесно соединенными в одних и тех же морфемах, эти моменты все же четко и принципиально отличаются друг от друга.

С лексической точки зрения образования вроде boy-( ), boy-'s, boy-s, boy-s' равны друг другу. Корневая морфема -boy- во всех этих словоформах одна и та же: в отношении ее мы имеем простое тождество. Но если эта морфема тождественна во всех этих словоформах, то из их равенства друг другу, с лексической точки зрения, следует, что с этой точки зрения и грамматические морфемы -( ), -'s, -s, -s' в приведенном примере равны друг другу. Иначе говоря, в лексическом плане безразлично, какая из этих морфем имеется, но важно, чтобы в каждом отдельном случае была какая-нибудь из них (иначе будет не слово, а только его

основа), причем каждая из них должна выступать как принадлежащая определенной парадигме. Парадигма же характеризует данное слово именно как слово, как целую единицу, остающуюся тождественной себе в различных представляющих ее словоформах. Поэтому-то с лексической точки зрения важно не различие между отдельными грамматическими морфемами, участвующими в образовании отдельных словоформ, а именно то общее, что в них есть: равная принадлежность их к одной и той же парадигме и связанное с этим определение ими данного слова как слова такого-то грамматического класса, такого-то грамматического разряда.

Напротив, с грамматической точки зрения наиболее существенным оказывается именно различие между отдельными словоформами, представляющими собой данное слово; а следовательно, здесь важно не то, что все грамматические морфемы, входящие в состав соответствующих словоформ, принадлежат к одной и той же парадигме, а то, что они определенным образом различают отдельные формы внутри этой парадигмы, а тем самым выделяют известную систему собственно грамматических форм.

§ 24. Выше было обращено внимание на то, что парадигма слова, т.е. система его грамматического изменения, выступает как явление грамматическое, поскольку она рассматривается, так сказать, изнутри, с точки зрения различий и соотношений между отдельными входящими в нее формами. Но взятая как целое, как данная система форм, рассматриваемая как бы извне, в отвлечении от различий между морфемами, ее составляющими, но со стороны других парадигм, отличных от нее, парадигма данного слова характеризует его именно как слово определенного типа, определенного грамматического разряда, определенного грамматического класса.

С этим непосредственно связано то, что парадигма, характеризуя слово в целом, извне, по отношению к другим словам, выступает как словообразовательное средство. Участвуя в самом создании слова и различая конкретные слова друг от друга, парадигма выступает в качестве словообразовательного средства всегда. Так, например, существительное receiver *получатель* образовано от глагола receive не только посредством суффикса -er (как это нередко пред-

ставляется при неточном описании явления), но и посредством субстантивной парадигмы — -( ), -'s, -s, -s'. Однако здесь словообразовательная роль парадигмы менее заметна, так как имеется специально словообразовательный элемент — суффикс -er-. Особенно наглядно словообразовательная роль парадигмы выступает при конверсии, когда какое-либо другое словообразовательное средство, кроме самой парадигмы, вообще отсутствует. (Подробнее см. §§ 78—84.)

§ 25. Ясное понимание характера общего соотношения между лексическим и грамматическим моментами в слове позволяет глубже и точнее разобраться и в других вопросах лексикологии — в частности в вопросе чередования звуков.

Если мы возьмем такое изменение слова, как man-( ), man-'s, men-( ), men-'s, то при стремлении механически отделить лексический момент от грамматического мы встретимся с огромной трудностью в связи с наличием здесь чередования гласных: -a- — -e-. Действительно, даже если мы признаем, что суффиксы -( ), -'s, -( ), -'s являются лишь грамматическими окончаниями, то можно ли остающиеся основные части словоформ man, man's, men, men's признать только лексическими элементами в слове? Ведь различие man- и men- служит для отличения единственного числа от множественного числа? Не есть ли -a- и -e- грамматический элемент, а корень, может быть, — только -m-n-?

Но стоит лишь преодолеть упрощенное и механистическое понимание взаимоотношения между лексическим и грамматическим в слове, и положение разъясняется. Единица -man- есть та же морфема, что и -men-, т.е. -man- и -men- два варианта одной морфемы -man-/-men-. Эта морфема, как корневая, есть лексическая морфема: в любом из своих вариантов означает *человек, мужчина.* Вариант -man- не имеет значения единственного числа: ср. (to) man *укомплектовывать личным составом;* это дополнительное грамматическое значение связано не с самим данным вариантом как таковым, но с другими морфемами — словоизменительными суффиксами (окончаниями). Поэтому нет никаких оснований выделять -a- (в man-) в качестве особого, грамматического элемента, т.е. в качестве инфикса, внедренного в корень -m-n-.

Варианты -man- и -men- сами по себе лексически совершенно равнозначны и «аграмматичны», т.е. не имеют

в себе грамматического момента, но они оказываются определенным образом закрепленными за определенными формами и тем самым распределение их в слове оказывается фактом грамматическим, принадлежащим парадигме. (Подробнее по вопросу соотношения лексического и грамматического в слове см. статью автора «Лексическое и грамматическое в слове», Сб. «Вопросы грамматического строя», изд. АН СССР, 1955 г.)

6. Проблема отдельности слова

§ 26. Для того чтобы определить, вернее, выяснить, что такое слово как единица языка, необходимо уточнить самое постановку вопроса и должным образом расчленить его. Думается, что решение этой задачи нередко дополнительно затрудняется именно тем, что к нему приступают, если можно так выразиться, не разобравшись как следует «в условиях самой задачи» и не выделив в ней отдельных вопросов. Поэтому, прежде всего, нужно хотя бы в общих чертах рассмотреть, с какими более специальными, более частными вопросами приходится иметь дело при попытке выяснить, что такое слово как единица языка.

Представляется, что отдельные более частные, более специальные вопросы, связанные с задачей определения слова как единицы языка, лежат в плоскости одной из следующих двух проблем: (1) проблемы отдельности слова и (2) проблемы тождества слова.

В самом общем виде эти проблемы могут быть сформулированы так: (1) что такое одно отдельное слово в каждом данном случае его употребления в связной речи; (2) что такое одно и то же, то же самое слово в различных случаях его употребления.

Следовательно, ставя первую проблему, мы имеем в виду отыскание и определение тех признаков, которыми слово характеризуется как таковое, как особая языковая единица, в каждом данном, отдельно взятом случае его употребления.

Ставя вторую проблему, мы имеем в виду отыскание и определение тех признаков, которыми некоторые единицы, выделяемые в различных отрезках речи в качестве слов, характеризуются как лишь отдельные случаи употребления

одного и того же слова, а не как разные слова. Отсюда ясно, что вторая проблема всегда предполагает сопоставление по меньшей мере двух единиц, из которых каждая выделяется как слово с точки зрения первой проблемы.

Существо различия между этими проблемами прекрасно показано академиком В. В. Виноградовым на примере стиха Пушкина: «Глухой глухого звал на суд судьи глухого». В этом стихе «каждый русский грамматик готов найти, — пишет В. В. Виноградов, — семь или, по крайней мере, шесть отдельных слов (если **на суд** считать за одно целое). Но, с другой стороны, «глухой», «глухого» воспринимаются как формы одного и того же слова»*. Делится ли приведенный стих на семь или шесть отдельных слов — конкретный вопрос, относящийся к первой проблеме — проблеме отдельности слова. Представляют ли собой три единицы — 'глухой', 'глухого' (1) и 'глухого' (2) одно и то же слово (или два, или три разных слова) — конкретный вопрос, относящийся ко второй проблеме.

§ 27. Слово, в каждом конкретном случае употребления его в связной речи, само является известным отрезком речи. Для того чтобы выступать в качестве отдельной особой единицы, этот отрезок, представляющий собой слово, должен характеризоваться, с одной стороны, определенной и достаточно легкой выделимостью из потока речи, т.е. по отношению к соседним аналогичным отрезкам, а с другой стороны, значительной внутренней цельностью.

В самом деле: определенная и, притом, именно достаточно легкая выделимость слова в речи, т.е. его отделимость от смежных единиц, от соседних слов, необходима для того, чтобы слово отличалось как некоторое целое, от той или иной осмысленной составной части слова; вместе с тем, значительная внутренняя цельность слова необходима для того, чтобы оно отличалось именно как одно отдельное слово от словосочетания.

Таким образом, проблема отдельности слова расчленяется на два основных вопроса: (а) вопрос выделимости слова, представляющий собой вместе с тем вопрос о различии

* В. В. Виноградов. О формах слова. «Изв. Акад. Наук СССР». Отд. лит-ры и языка, т. III, вып. I, 1944, стр. 33.

между словом и частью слова (компонентом сложного слова, основой, суффиксом и пр.); и (б) вопрос цельности слова, являющийся вместе с тем вопросом о различии между словом и словосочетанием.

§ 28. Прежде всего необходимо поставить вопрос выделимости слова и выяснить, чем отличается целое слово от какой-либо части слова.

§ 29. Давно уже известно, что выделение слова по фонетическим признакам часто не приводит к удовлетворительным результатам: выделяемые таким образом куски речи по своему характеру могут слишком резко расходиться с тем, что в жизненной практике понимается под словом, и вместе с тем различные фонетические признаки могут противоречить друг другу (например, ударение и определенные звуковые особенности соединения различных единиц: sandhi, явления начала и конца слова).

Нельзя, конечно, отрицать того, что в известных случаях те или иные фонетические моменты служат для выделения слова, для отграничения его от соседних слов, и тем самым способствуют выражению его законченности. Так, например, отсутствие ударения на полнозначной единице, имеющей субстантивное значение (не местоименного характера), в германских языках обычно является показателем того, что мы имеем дело лишь с частью слова: ср. английские ràilway, blàckboard и пр., немецкие Èisenbahn, Schwàrzbrot и пр., где отсутствие ударения на -way, -board, -bahn, -brot показывает, что эти единицы в данных случаях не представляют собой отдельных слов, но являются лишь компонентами слов. Далее, например, прогрессивная ассимиляция типа $[C_oK_v > > C_oK_o]$ (C и K — разные согласные; $_o$ — отсутствие голоса, глухость; $_v$ — наличие голоса, звонкость), приводящая к тому, что звонкая фонема $[K_v]$ оказывается замещенной после $[C_o]$ глухим звуком $[K_o]$, в английском языке наблюдается, повидимому, в тех именно случаях, когда $[K_v]$ представляет собой конечную морфему того же слова, которому принадлежит $[C_o]$, и не наблюдается, когда $[K_v]$ является началом нового слова: ср. looked up [lukt ʌp], но look down [luk daun], tied up [taɪd vp] (с сохранением в обоих этих случаях фонемы [d], так как она либо не принадлежит тому же слову,

что предшествующее [C_o], либо вообще не имеет перед собой [C_o]). Однако эти и подобные фонетические моменты, способные выражать различие между словом и частью слова и разграничивать два соседних слова, следует рассматривать лишь как некоторые дополнительные, вспомогательные средства выделения слова. В известных случаях они могут играть существенную роль, как, например, в различении английских blàckboard *классная доска* и, blàck bòard *(вообще) черная доска.* Но в определенных случаях они могут не использоваться или быть вообще неприменимыми, и в целом их никак нельзя рассматривать в качестве основных, определяющих моментов выделимости слова.

Самое важное, на что следует обратить внимание в связи с вопросом о фонетических признаках слова, — это на то, что выделение слова по одним фонетическим признакам неправильно, недопустимо методологически, поскольку при таком выделении слово рассматривается так, как если бы оно представляло собой т о л ь к о звуковой отрезок. Между тем слово, как единица языка, представляет собой образование, имеющее к а к звуковую сторону, т а к и сторону смысловую, семантическую (см. § 11).

§ 30. Из сказанного ясно, что и выделение слова по л о г и к о - с е м а н т и ч е с к о м у признаку как таковому тоже не может быть признано правильным и не может дать удовлетворительных результатов. Ничего ценного не может дать и механическое комбинирование фонетического и логико-семантического критерия.

§ 31. Исходя из понимания слова как основной единицы словарного состава (см. § 20) и вместе с тем как такой единицы, которая способна грамматически изменяться и грамматически соединяться в предложения, в связную осмысленную речь с другими единицами того же порядка, мы должны искать основные, существеннейшие признаки законченности и выделимости слова в сфере этих его особенностей как единицы языка.

Изменяемость слова предполагает известную его о ф о р м л е н н о с т ь: поскольку одно и то же слово (именно слово как таковое, а не одна его звуковая оболочка) изменяется, постольку в нем выделяется нечто основное, собственно

словарное, лексическое, остающееся тем же самым при различных изменениях слова, и, с другой стороны, — нечто дополнительное, переменное, принадлежащее вместе с тем не данному конкретному слову, а известному классу или разряду слов, отвлекаемое от конкретных слов — грамматическое, связанное с использованием слова в различных произведениях речи. Таким образом, основное, лексическое значение слова оказывается дополненным, осложненным теми или другими грамматическими значениями, которые являются материально выраженными во внешних, звуковых различиях между отдельными разновидностями — грамматическими формами слова: это и придает слову определенную оформленность.

Далее, необходимо помнить также, что различные классы и разряды слов характеризуются не только определенной изменяемостью (частным, «нулевым» случаем которой является неизменяемость), но и определенными закономерностями, правилами соединения с другими словами. Этим в них также могут выделяться и выражаться известные более общие, более отвлеченные значения (например, значения частей речи, определенных классов в пределах той или другой части речи: ср. грамматический род у существительных, переходность-непереходность у глаголов и пр.). Таким образом, индивидуальное, собственно лексическое конкретное значение того или другого слова оказывается как бы облеченным известными более общими, более абстрактными объективно выраженными дополнительными значениями, в связи с чем различным словам как бы отводится определенное место в словарном составе языка с точки зрения их отношения к грамматическому строю языка. Это значит, что слова оказываются грамматически, как морфологически, так и синтаксически, оформленными, определенным образом приспособленными к их совместному функционированию в связной осмысленной речи. Этой оформленностью слова ему и придается известная законченность, позволяющая достаточно легко и отчетливо выделить его из речи.

§ 32. Различие между словом и частью слова выступает, может быть, особенно ясно и в наиболее чистом виде в таких случаях, когда целое слово (более или менее полно) внешне совпадает с определенной частью слова, а именно — с его основой. Такие случаи, как известно, в высшей степени

характерны для английского языка, где исходные («основные») формы почти всех слов внешне совпадают с основой слова.

Возьмем для примера слово fox (общий падеж единственного числа) и основу fox-, которую мы находим как в различных формах самого слова (fox-( ), fox-'s, fox-es, fox-es'), так и в составе других слов (fox-earth *лисья нора*, fox-tail *лисий хвост*, fox-trap *капкан для ловли лисиц*, fox-y *лисий* и др.). В слове fox мы находим не только значение основы fox-, но и значение вообще существительного, предмета (ср. foxy со значением прилагательного, признака), а кроме того, и значение определенного числа и падежа: число и падеж в различных формах слова могут быть различные, но важно то, что в каждой данной форме рассматриваемое слово выступает со значениями числа и падежа. Что касается приведенной словоформы fox, внешне совпадающей с основой, то она имеет значение общего падежа единственного числа. Всего этого комплекса дополнительных значений нет у основы fox-: общее значение предметности здесь как бы растворено в ее частном, конкретном значении, так как оно здесь ничем не выделено и не выражено особо; отсутствует в основе fox- и значение падежно-числовое (например, fox-trap — ловушка не обязательно для ловли одной лисицы). Между тем именно такими дополнительными значениями, определенным образом выраженными, той или другой единице, как, например, единице fox, придается законченность и (грамматическая) оформленность слова: ведь слово ... «является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка»*. (См. по этому поводу также §§ 21—25.)

Примечание: Дополнительные значения, на которые указывалось выше, могут быть выражены хотя бы «отрицательно», т.е. отсутствием каких-либо дополнительных звуковых элементов — по контрасту с их наличием, — как в приведенном примере fox (по контрасту с fox-'s, fox-es, fox-es'). В этой связи следует заметить, что механистическое различение между «свободными» и «связанными» формами (free и bound forms), которым злоупотребляют многие американские лингвисты, ничего, по существу, не дает, но вместе с тем мешает гораздо более существенному различению — между законченным словом и частью слова, так как если под понятием «связанной» формы почти всегда подразумевается часть слова, то в понятии «свободной» формы регулярно смешивается целое

* В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 15.

слово и его основная часть: так, например, duke как целое слово (в определенной его форме) смешивается с основой duke-, которая встречается не только в этом слове, но и в слове dukedom, и отличается от «связанной» формы duch- (в duchess, duchy) в конструктивном отношении лишь тем, что она встречается в соединении как с положительным суффиксом (-dom), так и с «нулевым» (в слове duke), тогда как duch- всегда выступает в соединении с каким-либо положительным суффиксом (-ess, -y). Конечно, такое отличие имеет место, но оно не уничтожает существенного сходства между duch- и основой duke- и существенного различия между последней основой и словом duke.

§ 33. Для английского языка особо важным оказывается четкое уяснение того обстоятельства, что, помимо прямой, непосредственной, самостоятельной, или положительной, выделимости слова, которая, естественно, является в общем основной, возможна и косвенная, остаточная, или отрицательная выделимость слова, т.е. выделимость его вследствие прямой, положительной выделимости соединяемых с ним слов; с другой стороны, возможна и косвенная, остаточная, или отрицательная невыделимость языковой единицы в качестве слова, т.е. ее невыделимость, обусловленная тем, что связанная с ней единица никак не может быть признана за отдельное слово.

Из этого вытекает, что определяя ту или другую единицу языка как слово или как часть слова, т.е. в плане проблемы отдельности слова, необходимо рассматривать и изучать не только ее самое, но и те единицы, которые с ней соединяются. Поспешное признание предлогов, артиклей и даже некоторых местоимений простыми «морфемами», т.е. частью слов, нередко зависит именно от того, что должным образом не оцениваются с точки зрения проблемы отдельности слова те единицы, с которыми сочетаются данные единицы. Для должной же их оценки с этой точки зрения необходимо, как уже отмечалось, известным образом принимать во внимание и проблему тождества слова. Так, например, чтобы решительно утверждать, что the в английском языке есть лишь морфема, своего рода субстантивный префикс, необходимо выяснить, что представляет собой boy в the boy по отношению к boy в this boy, that boy, some boy, Peter's boy и т.п.: если the морфема, т.е. часть слова, то и this, и that, и some, и даже Peter's представляют собой также часть слова, так что следовало бы выделить словá this-boy, that-boy, some-boy, Peter's-

boy и т.п. Но если this часть слова, то и means в this means тоже будет частью слова, равно как и shows в that shows, coming в Peter's coming и т.п. А как тогда быть с такими языковыми образованиями, как the clever boy, the clever and diligent boy и т.п.? Следует ли их также признать цельными словами, а clever, diligent, and в их составе морфемами?

Конечно, различные слова имеют остаточную, или отрицательную, выделимость разного рода, но важно обратить внимание на то обстоятельство, что непосредственно как будто не выделимые единицы (и поэтому нередко подозреваемые в том, являются ли они действительно словами) все же должны быть признаны словами, если они обособляются в результате выделения других слов.

§ 34. Теперь возможно перейти к другому вопросу, относящемуся к проблеме отдельности слова, — вопросу цельности слова и выяснить, чем определяется цельность слова, отличающая его от словосочетаний.

§ 35. Если слово вообще выделяется в речи как таковое специфической для него оформленностью, с которой связана и определенная его законченность (причем данное слово может выделяться, главным образом, вследствие соответствующей оформленности и законченности сочетающихся с ним слов), то в отличие именно от словосочетания слово может быть охарактеризовано как обладающее цельнооформленностью. Это нужно понимать так, что даже наименее цельное по своему строению слово все же оказывается по существу более близким, в самом своем оформлении, к несомненно простому, монолитному слову, чем любое сочетание слов.

Цельнооформленность слова выявляется в специфических особенностях внутреннего строения слова сравнительно со строением словосочетания, в особенностях, которые определяются меньшей законченностью и оформленностью частей слова сравнительно с частями словосочетания, т.е. с отдельными словами. В отличие от слов как цельнооформленных образований словосочетания могут быть определены как образования раздельнооформленные.

Сказанное можно пояснить следующим примером. Если сопоставить языковое образование shipwreck *кораблекрушение*

и языковое образование (the) wreck of (a) ship, включающее те же самые корневые элементы, что и первое образование, то легко увидеть, что они, обозначая одно и то же явление объективной действительности и существенно не отличаясь по своему значению, принципиально различаются по своему отношению к грамматическому строю, по своей оформленности. Это различие состоит в том, что в первом языковом образовании — слове — оба компонента оформлены единажды: ср. ship-wreck-( ), ship-wreck-s и т.д. (то же самое и в соответствующем глаголе (to) shipwreck: ship-wreck-( ), ship-wreck-ed, ship-wreck-ing и т.д.); между тем как во втором языковом образовании — словосочетании — имеется самостоятельное грамматическое оформление для каждого компонента: ср. (the) wreck-s of the ship-s, (the) wreck of (the) ship-s и т.д.). Иначе говоря, образование shipwreck является цельнооформленным, а образование (the) wreck of (a) ship — раздельнооформленным.

§ 36. Цельнооформленность слова, естественно, сама по себе выражает известную смысловую цельность: она подчеркивает, что данный предмет или явление мыслится прежде всего как нечто одно, особое целое, даже если при этом и отмечается сложность его строения или выделяются отдельные его признаки. Так, говоря shipwreck, мы обращаем основное внимание на обозначаемое этим словом явление в целом, хотя и имеем в виду отдельные его стороны: (а) крушение, аварию и (б) отнесение этой аварии к кораблю. Напротив, если мы говорим (the) wreck of (a) ship, на первый план выдвигаются отдельные стороны обозначаемого явления, а уже через восприятие отдельных сторон этого явления осознается и явление в целом.

Однако эта большая смысловая цельность, как уже указывалось выше, выступает в слове не сама по себе, а является следствием его цельнооформленности. Поэтому в качестве самостоятельного критерия разграничения сложного слова и словосочетания она быть выделена не может.

Что же касается идиоматичности, под которой понимается здесь невыводимость значения целого языкового образования из совокупности значений входящих в него частей, то здесь необходимо заметить следующее: смысловая цельность, основанная на идиоматичности, и смысловая

цельность, основанная на цельнооформленности, являются столь различными моментами, что они могут существовать раздельно.

Здесь возможны самые различные комбинации. Возможны цельнооформленные слова, обладающие идиоматичностью, — такие, как blackboard *классная доска* (буквально: *черная доска)* — и цельнооформленные слова с отсутствием идиоматичности — например, long-bearded *длиннобородый.* То же самое наблюдается и в раздельнооформленных словосочетаниях: в таких словосочетаниях, как long beard *длинная борода,* идиоматичность вообще отсутствует, но в таких, как best man *шафер* она имеется и не подлежит никакому сомнению.

Из сказанного следует, что смысловая цельность, основанная на идиоматичности, критерием разграничения сложных слов и словосочетаний тем более не является. Здесь следует еще раз напомнить о методологической ошибочности логико-семантического признака, о чем уже говорилось в § 30.

7. Проблема тождества слова

§ 37. Возможность тождества слова в двух разных случаях его употребления, т.е. в двух отдельных актах речи, — скажем, в речи одного и в речи другого лица или в разных отрезках речи одного и того же лица, — есть другой аспект возможности повторения слова, или его воспроизведения.

Возможность повторения, воспроизведения слова, или, короче говоря, воспроизводимость (повторимость) слова в речи, представляется само собой разумеющейся, самоочевидной и является как бы одной из аксиом языка. Таким образом и возможность тождества слова при различии конкретных случаев его употребления, являющаяся лишь другим аспектом, другой стороной воспроизводимости слова в речи, в самом общем виде выступает как не подлежащая сомнению, если только не подходить к явлениям языка с позиций крайнего субъективного идеализма или метафизического эмпиризма.

Воспроизводимость слова, — и вообще любой единицы или составной части языка, — является необходимым условием самого существования и функционирования языка как средства общения, а следовательно, таким условием является и возможность того, что фактически разные отдельные

отрезки речи, произнесенные или воспринятые разными людьми, в разное время и в разном месте, будут представлять собой одни и те же составные части языка, в частности — одни и те же слова. Если бы слово представляло собой в каждом отрезке речи, выделяемом в качестве слова, нечто совершенно неповторимое, невоспроизводимое, не тождественное тому, что мы находим в каких-либо других отрезках речи, то никакого обмена мыслями между людьми посредством слов не существовало бы: ведь чтобы понять чужую речь, необходимо заранее знать, если не все, то по крайней мере большинство составных ее частей, т.е. воспринимать ее составные части как воспроизводимые единицы, как уже известные; иначе говоря, необходимо отождествлять их с определенными знакомыми единицами.

Проблема тождества слова возникает, таким образом, в связи с тем, что, в процессе применения языка, слова вновь и вновь воспроизводятся как некоторые определенные уже существующие в составе языка единицы и каждое действительно существующее в данном языке слово регулярно наблюдается в различных отдельных случаях его употребления, в разных конкретных его воспроизведениях. При этом различные конкретные случаи употребления (воспроизведения) одного и того же слова, объединяясь тождеством этого слова, вместе с тем противопоставляются всей возможной массе случаев употребления других слов, хотя бы и очень близких к данному и имеющих с ним много общего. Поэтому центральным вопросом всей проблемы тождества слова в специально лингвистической (т.е. не общефилософской) плоскости является вопрос о том, каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова, т.е. какие различия между такими случаями совместимы и какие, напротив, несовместимы с тождеством слова.

§ 38. Особое значение имеют отношения между разновидностями слова в грамматическом плане. Эти отношения не только являются в высшей степени распространенными, но они особенно важны еще и потому, что в них проявляется грамматический строй языка, его грамматика, которая придает языку стройный, осмысленный характер.

Отличительная черта грамматики состоит в том, что она

дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности. С этой особенностью грамматики связано и то, что грамматические различия между отдельными разновидностями слова сами по себе совершенно не затрагивают лексического содержания слова. Неудачной, поэтому, представляется такая характеристика грамматических различий в слове, согласно которой они являются различиями между «оттенками» значения слова. Грамматические значения являются качественно отличными от лексических и не представляют собой никаких оттенков последних.

Из сказанного следует, что, например, такие грамматические разновидности, как (to) play, (he) plays, (he) played, playing и т. д., такие, как boy, boy's, boys, boys', и такие, как gay, gayer, gayest будут лексически равны друг другу, а тем самым будут представлять одно и то же слово.

Качественно отличаясь от лексических значений, являющихся семантическим ядром слова, различные грамматические значения, естественно, сами по себе не расщепляют единства этого ядра, и тем самым различия между грамматическими формами слова совершенно беспрепятственно соединяются с его тождеством.

§ 39. Вместе с тем, однако, грамматические значения не отделены от лексических какой-либо непреодолимой гранью: одни значения могут превращаться в другие. Например, значение числа у существительных, вообще говоря, является грамматическим значением. Но в определенных случаях может оказаться, что известное число или, вернее, комплект предметов в силу тех или других объективных причин осмысляется как некоторый особый предмет, — и в таких случаях отношение к определенному числу превращается уже в признак данного комплексного предмета.

Так, например, языковое образование colours *полковое знамя*, где суффикс -s не обозначает отношение понятия *цвет* более чем к одному предмету, указывает на определенный комплект цветов, свойственный для флага, а тем самым единица colours в указанном выше значении становится уже другим словом по отношению к colour *цвет*, а следовательно, своего рода омонимом по отношению к образованию colours в значении *цвета*.

Такая лексикализация числовых различий может иметь разные степени и неодинаковую устойчивость, а также связываться и с другими семантическими различиями. Думается, что сохранение исключительных форм множественного числа, например, в английском языке у таких слов, как foot—feet, tooth—teeth и пр., в значительной мере связано с тем, что числовые различия здесь нередко перерастали в лексические. Так, teeth *зубы* большею частью именно — «комплект зубов во рту», feet *ноги*, «пара ног (человека)», «четыре ноги животного» и пр.

Все это, однако, не опровергает того, что между моментами лексическими и грамматическими имеется качественное различие и что сами по себе грамматические значения нисколько не являются «оттенками» лексических значений.

§ 40. Кроме того, необходимо обратить внимание на следующее.

Та или другая грамматическая форма как таковая сама по себе не изменяет лексического содержания (значения) слова, но самое наличие ее у данного слова и конкретные ее особенности могут определенным образом характеризовать соответствующее слово в целом, так как слово вообще выделяется как таковое определенной своей грамматической оформленностью.

Например, наличие у данного слова формы 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога характеризует это слово в целом как глагол, т.е. как единицу, принадлежащую к определенному классу или разряду слов. Само данное слово как таковое, например глагол (to) love, лексически никак не изменяется от того, выступает ли он в форме 1-го лица единственного числа или в форме 3-го лица единственного числа того или другого времени, залога и т.д. Но то, что он вообще выступает в этих и других соответствующих формах, что он изменяется по ним, т.е. то, что он изменяется по определенной парадигматической схеме — схеме спряжения — характеризует уже не отдельные словоформы, но все слово (to) love как таковое, в отличие от других, хотя бы близких к нему слов, например от слова (the) love, которое в системе своих словоформ представляет совершенно иную парадигматическую схему — схему склонения сущест-

вительного — и тем самым является другим словом.

Иной пример: Слова (to) hang *вешать (казнить)* и (to) hang *вешать, висеть* имеют вообще те же самые формы как таковые (т.е. ту же систему временных, залоговых, видовых и др. различий) и, иначе говоря, в своих грамматических изменениях следуют одной и той же парадигматической схеме. Однако в ряде своих словоформ они не совпадают друг с другом, так как одни и те же формы у них в ряде случаев имеют различные особенности, а именно — разные звуковые средства выражения своих грамматических значений: ср., например, форму прошедшего времени у глагола со значением *вешать (казнить)* — hanged, а у глагола со значением *вешать, висеть* — hung. Поскольку это внешнее различие имеет здесь определенное вещественное значение, постольку мы имеем два разных слова: слово hang *вешать (казнить)* и слово hang *вешать, висеть*. То есть и здесь не само грамматическое различие (разное внешнее выражение определенных грамматических форм) является основанием для дифференциации двух слов, а то, что это различие оказывается средством выражения лексического, вещественного различия.

Напротив, в таких случаях, как learn — learnt *учиться* и learn — learned с тем же значением *учиться*, где мы по-видимому, имеем только различие во внешней оболочке соответствующих словоформ, не связываемое с каким-либо предметным, вещественным различием, мы вряд ли можем говорить о разных словах learn и learn.

Из сказанного следует, — и на это уже указывалось в § 24, — что парадигма слова, т.е. конкретная система его грамматического изменения (его склонение, спряжение и пр.), может выступать как словообразовательное средство, т.е. как средство дифференциации разных слов, связанных по корню. Она обязательно выступает как такое средство, если она представляет собой особую парадигматическую схему (систему форм), характеризующую данное слово как определенную часть речи, отличную от части речи, представляемой другим словом (ср. love *любить* и love *любовь)*. Если же данная парадигма отличается от другой не самой парадигматической схемой, но лишь такими особенностями, которые не дифференцируют частей речи, то различия данных парадигм образуют различие между двумя словами лишь в

том случае, когда различие парадигм служит средством выражения другого, не грамматического, а предметного семантического различия (ср. слово hang *вешать (казнить)* и hang *вешать, висеть*); в противном случае различие парадигм вряд ли служит основанием для различения слов (ср. learn—learnt и learn—learned — оба со значением *учиться).*

§ 41. Прежде чем перейти от рассмотрения грамматических разновидностей слова к его другим разновидностям, необходимо сделать терминологическое уточнение. Представляется целесообразным, во избежание недоразумений, избегать слова «форма» для обозначения каких-либо иных, нежели грамматических различий, и формулировать вопрос так: имеем ли мы в случае неграмматических различий два разных слова или лишь два варианта одного и того же слова. Этим будет четко отражено различие между отношениями в двух разных плоскостях: в грамматической и лексической.

§ 42. Что касается лексических разновидностей слова, то для того чтобы эти разновидности представляли собой варианты одного и того же слова, необходимо:

Во-первых, чтобы, различаясь, они имели общую корневую часть, а следовательно — материально, в их звуковой оболочке выраженную лексикосемантическую общность.

Во-вторых, чтобы, вместе с тем, не было соответствия между материальными, звуковыми различиями и различиями лексико-семантическими, т.е. чтобы первые не выражали последних.

Из сказанного в пункте первом следует также, что различие между вариантами слова как в звуковой оболочке, так и в лексико-семантическом ядре может быть только частичным (поскольку и в той, и в другой стороне должна быть общность). При этом, если хотя бы одна корневая морфема из выделяемых в данной сложной лексической разновидности отсутствует в другой лексической разновидности, то эти лексические разновидности представляют собой разные слова (ср. railway *железная дорога* и railroad с тем же значением).

Из сказанного в пункте втором следует, что различие между вариантами, не являющееся различием грамматических форм, может быть либо лексико-семантическим, не выра-

женным во внешней стороне слова, либо, напротив, внешним, но тогда не выражающим никакого лексико-семантического различия.

Таким образом, в вариантах слова мы находим материально, в звуках объективированную, выраженную лексико-семантическую общность либо при внешне не выраженном лексико-семантическом различии, либо при внешнем различии, не выражающем никакой лексико-семантической дифференциации. Именно благодаря такому соотношению между общностью и различиями единство оказывается преобладающим над разностью — и данные лексические разновидности выступают как варианты одного слова.

Сказанное можно пояснить следующими примерами:

В качестве именно вариантов одного и того же слова выступают в английском языке, например, often и oft. Хотя эти языковые образования и различаются внешне, они вовсе не различаются по своему лексическому значению: и то и другое языковое образование имеет значение *часто*. Также варианты одного и того же слова будут представлять shade в значении *тень (не освещенное место)* и shade в значении *оттенок*, поскольку они различаются только семантически, но по своему звучанию полностью совпадают. Но уже shade в указанных значениях и shadow со значением *тень (отбрасываемая предметом)* следует отнести к разным словам, поскольку в этих языковых образованиях различие внешнее сочетается с различием семантическим. Необходимо особо подчеркнуть, что при наличии внешнего различия даже самое небольшое различие в значении ведет к разрыву тождества слова. Так, повидимому, обстоит дело с образованиями joyful и joyous, имеющими очень тонкое и трудно уловимое семантическое различие, но отличающиеся друг от друга внешне.

Кроме того следует еще раз напомнить, что различия только в звуковой оболочке слова или только в его значении не ведет к разрыву тождества слова только при том условии, если эти различия сочетаются с известной общностью в том и другом. При отсутствии же указанной общности хотя бы в одной из сторон (звуковой или семантической) тождество слова неизбежно разрушается. Выше уже приводился пример с railway и railroad, которые, несмотря на одинаковость их

значения, были отнесены к разным словам, поскольку одна из основ этих слов материально совершенно различна. К разным словам-омонимам следует отнести и spring *весна* и spring *пружина* на том основании, что, несмотря на звуковое тождество, они не обнаруживают никакой общности в их семантике.

§ 43. Варианты одного и того же слова могут быть весьма разнообразными. Обозначив их общим термином структурные варианты, представляется целесообразным провести дальнейшую классификацию и подразделить их следующим образом:

1. Варианты лексико-семантические — такие, как shade *тень (не освещенное место)* и shade *оттенок*, man *человек* и man *мужчина*, get *получать* и get *становиться, превращаться* и т.п.

2. Варианты фономорфологические, которые можно в свою очередь подразделить на:

а) Варианты фонетические, или звуковые — такие, как year [jɪə] и [jə:] *год*, often [ɔfn] и [ɔftən] *часто*, again [ə'geɪn] и [ə'gen] *опять* и т.п.

б) Варианты морфологические — с дальнейшим делением на:

(1) грамматико-морфологические, или, попросту, грамматические, — такие, как learn — learnt и learn — learned *учиться*, bandit — banditi и bandit — bandits *бандит* и т. п.

(2) лексико-морфологические, или словообразовательные — такие, как, например, некоторые прилагательные с суффиксом -al и без него, не различающиеся по своему лексическому значению.

При этом, однако, надо заметить, что здесь возможно и известное объединение отдельных различительных признаков названных выше структурных вариантов слова. Так, в частности, варианты грамматические и варианты словообразовательные могут часто сопровождаться изменением произношения корневой части слова, а тем самым выступать одновременно и в качестве фонетических вариантов.

§ 44. Слово, как известно, имеет не только звуковую оболочку и определенное значение или значения, оно имеет

также и ту или другую стилистическую характеристику, или, как говорят, окраску. Здесь под стилистической характеристикой слова подразумеваются всевозможные оценочно-эмоционально-экспрессивные моменты, характеризующие тот или иной «стиль» речи, — в самом широком смысле этого слова, — но не являющиеся составной частью собственно смыслового содержания, самой семантики данной лексемы. При этом надо заметить, что и стилистическая «нейтральность» слова, его стилистическая «бесцветность», также является известной стилистической его характеристикой.

Различие между языковыми образованиями в их стилистической характеристике не делает их разными словами. Таким образом, стилистически могут различаться не только слова, но и отдельные варианты одного и того же слова. Это непосредственно определяется самым существом взаимоотношений между разными моментами в слове.

Эмоционально-экспрессивные, стилистические моменты, как бы они порою ни привлекали к себе внимания, не могут быть поставлены наравне с моментами собственно семантическими, интеллектуальными, относящимися к выражению именно мыслей и обмену мыслями и являющиеся наиболее специфическими для языка. Поэтому различие или тождество значения, естественно, трактуется обществом совершенно иначе, чем различие или тождество стилистической характеристики. Так, например, различие между (to) black *окрашивать черной краской* и (to) blacken *чернить, пачкать* (являющееся семантическим: *окрашивать черной краской — чернить, пачкать)* оценивается как качественно иное сравнительно с различием между often и oft, которое является стилистическим (often используется в нейтральном стиле, а oft — в торжественно-поэтическом стиле).

Как бы ни были важны эмоционально-экспрессивные, стилистические моменты, но все же они понимаются как лишь некоторое дополнение, приложение к основному в слове — к его значению, к его смысловому содержанию. Поэтому, естественно, что различие между двумя языковыми образованиями в отношении этих моментов трактуется как менее существенное, как второстепенное: не случайно большею частью говорят об этом различии, как о различии лишь «оттенков», т.е. как о различии в пределах основного общего.

§ **45.** Не создавая само по себе различия между словами, различие в стилистической характеристике может сочетаться с любым структурным различием между вариантами одного слова. При этом, однако, необходимо особо обратить внимание на то, чтобы стилистическое различие, сопровождая то или другое различие между фономорфологическими вариантами слова и, таким образом, находя свое выражение в этом последнем различии, не перерастало в различие уже собственно семантическое. Так, например, often и oft будут восприниматься лишь как варианты того же самого слова только до тех пор, пока они не дифференцируются по значению, по собственно смысловому их содержанию. Как только различие стилистическое в таком случае перерастает в собственно семантическое, — единство слова в его вариантах распадается, и соответствующие языковые образования будут представлять собою уже не одно и то же слово, а два разных. Так обстоит дело с образованиями while *в то время как* и whilom *когда-то*, которые различаются не только стилистически (второе слово используется в торжественно-поэтическом стиле), но и по своим вещественным значениям.

Те или другие структурные варианты слова, различаясь стилистически, могут быть названы его стилистическими вариантами (стилистическими формами слова — по терминологии акад. В. В. Виноградова). Нужно, однако, при этом помнить, что различия в стилистической характеристике все же существуют не сами по себе, а при каких-нибудь других различиях — фономорфологических или лексико-семантических. Можно, например, сказать, что eve в словосочетании: the eve before the celebration и в байроновском стихе: Last noon beheld them full of lusty life, || Last *eve* in Beauty's circle proudly gay, || The midnight brought the signal-sound of strife, || The morn the marshalling in arms, — the day || Battle's magnificently stern array! — представлено в двух разных своих стилистических вариантах: в «нейтральном» и в «поэтически-архаическом». Но нетрудно заметить, что это различие в стилистической характеристике связывается здесь с лексико-семантическим различием: первый вариант имеет значение *канун*, в то время как значение второго варианта — *вечер*. Тем самым оба варианта слова являются не только стилистическими, но и структурными, так как различие между ними

есть проявление структуры данного слова, расщепленности его лексико-семантического стержня.

Интересно отметить, что несомненное смысловое различие может существовать и без иных различий между самими словами, словоформами или вариантами (ср.: reader *читатель* и reader *хрестоматия*, lawn *газон* и lawn *батист* и др.). Стилистические же различия, как сказано, лишь сопровождают то или иное различие другого порядка — фономорфологическое (often и oft, morning и morn, как, например, в приведенном выше байроновском стихе, и т.д.) или лексико-семантическое (eve в различных значениях). Если нет такого другого различия, то употребление данного слова в разных стилях речи (в речи разной экспрессивности и эмоциональности) не выделяет в нем различные стилистические варианты, но лишь делает его стилистическую характеристику менее специальной, менее специфической или даже вообще «нейтральной», так как стилистическая нейтральность слова основывается именно на его применимости во всяких стилях речи без внесения в них диссонанса. В такой «несамостоятельности» стилистической характеристики слова также проявляется ее существенное отличие от лексико-семантического содержания слова.

Итак, структурные варианты слова могут быть стилистически как дифференцированными, так и недифференцированными, т.е. могут одновременно быть или не быть стилистическими вариантами. Но любые стилистические варианты слова (если только между ними не проходит диалектных границ) уже обязательно являются вместе с тем какими-либо структурными его вариантами.

§ 46. Необходимо, далее, иметь в виду, что в единстве общенародного языка обычно наблюдаются известные его вариации, разновидности: будучи единым, язык большей частью оказывается не вполне единообразным, не вполне одинаковым во всем данном обществе — в связи со строением и территориальным распределением этого общества в данную эпоху, а также и вследствие предшествующей его истории, так как следы его прежних общественных условий развития далеко не сразу исчезают при изменении этих условий. Как известно, например, диалектальное многообразие языка, определившееся в результате его развития в условиях феодальной экономической и политической раздробленности, а также

и в результате всей предшествующей истории образования данного общества, не исчезает сразу и полностью при переходе от феодализма к капитализму, при образовании нации и национального литературно-языкового образца как концентрированного единства общенародного языка сформировавшейся нации.

Таким образом, при изучении того или иного конкретного языка во всем его объеме обычно приходится иметь дело не только с некоторым основным его образцом, — например, с национально-литературным, — но и с различными его ответвлениями — диалектами, а также и жаргонами. При этом обнаруживается, что одни и те же слова в разных диалектах имеют свои диалектные особенности. В связи с этим возникает вопрос о диалектных вариантах слова.

§ 47. Самым существенным представляется в диалектных вариантах то, что варианты слова, относящиеся друг к другу как диалектные варианты, могут одновременно различаться и внешне, фономорфологически, и внутренне, по своей лексической семантике. Дело в том, что соответствие в них между звуковым и лексико-семантическим различиями относится именно за счет принадлежности их не к одному и тому же образцу данного языка. Поэтому внешнее различие не выступает здесь как выразитель смыслового лексического различия, несмотря на наличие последнего, а следовательно, и не имеет того значения, как в случае взаимоотношения между вариантами слова в пределах литературного образца языка или в пределах одного диалекта.

§ 48. Если, однако, диалектный фономорфологический и вместе с тем лексико-семантический вариант слова проникает, скажем, в литературный образец языка и там противопоставляется другому (литературному) варианту того же слова уже не как диалектная единица, а как единица, принятая в литературной речи, то этот диалектный вариант делается уже особым словом в литературном словарном составе языка; ср. общеизвестный пример: *нем.* drücken — *давить, жать* и drucken — *печатать* из *южнонем.* drucken, в котором значение *печатать* развилось как переносное при значении *давить, жать.* Тогда как *средненем.* и *лит.* drücken и *южнонем.* drucken являются по отношению друг к другу лишь

диалектными вариантами, — литературное drucken, генетически тождественное с *южнонем.* вариантом (а тем самым исторически тождественное и с drücken) оказывается стоящим уже в качественно ином отношении к *лит.* drücken — в отношении особого слова*.

* Подробнее по поводу проблемы тождества слова см. статью А. И. Смирницкого «К вопросу о слове (проблема тождества слова)», Труды Института языкознания АН СССР, Изд. АН СССР, 1954.

Глава III

СТРУКТУРА СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ СЛОВ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. Структура современных английских слов

§ 49. Каждое слово членится на морфемы — наименьшие языковые единицы, обладающие существенными признаками языка, т.е. имеющие как внешнюю (звуковую), так и внутреннюю (смысловую) стороны (подробнее см. §§ 11—13). Морфема уже не поддается дальнейшему членению на языковые единицы. То, что получается при дроблении морфемы, представляет собой не языковые единицы, а всего- навсего лишь звуковые отрезки, вовсе не связанные с каким-либо значением.

Так, в частности, в словоформе teachers оказывается возможным выделить максимально три морфемы: морфему teach- со значением *обучения*, морфему -er- со значением *действующего лица, деятеля* и морфему -s со значением множественного числа. Дальнейшее членение приведенной словоформы привело бы к выделению звуковых отрезков, лишенных смысла — например, отрезков [ti:], [tʃ] и т.д.

Таким образом, дальнейшее дробление морфем невозможно без разрушения смысловой стороны. Как уже указывалось выше (см. § 12), утверждение, согласно которому слова или морфемы делятся на звуки (фонемы), означает неправомерный скачок — переход от единиц, представляющих единство внешней, звуковой и внутренней, смысловой стороны, к единицам, не представляющим такого единства, являющимися частями только внешней, звуковой стороны.

§ 50. Одна и та же морфема может, вообще говоря, встречаться в различных вариантах: ср., например, (he)

write-(s) — (he) wrote-( ) — writt-(en); man-( ) — man-('s) — men-( ) — men-('s) и т.п. Элементарность, т.е. неразложимость, морфемы, следовательно, не предполагает ее неизменяемости, но состоит лишь в том, что всякий раз, когда она встречается в речи, она выступает как совершенно целая единица, не делимая на более простые единицы. Но если она встречается в различных вариантах, то в общем, — не в каждом отдельном случае ее применения, а в системе языка, — она оказывается уже более или менее сложной системой отдельных ее вариантов. Различие между вариантами одной и той же морфемы может использоваться и для выражения грамматических значений: например, различие между вариантами -man- и -men- у слова man. Однако тем не менее даже в этом случае варианты морфемы оказываются нечленимыми. В частности в их составе нет никаких оснований выделять своего рода инфикс и членить -man- на корень -m-n- и инфикс -a- (подробнее см. § 25).

§ 51. Варианты морфемы создаются собственно звуковыми различиями, но лишь постольку, поскольку они (эти звуковые различия) не определяются общими звуковыми закономерностями данного языка. Так, английское -s [z] в dogs и английское -s [s] в cats представляет собой один и тот же вариант морфемы, несмотря на различие между [z] и [s], поскольку это различие целиком обусловлено общими звуковыми закономерностями английского языка (и оно проявляется, например, в морфеме -s — digs [z] *копает* и puts [s] *кладет*, не имеющей никакого отношения к образованию множественного числа существительных).

Наоборот, звуковое различие [z/s] в морфеме house- (ср. house *дом* — houses *дома)* следует выделить в качестве звукового различия, создающего два варианта морфемы — вариант house- [haus] и вариант house- [hauz]. Дело в том, что звонкость и глухость звука в этом случае выступает независимо от позиции, в которой этот звук находится. В случае же dogs — cats и digs — puts звонкость и глухость согласного оказывается целиком обусловленной соседством со звонким или глухим звуком.

§ 52. Важно обратить внимание еще и на то, что в современном английском языке очень распространенным является особый тип морфем — нулевые морфемы. Выше уже

отмечалось (см. § 32 примечание), что грамматические значения — такие, как значения числа, падежа, вида, залога и т.п. — могут быть выражены также и «отрицательно», т.е. отсутствием каких-либо специальных звуковых элементов — по контрасту с их наличием. Так, в словоформе teacher, кроме морфемы teach- со значением *обучения* и морфемы -er- со значением *действующего лица, деятеля*, оказывается возможным выделить еще третью морфему со значением единственного числа общего падежа — нулевую словоизменительную морфему, обозначаемую в этой книге через -( ). В самом деле, указанные грамматические значения (значения числа и падежа) не принадлежат морфеме teach-, о чем с достаточной ясностью свидетельствуют такие словоформы, как (to) teach *обучать*, где отсутствуют оба названных значения. Не принадлежат эти значения и морфеме -er-, хотя бы уже потому, что та же самая морфема -er- может иметься в составе словоформ с любым падежно-числовым значением: ср. teacher — единственное число общий падеж и teachers' — множественное число притяжательный падеж. Это заставляет предположить лишь одно, а именно — что значения единственного числа и общего падежа выделяются в словоформе teacher особо, образуя смысловую сторону третьей морфемы, материальная оболочка которой выделяется по контрасту с наличием определенного звучания в таких словоформах, как teacher-'s, teacher-s, teacher-s'.

Последнее обстоятельство (выделение нулевых морфем именно по контрасту с морфемами, имеющими определенное конкретное звучание) следует всячески подчеркнуть. Возможность выделения нулевой словоизменительной морфемы в teacher целиком обусловлена тем, что в других словоформах, представляющих слово teacher имеются положительные словоизменительные морфемы (-'s, -s, -s'), также имеющие падежно-числовое значение и регулярно противопоставляющиеся отсутствию звучания в исходе словоформы teacher по этому значению. Но уже у местоимения such *такой* возможность выделения нулевой морфемы отсутствует, поскольку отсутствует у него регулярное противопоставление отсутствия звучания его наличию в каких-либо других грамматических разновидностях этого слова. Таким образом, местоимение such необходимо признать ничем иным, как одноморфемным образованием.

Примечание: Нулевые морфемы имеются и в русском языке: ср., например, **стол-( )** при **стол-а, стол-ом; рук-( )** при **рук-а, рук-ой.** Однако в современном английском языке нулевые морфемы распространены гораздо шире: ср. (to) teach-( ), (I) teach-( ), teach-( )! и т.п. К тому же в современном английском языке этот тип морфем оказывается характерным для исходных (так называемых «основных») форм слова, которые в силу их наиболее общего и наименее относительного значения часто берутся (в частности в лексикографической практике) в качестве представителя слова в целом: ср. teacher-( ) *учитель,* gay-( ) *веселый,* play-( ) *играть* и др.

§ 53. В составе слова следует различать морфемы корневые, аффиксальные (суффиксальные и префиксальные) и морфемы словоизменительные. В частности в слове teacher выделяется корневая морфема teach-, аффиксальная (суффиксальная) морфема -er- и словоизменительные морфемы -( ), -'s, -s и -s'.

§ 54. Корневая морфема представляет собой лексическое ядро слова. Например, в приводившемся слове teacher *учитель, преподаватель* в качестве лексического ядра выступает морфема teach-, имеющая очень общее и абстрактное значение *обучения.* Морфемы аффиксальные (суффиксальные и префиксальные) лишь видоизменяют (модифицируют) указанное общее значение корневой морфемы. В частности морфема -er-, входя в состав слова teacher, придает корню значение *действующего лица, деятеля,* выполняющего действие, обозначенное корневой морфемой — действие *обучения.* Другая аффиксальная морфема — морфема -ing- придала бы корневой морфеме teach- иное значение — значение конкретного развертывания процесса, осмысляемого предметно: ср. слово teaching. Словоизменительные морфемы, или, вернее, система словоизменительных морфем, соотносят слово с правилами грамматического строя данного языка (оформляют его) и, собственно, создают слово как таковое (подробнее см. § 24). В разбираемом слове teacher эта роль принадлежит морфемам -( ), -'s, -s, -s' (teacher, teacher's, teachers, teachers').

§ 55. Основная роль корневой морфемы в образовании лексического значения слова определяется тем, что в подавляющем количестве случаев корневая морфема может выступать в соединении со словоизменительными суффиксами

самостоятельно, не будучи осложненной какими-либо специально словообразовательными аффиксами. Рассуждая абстрактно, можно было бы, например, осмыслить семантическое строение разбиравшегося выше слова teacher следующим образом: смысловым ядром этого слова является морфема -er-, имеющая значение *действующего лица, деятеля;* морфема же teach- со значением *обучения* лишь уточняет морфему -er-, определяя конкретный вид деятеля. Однако подобное осмысление становится невозможным, если должным образом учитывается не только семантическое взаимоотношение между морфемами teach- и -er- в образовании teacher, но и роль каждой из морфем в системе языка в целом. В системе же языка в целом морфема -er- регулярно выступает в качестве дополнительной к какой-либо иной морфеме (ср. writ-er-( ) *писатель*, read-er-( ) *читатель*, work-er *рабочий*, sing-er-( ) *певец* и многие другие), а морфема teach-, равно как и другие морфемы, соединяющиеся с морфемой -er-, может входить в состав слов, вообще лишенных специально словообразовательных аффиксов: ср. teach *обучать;* ср. также write *писать*, read *читать*, work *работать*, sing *петь* и др. Это и заставляет выделить в качестве лексического ядра слова teacher именно морфему teach-, но не морфему -er-, хотя абстрактный логико-семантический анализ этого слова, вообще говоря, допускает и обратное истолкование.

Против этого можно было бы возразить, что возможны случаи, когда корневая морфема не встречается в языке вне соединения с аффиксальными морфемами, но тем не менее она все же выделяется в качестве смыслового ядра слова и не перестает быть корневой морфемой. В частности морфема -veni- не встречается иначе, как в составе таких слов, как con-veni-ent-( ) *удобный*, con-veni-ence-( ) *удобство* и т.п., имеющих, кроме морфемы -veni-, также одну префиксальную морфему (con-) и одну суффиксальную морфему (-ent-, -ence-). Однако и здесь достаточно тщательный анализ системы языка в целом заставляет признать морфему -veni- в качестве аналогичной по своей роли в языке морфеме -teach-. В самом деле, хотя морфема -veni- действительно не встречается вне соединения со специально словообразовательными аффиксами, специально слоовобразовательные аффиксы, соединяющиеся с ней (например, суффиксы -ent- и -ence-), могут сочетаться

по той же формуле строения (см. § 19) с такими морфемами, которые известны в системе языка и вне соединения с какими-либо словообразовательными аффиксами: ср., например, differ-ent-( ) *различный* и differ-ence-( ) *различие* при глаголе differ-( ) *различать*. Таким образом, в системе современного английского языка морфема, соединяющаяся с суффиксами -ent- и -ence-, в подавляющем большинстве случаев может функционировать в качестве единственной собственно лексической морфемы в слове, непосредственно соединенной с системой словоизменительных суффиксов, оформляющих эту морфему и придающих ей характерную для слова выделимость (см. § 27). Это и заставляет выделять в качестве основной, центральной морфемы в слове морфему, предшествующую суффиксам -ent- и -ence-, также и тогда, когда эта морфема вообще неизвестна вне сочетания с этими суффиксами.

§ 56. В связи с этим следует обратить внимание на то, что значение корневых морфем в ряде случаев может ослабляться, как бы тускнеть, и в результате корневые морфемы, оставаясь именно корневыми морфемами, могут до известной степени сближаться с аффиксами. В качестве примера может быть взята морфема -man-. В составе слова Frenchman-( ) эта морфема является типичной корневой морфемой, поскольку она не только выступает в качестве лексического ядра в таких словах, как man-hood-( ), man-ly-( ), man-( ), но и сохраняет свой корневой характер в силу того, что она регулярно противопоставляется корневой морфеме слова woman-( ) в таких параллельных образованиях, как Frenchwoman-( ). Та же самая морфема -man- в словах типа postman-( ) *почтальон*, seaman *моряк* и др., повидимому, выступает с несколько ослабленным значением. Она попрежнему соотносится с корневой морфемой в словах man-hood-( ), man-ly-( ), man-( ) и др., но уже не противопоставляется корневой морфеме слова woman-( ), что указывает на отсутствие в ее общем значении значения лица мужского пола. Тем самым морфема -man- в данном случае своего употребления приближается к суффиксальной морфеме, хотя и не перестает быть все же корневой морфемой в результате наличия в современном английском языке таких слов, как man-hood, man-ly-( ), man-( ) и др.

§ **57.** Представляется необходимым также указать на специфичную по своей структуре группу слов типа telegraph *телеграф*, telescope *телескоп* и т.п.

При рассмотрении ряда подобных слов с одинаковым первым компонентом — например, слов tele-graph-( ), tele-scope-( ), tele-phone-( ) и др. — создается впечатление, что tele- является префиксальной морфемой со значением отдаленности, большого расстояния, а морфемы -graph-, -scope-, -phone- и др. представляют собой корневую морфему. Наоборот, при сопоставлении слов этого типа с одинаковым вторым компонентом — например, tele-graph-( ), phono-graph-( ), seismo-graph-( ) и др. — наиболее вероятным представляется считать второй компонент -graph- суффиксом, а первый компонент (tele-, phono-, seismo-) выделить в качестве корневой морфемы. Таким образом, получается так, что как будто следует признать членение слова telegraph и других слов подобного рода на суффикс и префикс и констатировать отсутствие в них корневой морфемы: ведь ни один из компонентов этих слов не сопоставляется с корневой морфемой какого-нибудь простого слова. Между тем по структурным нормам слова подобное членение невозможно. Вопрос здесь, повидимому, должен быть решен так: *и* первый компонент *и* второй компонент слов типа telegraph является корневой морфемой, но корневой морфемой особого рода — ограниченной лишь определенной группой сложных слов. Выступая в составе этих слов, в качестве корневой морфемы, она (эта морфема) неизвестна за пределами данных сложных слов, отчего она в известной степени может сближаться то с суффиксальными, то с префиксальными морфемами.

§ **58.** Далее необходимо учитывать, что в процессе исторического развития характер конкретных морфем может значительно изменяться. Это связано с тем, что первоначально сложные слова могут с течением времени превращаться в слова производные и в слова простые. В частности слово husband *муж* в современном английском языке является, бесспорно, простым. Между тем в древне-английском языке это слово членилось на две корневые морфемы, а следовательно представляло собой сложное слово: ср. hūs-bōnd-a *муж*, собственно *хозяин дома, глава дома*. К сложному слову восходит и современное английское производное слово free-

dom-( ) *свобода:* ср. древнеанглийское frēo-dōm-( ) (морфема -dōm- в древнеанглийском языке должна быть признана корневой, поскольку она сопоставлялась с соответствующей морфемой в простом слове dōm-( ) *суждение, постановление, приговор, решение, условие;* в современном английском языке соответствующее слово — doom — разошлось по звучанию с морфемой -dom- и указанное сопоставление было нарушено).

Из сказанного следует, что та или иная конкретная морфема может быть отнесена к корневым морфемам или к морфемам суффиксальным лишь в данную, строго определенную эпоху развития языка. Первоначально корневые морфемы с течением времени могут превращаться в аффиксальные и могут вообще перестать вычленяться. Возможны и такие случаи, когда первоначально простое слово в ходе истории языка превращается в производное — случаи так называемого «обратного образования»: ср. beggar *нищий*, chauffeur *водитель* и др. (подробнее см. § 69). Именно поэтому к вопросам структуры слова необходимо подходить лишь на основе тщательного и всестороннего анализа системы языка в строго определенную эпоху его развития.

§ 59. Корневую морфему следует четко отличать не только от аффиксальной морфемы, но и от основы слова.

Прежде всего, естественно, между корневой морфемой и основой существует часто количественное различие. Так, например, и в слове horse-( ) *лошадь*, и в слове horse-man-( ) *наездник*, и в слове horse-man-ship-( ) *искусство верховой езды* корень слова один и тот же, а именно — horse-, между тем как в качестве основы указанных слов будут выступать в каждом случае различные языковые образования: в первом случае — одноморфемное horse-, во втором — двухморфемное horse-man- и в третьем — трехморфемное horse-man-ship-. Точно то же наблюдается и в таких словах как boy-( ) *мальчик*, boy-ish-( ) *детский*, boy-ish-ness-( ) *ребячество* и др.

Однако количественное различие между корнем и основой наблюдается не всегда, как хотя бы видно из приведенных примеров, да оно и не является главным.

Главное различие между корнем и основой состоит в том, что сами принципы выделения того и другого существенно различны. Корень выделяется, как уже было сказано выше (см. § 54), на основе того, что он представляет собой семанти-

ческое ядро слова, но совершенно безотносительно к вопросам грамматического оформления слова, из которого он извлечен. При выделении основы, напротив, наиболее существенным оказывается то, что она является именно той частью слова, которая поступает в распоряжение грамматики, будучи непосредственно связана с системой формообразующих суффиксов, оформляющих слово. Это вовсе не означает, что корень и основа слова не могут представлять собой реально одну и ту же морфему, но при этом та же самая морфема рассматривается с различных сторон. Так, корневая морфема в слове horse-( ) характеризуется с точки зрения того, что она заключает в себе индивидуальное лексическое значение *лошадь*. Та же самая морфема, взятая как основа, рассматривается уже с точки зрения взаимоотношения между грамматическим оформлением слова, и остальной частью слова. То обстоятельство, например, что морфема horse- имеет в исходе звук [s], не играет никакой роли для характеристики этой морфемы как корня слова horse-( ) и, наоборот, играет очень важную роль при характеристике той же морфемы как основы: как известно, основы существительных, содержащие в исходе звук [s], присоединяют положительные словоизменительные суффиксы не непосредственно к основе, а с помощью специального соединительного гласного [-ɪ-] (ср. horse's [hɔ:s-ɪ-z], horse-s [hɔ:s-ɪ-z], horses' [hɔ:s-ɪ-z]). Таким образом, в данном случае структурные особенности парадигмы слова находятся в прямой зависимости от той части слова, к которой эта парадигма присоединяется — иначе говоря, от основы слова.

В целом ряде случаев основа слова может определять сам выбор словоизменительных суффиксов. В частности это имеет место в слове horse-man-: то, что в качестве второго компонента основы выступает морфема -man-, объясняет, например, нулевое окончание множественного числа (ср. словоформу horse-men-( ) *наездники)*, вместо обычного положительного окончания -s.

§ 60. В многоморфемном слове морфемы, входящие в основу слова, неодинаковы по выполняемой ими функции.

Так, в слове horse-man-ship-( ) морфема -man- непосредственно соотносится с морфемой horse-, и обе они уже, взятые как целое, соотносятся с морфемой -ship-, которая оформляет их как основу слова horse-man-ship-( ), поступающую в

распоряжение грамматики и соединяемую с формообразующими суффиксами.

Подобное же взаимоотношение до известной степени находим мы и в образованиях типа black-eye-d-( ). Здесь суффикс -d-, также как и суффикс -ship- в слове horse-man-ship-( ), относится не к какой-либо одной из двух предшествующих морфем, а к двум морфемам одновременно. Различие в этом случае заключается в том, что связь суффиксальной морфемы -d- с морфемами black- и -eye- оказывается еще прочнее, поскольку соединение морфем black-eye- в системе современного английского языка не может выступать самостоятельно в качестве основы какого-либо слова. Тем самым оформляющая роль морфемы -d- здесь становится особенно заметной: возможность быть использованным как основа слова, образование black-eye- получает лишь благодаря соединению с суффиксальной морфемой -d-.

Совершенно иное взаимоотношение между морфемами обнаруживается в слове evil-do-er-( ). В этом слове суффиксальная морфема -er- непосредственно связана с морфемой -do-, вместе с которой она уже соединяется с морфемой evil-, так что основа слова evil-do-er-( ) *преступник*, *грешник* членится прежде всего на evil- и doer-, а лишь затем в -doer- выделяются морфемы -do- и -er-.

§ 61. Разное соотношение между компонентами основ и разный состав этих компонентов определяют различие в структурной характеристике слова.

В зависимости от количества, характера и соотношения морфем, образующих основу слова, слова подразделяются на следующие структурные типы:

1. Слова простые — содержащие лишь одну корневую морфему: такие, как horse-( ) *лошадь*, dog-( ) *собака*, man-( ) *человек*, make-( ) *делать*, put-( ) *класть*, black-( ) *черный*, gay-( ) *веселый*, small-( ) *маленький* и многие другие.

2. Слова производные — содержащие в своем составе одну корневую и одну (или более) аффиксальную (суффиксальную или префиксальную) морфему. Сюда будут относиться и такие слова, как man-ly-( ) *мужественный*, mak-er-( ) *творец*, black-ish-( ) *черноватый* и т.п., имеющие одну суффиксальную морфему; и такие слова, как un-do-( ) *уничтожать сделанное*, re-make-( ) *переделывать*, имеющие одну префиксальную мор-

фему; и такие, как man-li-ness-( ) *мужественность*, boy-ish-ness-( ) *ребячество*, имеющие две суффиксальные морфемы; и, наконец, такие, как in-differ-ence-( ) *равнодушие, безразличие*, re-pay-able-( ) *подлежащий уплате, возмещению*, имеющие как суффиксальную так и префиксальную морфемы. Разумеется, что в зависимости от количества и характера аффиксальных морфем производные слова могут быть подразделены на ряд более частных типов.

3. Слова сложные, в основу которых входит две или большее количество корневых морфем. К словам сложным принадлежат и слова типа horse-man-( ) *наездник*, в которых полностью отсутствуют аффиксальные морфемы, и слова типа evil-do-er-( ) *преступник, грешник*, в составе которых выделяется какая-либо аффиксальная морфема.

В качестве разновидности сложных слов выделяются еще сложнопроизводные слова типа приводившегося уже black-eye-d-( ), отличающиеся указанными выше особенностями в соотношении между морфемами, входящими в состав основы.

2. Принципы морфологического анализа основ

§ 62. Для того, чтобы в результате исследования какого-либо языкового материала могли быть сделаны четкие и систематизированные, подлинно научные выводы относительно строя данного языка, этот материал должен быть подвергнут тщательному и точному анализу, основанному на определенных принципах. Определение принципов лингвистического анализа является одной из самых насущных задач языковедения, для выполнения которой, к сожалению, сделано еще очень мало. Наибольшие успехи в этом направлении достигнуты, повидимому, в области фонетики, из которой, на основе понятия фонемы, выделилась фонология, потребовавшая, в самом процессе ее формирования, разработки новых принципов анализа языкового материала. Тем не менее в практике исследования фонетического строя принципы фонологического анализа далеко не всегда должным образом принимаются во внимание.

Изучение грамматического строя и, в особенности, лекси-

ческого состава языка в гораздо большей степени страдает от неразработанности и неопределенности самих принципов анализа; кроме того и здесь, так же как и в области фонетики, в практической работе нередко упускаются из виду те отдельные принципиальные положения, которые устанавливаются и признаются в теории.

Особенно важными вопросами, нуждающимися в специальном обсуждении в этой работе, являются вопросы членения слова, или, точнее, принципы морфологического членения основ, поскольку само выделение основы, отделение ее от формообразующих суффиксов обычно не вызывает больших затруднений.

§ 63. Проф. Г. О. Винокур в своей статье «Заметки по русскому словообразованию» (Известия АН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 4, 1946, стр. 315—332) выдвигает следующее положение: «. . .если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звукосочетание, то выделение произведено неправильно, т.е. не отразило реального факта языка» (стр. 317).

Прежде всего нужно заметить, что это положение, по-видимому, предполагает другое, противоположное ему, а именно: если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой не пустое звукосочетание, то выделение произведено правильно, т.е. отразило реальный факт языка.

Далее: обоими этими положениями постулируется возможность установить отсутствие или наличие значения у остаточного звукового комплекса независимо от того, что представляет собой выделяемый звуковой комплекс с семантической точки зрения; вместе с тем наличие или отсутствие значения у этого комплекса (т.е. у выделяемого) ставится в зависимость от того, имеет ли остаточный звуковой комплекс какое-либо значение или нет, так как под правильным, отражающим реальные факты языка, членением основы подразумевается, очевидно, такое ее членение, при котором каждая из выделяемых частей обладает некоторым значением,

тогда как под неправильным членением — такое, при котором выделенные части оказываются незначащими.

Если выражение «звуковой комплекс» заменить более общим термином — «звуковой отрезок» (включающим понятия и звукового комплекса, и отдельного звука — фонемы), то сказанное выше можно формулировать так:

1. Наличие или отсутствие какого-либо значения у звукового отрезка *A*, остающегося по выделении звукового отрезка *B* из (звукового) состава какой-нибудь основы, может быть установлено без определения того, что представляет собой, в семантическом отношении, выделенный отрезок *B*.

2. Если звуковой отрезок *A* обладает каким-нибудь значением, то и звуковой отрезок *B* имеет некоторое значение; если же *A* не обладает никаким значением, является пустым звуковым отрезком, то и *B* представляет собой звуковой отрезок, лишенный какого-либо значения.

Так как заранее не определяется, что представляет собой звуковой отрезок *B*, то и звуковой отрезок *A* не характеризуется какими-либо определенными признаками: он определяется только как разность между звуковым составом основы *L* и звуковым отрезком *B;* т.е. $A = L - B$, а следовательно, $B = L - A$. Таким образом, если можно установить, имеет ли *A* какое-либо значение или нет, независимо от того, что представляет собой *B*, то также можно непосредственно определить, обладает ли *B* каким-нибудь значением или нет, при самом его выделении из *L*, т.е. не выясняя, окажется ли остаточный звуковой отрезок *A* значащим или нет. И если от наличия или отсутствия значения у звукового отрезка *A* можно заключить к наличию или отсутствию значения у *B*, то соответствующее заключение можно делать и в обратном направлении — от *B* к *A*.

Следовательно, отправляясь от вышеприведенного положения Г. О. Винокура, можно придти к такому выводу:

Относительно любого из звуковых отрезков *A* и *B*, на которые делится какая-нибудь основа *L*, можно установить, обладает ли он значением или нет, не определяя характер другого отрезка; при этом наличие значения у одного из звуковых отрезков будет свидетельствовать о наличии значения и у другого, а отсутствие значения у одного из них — об отсутствии его и у другого; в первом случае основа *L* окажется расчлененной правильно, во втором — нет.

Дело сводится, следовательно, к установлению наличия или отсутствия значения у одного из звуковых отрезков, *A* или *B*.

§ 64. Для того, чтобы один из этих звуковых отрезков имел значение, выделимое из общего значения основы *L*, необходимо:

1. Чтобы данный отрезок *A* или *B*, встречался не только в составе основы *L*, но и в составе какой-либо другой основы, например *M*, в соединении с каким-нибудь иным звуковым отрезком, например *C*, или в соединении с «нулем», т.е. без всякого другого звукового отрезка; иначе говоря, чтобы наряду с основой $L = A + B$ в языке была основа $M_1 = A + C$ или $M_2 = C + B$ или $M_3 = A\ (+\ O)$ или $M_4 = B\ (+\ O)$;

2. Чтобы основы *L* и *M* (M_1 или M_2 и т.д.) относились к таким предметам, явлениям и т.п., которые обладали бы отчетливо выделимыми общими признаками, т.е. принадлежали бы, по определенным признакам, к одной группе предметов, явлений и т.п.

Если эти требования соблюдены, то общий звуковой отрезок в составе основ *L* и *M*, естественно соотносится с общими признаками предметов, явлений и т.п., обозначаемых с помощью основ *L* и *M*, и в результате осознания этих признаков образуется значение этого общего звукового отрезка, тогда как звуковые отрезки, — в том числе и «нуль», — дифференцирующие основы *L* и *M*, неизбежно получают те значения, которыми осмысляются различительные признаки предметов, явлений и т.п., обозначаемых посредством *L* и *M*.

§ 65. В качестве иллюстрации можно взять те примеры, которые рассматриваются проф. Г. О. Винокуром в упомянутой его статье, а именно — ‘смородина’ и ‘малина’. В основах этих слов имеется общий им звуковой отрезок ‘-ин-’; вместе с тем оба слова обозначают ягоды, т.е. относятся к предметам, обладающим известными общими им признаками, к предметам одного класса. Поэтому общий данным основам звуковой отрезок ‘-ин-’ представляется не случайно одинаковым в них, но осмысленно одинаковым: он наполняется определенным содержанием, значением *ягода*, и тем самым оказывается морфемой.

Вместе с тем и звуковые отрезки ‘мал-’ (в ‘малина’) и

смород- (в ‘смородина’) неизбежно осмысляются: если ‘-ин-’ в рассматриваемых основах значит *ягода*, то очевидно, что ‘мал-’ и ‘смород-’ значат *то в малине и смородине, соответственно, что отличает эти ягоды друг от друга и от прочих ягод.* Из того, что значения звуковых отрезков ‘мал-’ и ‘смород-’ трудно определимы словами, еще не следует, что этих значений не существует. Проф. Г. О. Винокур утверждает, что «...звукосочетания ‘мал-’, ‘смород-’ сами по себе лишены функции, ссылкой на которую можно было бы объяснить разницу между ягодами малиной и смородиной...». Такое утверждение имеет, повидимому, тот смысл, что эти комплексы не могут быть использованы «сами по себе», т.е. без морфемы ‘-ин-’ при описании значения основ ‘малин-’ и ‘смородин-’, но оно отнюдь не заставляет признать, что у этих комплексов нет значения, что они являются пустыми звукосочетаниями. Ведь и звуковой отрезок ‘библио-’ не может быть использован при разъяснении слова ‘библиотека’, но тем не менее он несомненно значит *книга*, и основа ‘библиотек-’, по мнению самого проф. Г. О. Винокура, членится на значащие звуковые комплексы. Трудность выявления значения у комплексов ‘мал-’ и ‘смород-’ состоит преимущественно в том, что в языке нет соответствующих синонимов и нет подходящих средств для описательного обозначения того, что обозначается этими комплексами в составе основ ‘малин-’ и ‘смородин-’. И эта трудность, повидимому, помешала проф. Г. О. Винокуру дать тот анализ этих основ, какой на основании изложенных выше принципов представляется единственно правильным.

Такой случай, как ‘библиотека’, по существу не отличается от такого, как ‘малина’, ‘смородина’, и звуковой отрезок ‘библио-’ только потому представляется обладающим функцией, «ссылкой на которую можно объяснить разницу» между ‘библиотекой’ и, например, ‘картотекой’, что его значение можно примерно передать словом ‘книга’ и таким образом объяснить значение слова ‘библиотека’ как *собрание книг*. Тот факт, что наряду со словом ‘библиотека’ имеются слова ‘библиоман’, ‘библиофил’, ‘библиология’ и др., принципиально дела не меняет: поскольку имеется такой ряд слов, как ‘библиотека’, ‘картотека’, ‘фототека’ и т.п. на ‘-тека’, обозначающих собрание или склад и т.п. известных предметов, постольку ‘-тек-’ выделяется в них как суффикс со

значением *собрание*, *склад*, а предшествующие ему звуковые отрезки — как морфемы, обозначающие соответствующие предметы (книги, карточки и т.д.). Конечно, принадлежность слова 'библиотека', кроме того, ко второму ряду слов, — 'библиотека', 'библиофил', 'библиоман', 'библиография' и т.п., — сближаемых друг с другом наличием в них общего звукового отрезка ('библио-') и наличием общего или сходного признака у обозначаемых ими предметов (а именно — той или иной связи с книгами), содействуют отчетливости выделения и раздельного осмысления звуковых отрезков 'библио-' и '-тек-'.

§ 66. Важно подчеркнуть то, что для членения основы вообще достаточно, чтобы она входила в один ряд, удовлетворяющий указанным выше требованиям.

Проф. Г. О. Винокур не отрицает членимости основы в том случае, когда она принадлежит слову, входящему только в один ряд, если этот ряд образуется словами с общим корнем. Поэтому он считает, например, что наличие таких рядов, как 'пастух, пасти', — 'жених, жена, женить', — 'королева, король', — 'попадья, поп', — 'рисунок, рисовать', — вполне достаточно для выделения суффиксов в основах слов 'пастух', 'жених', 'королева', 'попадья', 'рисунок', хотя рядов, определяемых общностью этих суффиксов, не имеется. В то же самое время он отрицает членимость основы в том случае, когда данное слово входит только в один ряд, если этот ряд образуется из слов, сближаемых по такому общему звуковому отрезку их основ, который не может быть признан их корнем, хотя бы общности этого звукового отрезка и соответствовало наличие известного общего признака у всех предметов, явлений и т.п., обозначаемых словами этого ряда, как, например в случае 'малина', 'смородина', а также в случае 'брусника' — 'клубника' и др.

§ 67. Как видно из предшествующего разбора общих принципов выделения морфем из состава основы, выделение какого-либо отрезка основы в качестве морфемы по существу совершается на одних и тех же основаниях — независимо от морфологического характера этого отрезка. Конечно, между корнем и аффиксом есть существенное различие, и соответствующее различие имеется между рядами, определяемыми

общностью корня, и рядами, определяемыми общностью аффикса, но эти различия не имеют принципиального значения для самого членения основ или целых слов. Такое членение само по себе есть вообще деление сложной единицы языка на более простые единицы, в частности — на элементарные значащие звуковые отрезки, т.е. на единицы-морфемы.

§ 68. Отсутствие значения у одного звукового отрезка основы (или слова) можно констатировать только тогда, когда у другого, остающегося, звукового отрезка также не обнаруживается никакого значения основы (или всего слова). В противном случае отсутствие значения может оказаться только кажущимся. Имеющееся значение можно не заметить, не уловить, но если какое-либо значение обнаружено, то уже нельзя сомневаться в его существовании. Поэтому, например, при анализе основ таких слов, как 'малина', 'смородина' и т.п. не следует исходить из того, что у отрезков 'мал-' и 'смород-' как будто не обнаруживается значения (и отсюда делать вывод об отсутствии значения у звукового отрезка '-ин-'), но следует исходить из наличия значения у звукового отрезка '-ин-' и отсюда заключать о наличии значения у предшествующих ему звуковых комплексов. Определение же того, чем является выделенный звуковой отрезок со значением, — корнем или аффиксом, — представляет собой особую проблему, отличную от проблемы самого членения основы и слова.

§ 69. Вышеизложенные теоретические соображения подтверждаются также эмпирическим явлением так называемого «обратного словообразования». Так, например, в английском языке при слове chauffeur *шофер* возникает глагол (to) chauffe *возить в автомобиле*. Такое новообразование могло возникнуть только в результате выделения -eur как суффикса в таком ряду как chauffeur, driver *водитель, погонщик* и т.п., singer *певец* и т.п. (-eur звучит так же, как и -er). Звуковой отрезок, обозначаемый орфографически через chauff(e), в других рядах слов первоначально не встречался и по мнению проф. Г. О. Винокура он не мог бы быть выделен как морфема (подобно 'мал-' в 'малина' и т.п.). Тем не менее он был выделен, так как выделился, в качестве суффикса, звуковой отрезок, передаваемый в правописании через eur.

3. Словообразование

§ 70. Прежде всего необходимо внести ясность в понимание самого термина «словообразование».

Нередко под термином «словообразование» разумеются два разных явления: (1) сам факт образования нового слова, т.е. то, что слово *A* существовало раньше, чем слово *B*, которое было в определенное время образовано (произведено) от слова *A*, было когда-то и при каких-то обстоятельствах создано на базе этого последнего; (2) наличие в языке конкретного исторического периода определенных словообразовательных моделей, проявляющихся в определенном соотношении слов, при котором одни слова, например слово *A*, выступают по своему строению (по значению и звучанию) как более простые, а другие слова, например слово *B*, как более сложные. В результате этого последние понимаются и трактуются в качестве образованных от первых.

В большинстве случаев оба явления оказываются так соединенными между собой, что существующее в данный момент отношение между словами, связанными по корню (т.е. второе явление), представляет собой результат и отражение создания одного из этих слов на базе другого (т.е. первого явления). Это соединение обоих явлений непосредственно наблюдаемо, когда мы имеем дело с образованием новых слов в самое недавнее время, в нашу эпоху. Так, например, слово leftist *левак* является более сложным, чем слово left *левый*, и выступает поэтому, как производное по отношению к последнему; вместе с тем мы из собственного опыта знаем, что слово left существовало раньше слова leftist, которое появилось на нашей памяти.

В других случаях подобное же положение дела выясняется путем изучения более ранних памятников. В частности в отношении слова read *читать* и структурно более сложного по отношению к нему слова readable *читаемый* (т.е. могущий быть прочитанным) оказывается возможным выяснить, что слово read существовало еще в древний период английского языка *(да.* rǣdan, имевшее очень широкое значение — *советовать, замышлять; решать; править, руководить, вести, объявлять, угадывать, читать)*, а слово readable не только не существовало в указанное время, но и не могло су-

ществовать, поскольку суффикс -able-, имеющийся в его составе, появился в английском языке лишь в среднеанглийский период, когда он был извлечен из французских заимствований.

§ 71. Однако обычность такого соотношения между обоими явлениями не делает их тождественными, и возможны случаи иного соотношения между ними: слово, выступающее в данную эпоху как производное, поскольку оно оказывается по своему строению более сложным, представляет собой как раз ту единицу, на базе которой было создано более простое слово, функционирующее в качестве основного по отношению к нему. Это — случаи так называемого «обратного» словообразования.

В дополнение к случаям «обратного» словообразования, приводившимся в § 69, можно привести и такой пример:

Слово beggar *нищий* в составе современного английского языка явно выступает как производное от beg *просить милостыню* и по существу оно находится к нему в том же словообразовательном отношении, как writer *писатель*, reader *читатель*, worker *рабочий*, hunter *охотник*, teacher *учитель* и др. к write *писать*, read *читать*, work *работать*, hunt *охотиться*, teach *обучать* и др. Между тем с точки зрения словообразования как явления создания нового слова beg оказывается произведенным от beggar, а не наоборот: beggar есть заимствованное французское (старофранцузское) begard, begart *монах нищенствующего ордена*, а beg образовано от него «отнятием» -ar-, понятого как суффикс деятеля -er- (имеющий с ним тождественное произношение), который обнаруживается в словах writer, reader, worker, hunter и др. Таким образом, в подобном случае очень существенно различать, какое из двух упомянутых явлений имеется в виду под «образованием одного слова от другого», т.е. под словообразованием: если имеется в виду первое явление (создание нового слова), то beg должно быть определено как образование от beggar (французское begard, begart дало beggar, а уже на базе этого последнего — beg); если же имеется в виду второе явление (исторически сложившееся отношение между данными словами), то необходимо beg определить как основное слово, а beggar — как производное слово.

Такие случаи вскрывают различие между двумя явлениями,

обозначаемыми как словообразование (в смысле «образование одного слова от другого»), но ясно, что это же различие по существу имеется и тогда, когда оба явления находятся «в согласии» друг с другом: в принципе следует их различать и в этих, обычных случаях.

§ 72. Следует со всей категоричностью подчеркнуть, что описание существующих явлений в их соотношении, явлений на данном конкретном этапе развития языка не должно подменяться изложением их происхождения, и что в одной картине не должно даваться как настоящее, так и прошлое. Бывшее и уже отжившее, утраченное, не должно мешать рассмотрению ставшего и становящегося нового в том виде, в каком оно исторически сложилось и продолжает развиваться.

Так, например, те исторические факты, что английское beggar было заимствовано из французского begard, begart, и что beg было произведено от beggar, являются прошлыми фактами в истории английского языка, уже развившимися в другие, новые: beggar было заимствовано, но стало английским словом и как английское слово оно перестало быть нечленимым и стало члениться в виде begg-ar-( ) и таким образом стало производным от beg, хотя это последнее и создалось само на базе слова beggar.

Изучая современный английский язык как таковой, в синхроническом плане, мы должны рассматривать в нем то, что стало и становится, и поэтому мы не вправе отделять соотношение beggar — beg от writer — write, reader — read, worker — work, hunter — hunt, teacher — teach и пр., поскольку мы изучаем способы современного словообразования в английском языке.

§ 73. Часто можно услышать, что подход к слову beg, как к слову производному от слова beggar, является «историческим», и, напротив, что осмысление слова beggar в качестве производного от слова beg представляет собой «антиисторический» подход.

С подобным мнением, однако, никак согласиться нельзя. В действительности, антиисторическим подходом является такой подход, который предполагает совмещение в одной плоскости прошлых и настоящих фактов, истолкование фактов

прошлых как фактов настоящих, приписывание качеств и свойств одного исторического периода другому историческому периоду. Именно такой подход основан на неразличении разных исторических эпох и поэтому является антиисторическим.

Руководствуясь пониманием «исторического» подхода, следует, например, признать, что слова shade *тень (отсутствие солнечного света)* и shadow *тень (отбрасываемая предметом)* являются одним и тем же словом: ведь исторически они оба восходят к древнеанглийскому слову sceadu *тень.* Наоборот, слова sorry *огорченный, полный сожаления* и sorrow *печаль, горе, сожаление* нужно будет определить как слова, не относящиеся к одному словообразовательному гнезду: в древнеанглийском оба слова представляли собой разнокорневые образования; слово sorry восходит к древнеанглийскому sārig *печальный, несчастный, огорченный, полный сожаления*, которое выступало в качестве производного от прилагательного sār *болезненный, мучительный, печальный, огорченный* (ср. *совр. англ.* sore *болезненный, воспаленный)* и, таким образом, содержало в себе корень -sār-; слово sorrow было в древнеанглийском языке простым — *да.* sorg *печаль, беспокойство, тревога, забота* (ср. *нем.* Sorge *забота)* — и содержало корень -sorg-. Проводя этот принцип дальше, можно было бы придти к заключению, что современное английское worse является формой сравнительной степени не от bad *плохой*, а от evil *злой*, поскольку в древнеанглийском языке оно *(да.* wyrsa, wiersa) было формой сравнительной степени от прилагательного yfel, развившегося в современное английское evil; что касается слова bad, то его существование в древний период английского языка вообще представляется сомнительным. Вряд ли следует доказывать, что подобное осмысление указанных взаимоотношений в современном английском языке было бы искаженным.

Подлинный исторический подход требует прежде всего различения того, что было на одном историческом этапе развития языка, и того, что стало на другом историческом этапе развития языка. Именно поэтому shade и shadow должны трактоваться как разные слова, sorry и sorrow — как однокорневые образования, а worse — как сравнительная степень от слова bad, если имеется в виду современный этап развития английского языка.

Неверно сказать, что в современном английском языке shade и shadow одно и то же слово: это будет перетаскиванием прошлого в настоящее, лжеисторизмом, метафизическим пониманием тождества слова.

Однако, вместе с тем, ограниченным, а по этому в целом неправильным будет рассмотрение этих слов только как двух отдельных, единиц. Подлинно исторический подход требует рассмотрения этих единиц как бывших одним и тем же словом и ставших двумя: они тождественны через их прошлое и не тождественны в их настоящем, а следовательно, не только их этимологическое тождество, но и их актуальное нетождество является историческим — в более общем и глубоком смысле.

Из сказанного следует, что подлинный исторический подход требует аналогичного рассмотрения и взаимоотношения между beg и beggar. Это взаимоотношение должно определяться как взаимоотношение между производным и простым словом в прошлом, ставшее взаимоотношением между простым и производным словом в настоящем.

§ 74. Необходимо также учитывать и то, что язык определенной эпохи — это язык существующий и развивающийся во времени, т.е. заключающий в себе момент диахронии (см. § 6, п. 3). Развитие в языке новых явлений и отмирание или сохранение старых отражаются в самом характере тех или других единиц системы: эти единицы в любой данный момент имеют характер либо новых, либо устаревающих или устарелых, либо нейтральных по отношению к изменению, но все же так или иначе отнесенных к развитию языка во времени, т.е. к его диахроническому аспекту.

Учитывая это, при изучении словообразовательных моделей, необходимо сосредотачивать внимание не только на словообразовательных соотношениях на данном этапе развития языка, но также и на том, насколько такие соотношения являются живыми, какова продуктивность конкретных словообразовательных моделей, в какой мере они участвуют в пополнении словарного состава языка на данном этапе его истории и пр. Тем самым, словообразовательные соотношения будут выступать не как статичные и мертвые, а как соотношения между компонентами живого и развивающегося языка.

§ 75. Из сказанного следует, что изучение современного словообразования есть изучение современных словообразовательных моделей с учетом их продуктивности в данное время — изучение, основанное на тщательном анализе современных словообразовательных соотношений, в отличие от словообразовательных соотношений в предшествующие эпохи истории языка.

§ 76. Словообразование современного английского языка может быть подразделено на (1) словопроизводство и (2) словосложение.

К словопроизводству будут отнесены такие словообразовательные модели, которые предполагают тождество корня, а именно: man *мужчина* — manly *мужественный*, make *делать, творить* — maker *творец*, black *черный* — blackish *черноватый;* do *делать* — undo *уничтожать сделанное*, make *делать, творить* — remake *переделывать;* man *мужчина* — manliness *мужественность*, boy *мальчик* — boyishness *ребячество;* differ *различаться* — indifference *равнодушие*, *безразличие*, pay *платить* — repayable *подлежащий уплате*, *возмещению;* также love *любить* — love *любовь*, fall *падать* — fall *падение*, look *глядеть* — look *взгляд*, father *отец* — father *быть отцом* и т.п. Во всех приведенных парах слов имеется один и тот же корень.

К словосложению будут отнесены такие словообразовательные модели, которые предполагают соединение в одном и том же слове, по крайней мере, двух корней, а следовательно, тождество слова по корню с двумя другими, не принадлежащими к одному и тому же словообразовательному гнезду: например, horse *лошадь*, man *человек*, *мужчина* — horseman *наездник*, evil *зло*, do *делать* — evildoer *преступник*, *грешник*, black *черный*, eye *глаз* — blackeyed *черноглазый* и т. п.

Словопроизводство

§ 77. Выше было указано, что под явление словопроизводства подводятся такие пары слов, которые обладают тождеством корня. Из приведенных примеров можно легко увидеть, что пары слов с тождеством корневой части не единообразны и что они распадаются на целый ряд более частных типов: (а) тип с различием в одном суффиксе (man — manly, make —

maker, black — blackish), в двух суффиксах (boy — boyishness, man — manliness) и т.п.; (б) тип с различием в префиксе (do — undo, make — remake); (в) тип с различием и в суффиксах и в префиксах (pay — repayable, differ — indifference); и, наконец, (г) тип без различия в суффиксах и префиксах (love — love, fall — fall, look — look, father — father).

Наиболее четко противопоставляются случаи с различием в аффиксах (суффиксах или префиксах) случаям без какого бы то ни было различия в аффиксах (суффиксах или префиксах) — таким как love — love, fall — fall, look — look, father — father.

Случаи с различием в словообразовательных аффиксах принято обозначать термином аффиксальное словопроизводство, а случаи без какого бы то ни было различия в аффиксах — термином «конверсия».

Само собой разумеется, что аффиксальное словопроизводство может быть подразделено на словопроизводство суффиксальное (man — manly, black — blackish, make — maker, boy — boyishness, man — manliness) и словопроизводство префиксальное (do — undo, make — remake).

Кроме того возможны и другие случаи словопроизводства, например, образование новых слов с помощью чередования звуков, с помощью изменения места ударения, в результате лексикализации формообразующих суффиксов и т.п. Все эти способы также будут рассмотрены ниже. Пока же следует заметить, что они в системе современного английского языка являются гораздо менее продуктивными, чем названные выше аффиксальное словопроизводство и «конверсия».

Одним из наиболее продуктивных способов словообразования является так называемая конверсия. Кроме того конверсия обладает рядом черт, характерных для словопроизводства в целом. Представляется поэтому целесообразным начать рассмотрение системы современного английского словопроизводства с конверсии.

§ 78. Конверсия есть такой вид словопроизводства, при котором словообразовательным средством служит только парадигма слова.

Таким образом, под конверсию подводятся случаи типа love *любовь* и love *любить*. Эти слова имеют тождественную основу (основу love-, в данном случае совпадающую с кор-

нем), но различаются системой своих форм — их парадигмой (существительное love имеет субстантивную систему словоизменительных суффиксов — -( ), -'s, -s, -s' —, а глагол love — глагольную систему словоизменительных суффиксов — -( ), -s, -ed, -ing ...). Это их и различает как разные слова, образованные путем изменения парадигмы.

Разумеется, что в составе слов, соотносящихся друг с другом по конверсии, может быть какой-либо словообразовательный аффикс (суффикс или префикс), эти слова могут быть даже сложными, т.е. включать в себя, по крайней мере, два корня, но тем не менее они будут представлять собой именно случаи конверсии, поскольку они различаются только парадигмами. К конверсии, таким образом, могут быть отнесены и такие слова, как disgrace *позор, бесчестие* — disgrace *позорить*, имеющие оба префикс dis-, и такие, как difference *разница, различие* — difference *отличать*, имеющие оба суффикс -ence-, и, наконец, такие, как shipwreck *кораблекрушение* — shipwreck *потерпеть кораблекрушение*, состоящие оба из двух корней, — на том основании, что все они отличаются друг от друга только парадигмой (в первом случае они имеют субстантивную, а во втором — глагольную парадигму).

§ 79. Когда описывается строй современного английского языка, то нередко в качестве одной из основных его особенностей отмечается то, что в этом языке будто бы большое распространение имеет «переход из одной части речи в другую», или «употребление одного и того же слова в функции разных частей речи»: ср. their love *их любовь* и they love *они любят.* При этом часто добавляется, что «то же самое слово (например, love) имеет значение той или другой части речи в зависимости от контекста»: love в сочетании, например, с their является существительным, а в сочетании с they и т.п. «то же самое» love выступает как глагол. Такая трактовка соотношений этого типа очень широко распространена и в словарях, хотя здесь она нередко проявляется лишь в виде известных технических приемов и соответствующих разъяснений к ним.

Следует со всей решительностью подчеркнуть, что такая трактовка соотношений типа love *любовь* — love *любить* и пр., т.е. вообще соотношений, которые представляют собой

так называемую конверсию, не соответствует фактам английского языка.

Во-первых, love-существительное не есть просто love, но есть единство форм love, love's, loves, loves' (ср. Love's labour lost; a cloud of Loves — *амуров*); три последние формы являются формами-омонимами: звучат они одинаково, но их грамматические значения различаются коренным образом и, кроме того, имеются и такие слова, в которых те же различия находят звуковое выражение (ср. woman's, child's — women, children — women's, children's и др.). Подобным же образом и love- глагол не ограничивается формой love, но есть единство известного ряда форм (ср. (to) love, loves, (he) loved, loved (by him), loving и пр.). Следовательно, love-существительное и love-глагол, взятые не в отдельных их формах, в которых обычно они приводятся в словаре и вообще когда рассматриваются не изолированно, а во всей совокупности их форм, в которых проявляется их изменение по законам грамматического строя английского языка, поскольку они поступают в распоряжение грамматики, отличаются друг от друга не только по значениям, не только по своим функциям, но и внешне, по звучанию их форм.

Вместе с тем и значения форм существительного и форм глагола, даже при совпадении их звучания, большей частью оказываются резко различными, совершенно иными. Правда, например, love как общий падеж единственного числа существительного и инфинитив love довольно близки друг к другу по грамматическому значению, так как общий падеж имеет очень широкое значение, а инфинитив представляет собой субстантивную форму глагола. Но все же и здесь есть достаточно существенное различие: общий падеж единственного числа love не сопоставляется ни с be loved, ни с have loved и поэтому не имеет таких значений действительного залога, и неперфектности, какие мы находим в инфинитиве love; в последнем же нет значений числа и падежа. Такие же формы, как общий падеж единственного числа love и множественное число настоящего времени изъявительного наклонения актива love вообще никак не сближаются между собой по грамматическим значениям, и то же самое относится и к субстантивным loves, love's и глагольной форме loves. Таким образом, love-существительное и love-глагол в целом представлены совершенно различными системами форм, характеризующими их

как разные слова: ведь «слово (во всяком случае, изменяемое слово) — это система сосуществующих, обусловливающих друг друга и функционально объединенных форм . . . »*.

Во-вторых, если считать, что love-существительное и love-глагол — одно и то же слово, то придется признать, что, например, общий падеж множественного loves и форма loved в they loved — формы одного слова, которое само по себе ни существительное, ни глагол, а то и другое вместе. Тогда получится, что частями речи в английском языке могут быть не слова, а некоторые совокупности форм в пределах одного слова, т.е. слова могут не быть определенными частями речи, а изменяться по частям речи.

Но как тогда понимать соотношение, например, между exaggeration и exaggerate, между organization и organize? Не являются ли и здесь формы различных частей речи в пределах каждой пары формами одного и того же слова? Ведь то, что exaggeration внешне отличается от exaggerate, а organization от organize, тогда как love общий падеж единственного числа и love инфинитив внешне совпадают друг с другом, ничего не говорит против такого предположения: внешнее различие между формами одного и того же слова — обычное явление, а что касается значения, то exaggeration и organization отличаются от соответствующих глаголов никак не больше, чем love существительное отличается от глагола love.

Кроме того, если, будучи последовательным, вообще объединять в одно слово все соответствующие друг другу существительные и глаголы, то получится, что в английском языке различение частей речи в принципе не связано с различением слов. Ведь различие между существительным и глаголом является одним из наиболее глубоких различий в области грамматического оформления слова, и если даже это различие не служит основой для различения слов, для выделения соответствующих грамматических классов слов, то тогда вообще нельзя говорить о частях речи в английском языке как об определенных грамматических классах слов, как о словах того или иного из этих классов. Тогда следовало бы говорить лишь о субстантивных, глагольных, адъективных и прочих формах отдельных слов.

---

* В. В. Виноградов. О формах слова, «Известия АН СССР, ОЛЯ», том III, вып. I, 1944, стр. 36.

Правда, большое число слов оказалось бы употребляемым лишь в некоторых из этих форм, но это должно было бы рассматриваться лишь как неполнота парадигм данных конкретных слов или известных семантических групп слов: ведь, например, не все прилагательные изменяются по степеням сравнения, не все глаголы имеют причастные формы и инфинитив и построенные на них аналитические формы (ср. can, may и др.); так почему же такое слово, как somebody, нельзя рассматривать как слово, имеющее только субстантивные формы (с местоименным значением) и не имеющее глагольных и других несубстантивных форм?

Конечно, таким образом мы получим искаженное изображение строя английского языка, но такое изображение неизбежно, если сделать все логические выводы из признания love-существительного и love-глагола одним и тем же словом. Очевидно, ошибка заключается именно в этом исходном положении и, следовательно, love-существительное и love-глагол в действительности являются двумя разными словами и так и должны рассматриваться.

В-третьих, семантические соотношения при конверсии между словами, соотносящимися по конверсии, оказываются очень разнообразными.

В качестве иллюстрации этого разнообразия семантических соотношений при конверсии можно привести следующие слова:

Существительное	Глагол
love *любовь, амур, возлюбленный*	love *любить*
want *недостаток, нужда*	want *хотеть, нуждаться*
water *вода*	water *поливать*
paper *бумага*	paper *завертывать в бумагу*
pencil *карандаш*	pencil *писать, рисовать (карандашом)*
pen *перо*	pen *писать (пером)*
place *место*	place *помещать*
nest *гнездо*	nest *гнездиться, вить гнездо*
pay *плата*	pay *платить, окупаться*
bathe *купанье*	bathe *купать(ся)*
cry *крик*	cry *кричать, плакать*
groom *грум*	groom *выполнять работу грума*
tune *мелодия, мотив*	tune *звучать, настраивать*
try *попытка*	try *пытаться, пробовать, воспитывать, проверять*
wax *воск*	wax *вощить*
flour *мука*	flour *посыпать мукой*

whip *кнут, плетка*	whip *хлестать, сечь*
whistle *свист, свисток*	whistle *свистеть*
nerve *нерв*	nerve *придавать смелость*
fame *слава*	fame *прославлять*
act *акт*	act *действовать*
laugh *смех*	laugh *смеяться*
look *взгляд*	look *глядеть*
father *отец*	father *быть или считаться отцом, отечески заботиться*

Примечание: Переводы здесь даны далеко не полные и не претендующие на точность, так как здесь важно дать лишь общее представление о различии и пестроте семантических соотношений при конверсии. Эти соотношения здесь никак не классифицируются, хотя отдельные близкие друг к другу примеры и приведены рядом (ср. pencil — pencil и pen — pen).

Такое разнообразие семантических соотношений характерно именно для словарного состава, а не для системы форм одного и того же слова.

Итак, конверсия в английском языке не есть «употребление одного и того же слова в функции разных частей речи», так как единицы, соотносящиеся по конверсии, являются по отношению друг к другу отдельными, разными словами. Но они связаны между собой по корню. Следовательно, мы имеем здесь дело со словообразованием, с соотношением между словами в пределах одного словообразовательного гнезда. Таким образом, конверсия есть лишь особый вид словообразования, в частности — словопроизводства (т.е. не словосложения). Поэтому не нужно определять ее как «переход одной части речи в другую»: это определение ничего не дает, поскольку совершенно неизвестно, что в данном случае значит «переход», каково отношение этого «перехода» к системе словообразования, к словообразовательным соотношениям в английском языке.

Характерным признаком конверсии также не является то, что соотносящиеся по конверсии слова не различаются какими-либо словообразовательными аффиксами (ср. love-существительное и love-глагол, place-существительное и place-глагол и т.п.), хотя из общей массы случаев словопроизводства случаи конверсии и были в § 77 выделены на основе этого признака. Соотносящиеся по конверсии слова действительно не различаются какими-либо словообразовательными аффиксами, но именно это не выделяет их в качестве разных слов, а наоборот сближает эти слова.

Отсутствие различия в словообразовательных суффиксах (и вообще аффиксах) отграничивает случаи конверсии от случаев аффиксального словопроизводства, но не одно из соотносящихся по конверсии слов от другого.

Выше уже было обращено внимание на то, что в целом love-существительное и love-глагол отличаются друг от друга своими парадигмами. В § 24 было указано, что парадигма слова, т.е. система его грамматического изменения, выступает как явление грамматическое, поскольку она рассматривается, так сказать, изнутри, с точки зрения различий и соотношений между отдельными входящими в нее формами. Но взятая как целое, как данная система форм, рассматриваемая как бы извне, со стороны других парадигм и отличная от них, парадигма данного слова характеризует его именно как слово определенного типа, определенного грамматического разряда, определенного грамматического класса. Таким образом, характеризуя слово в целом, извне, по отношению к другим словам, парадигма каждого данного слова выполняет и лексическую функцию: она является определенным оформлением слова и тем самым выступает как словообразовательное средство. И это средство словообразования и применяется при конверсии.

§ 80. Нужно иметь в виду, что парадигма играет роль в словообразовании не только в случае конверсии. Так, например, существительное receiver *получатель* образовано от глагола receive не только посредством суффикса -er- (как это нередко представляется при неточном описании явления), но и посредством субстантивной парадигмы — -( ), -'s, -s, -s'. Но здесь словообразовательная роль парадигмы менее заметна, чем при конверсии, так как имеется специально словообразовательный элемент — суффикс -er-. Таким образом, специфическим для конверсии является не вообще использование парадигмы слова как средства словообразования, а использование ее именно как единственного средства, без каких-либо иных, специально словообразовательных средств.

§ 81. Очень часто приходится слышать, что к случаям конверсии можно отнести только такие, которые были образованы именно по конверсии. Так, генетически love-глагол является производным от существительного love, так как

древняя основа этого существительного (индоевропейское *lubh-ā-) в некоторых формах глагола осложнялась суффиксом *-jo- (т.е. выступала уже в виде части более сложной, производной основы). На этом основании предлагается соотношение love *любить* и love *любовь* не считать конверсией, равно как и соотношение harp *арфа* и harp *играть на арфе*, также восходящее к образованию по аффиксальному словопроизводству. Наоборот, такие соотношения, как pencil *карандаш* — pencil *писать, рисовать карандашом* и esteem *уважать, почитать* — esteem *уважение*, выдвигаются в качестве случаев конверсии, поскольку они были образованы в сравнительно недавнее время, когда существительное и глагол уже не отличались специально словообразовательными аффиксами типа индоевропейского *-jo-, а тем самым с самого начала различались только парадигмами.

Если же учесть все, что было сказано относительно понимания историзма в § 73, надо признать, что современное соотношение между harp — harp по существу подобно соотношению между pencil — pencil и современное соотношение между love — love подобно соотношению между esteem — esteem, независимо от того, что соотношения harp — harp и love — love восходят к древнеанглийскому периоду, а pencil — pencil и esteem — esteem имеют более позднее происхождение: в процессе исторического развития английского языка и те и другие сравнялись, образовали одну систему, и было бы ложным историзмом класть уже стершееся различие между ними по происхождению в основу классификации того, что реально существует и развивается в современном языке. Конечно, рассмотрение существующих соотношений в языке с генетической точки зрения необходимо для подлинного глубокого понимания языка как исторически развивающегося общественного явления, как продукта целого ряда эпох. Но подменять определение существующего соотношения определением того, из чего оно получилось, означало бы смешение прошлого с настоящим, допущение анахронизма, следовательно, было бы антиисторическим подходом.

Нельзя не заметить здесь же, что уже древнеанглийское lufu (в косвенных падежах lufe) — *любовь* из *lubō, из *lubhā членилось на корень -luf- и окончание -u (в косвенных падежах -e), а древнеанглийский глагол lufian (в личных формах lufie, lufas(t) . . ., lufade . . .) — *любить* на тот же корень -luf-

и различные грамматические (не словообразующие) морфемы: -i-an, -i-e, -a-s(t), -a-d-e и пр. Иначе говоря, уже в древнеанглийском языке как существительное lufu, так и глагол lufian имели одну и ту же основу и различались только своими парадигмами, т.е. соотносились между собой по конверсии.

В связи с этим даже ссылка на древнеанглийские формы не дает никаких оснований для принципиального разграничения таких случаев, как существительные love, harp и соответствующие глаголы, с одной стороны, и таких, как существительные doctor, paper, hotel и образованные от них глаголы (doctor *заниматься врачебной практикой*, paper *оклеивать обоями, заворачивать в бумагу*, hotel *останавливаться в гостинице)*, — с другой: образования различных эпох вошли в современном английском языке в единую по своему существу систему словообразования по конверсии, в частности — образования глаголов от существительных и существительных от глаголов. Исторически сложившееся единство этой системы хорошо видно из того, что, если взять слова со старыми английскими основами, то большей частью по самому характеру соотношения между парными словами оказывается невозможным отличить древние случаи от новых: такие глаголы, как harp, man, fish, естественно, могут быть приняты за образованные по конверсии в новоанглийский период от существительных harp, man, fish, а не за развившиеся из древнеанглийских hearpian *играть на арфе*, mannian *обслуживать (корабль и пр.)*, fiscian *ловить рыбу*, соответственно.

§ 82. Необходимо отметить, однако, что, хотя древнеанглийские lufu — lufian, hearpe — hearpian и т.п. представляли собой случаи конверсии и в этом смысле были подобны развившимся из них парам love — love, harp — harp, а также и новообразованным pencil — pencil, paper — paper и пр., но они все же имели и определенные отличия от случаев конверсии в новоанглийском языке.

Одним из таких отличий необходимо признать следующее: Для древнеанглийской конверсии было характерно отсутствие омонимии, тогда как для конверсии в новоанглийском как раз типично наличие омонимических форм, принадлежащих разным словам с общей основой (a doctor — they doctor; the doctor's hat — he doctors).

В связи с этим в определение конверсии нередко включа-

ется условие обязательной омонимии исходных форм слова: на этом основании современные love — love, совпадающие по звучанию в формах общего падежа единственного числа и в форме инфинитива, признаются за случаи конверсии, а древнеанглийские lufu — lufian категорически отрицаются в качестве таковых, поскольку формы именительного падежа и инфинитива в них оказываются разными по звучанию.

Конечно, омонимия, связанная с общим уменьшением числа, а главное — разнообразия грамматических суффиксов (окончаний) в новоанглийском, придает иной, более специфический и ярко выраженный характер конверсии в новом языке, сравнительно с древним: отсутствие специальных словообразовательных средств как бы уже не маскируется сравнительно сложной системой грамматических суффиксов. Но, понятно, самый общий принцип словообразования — один и тот же и в современном love — love или pencil — pencil и в древнеанглийском lufu — lufian или hearpe — hearpian: в обоих случаях слова различаются только своими парадигмами. Что же касается омонимии, то она, наоборот, сближает (конечно, только по звучанию) некоторые формы слов, соотносящихся по конверсии, но не различает их. Определяя же конверсию как особый вид словообразования, т.е. создания нового слова, необходимо прежде всего определить, чем отличается новое слово от слова, послужившего основой для его образования, а не чем оно сближается с ним. Поэтому ни омонимия, сближающая случаи конверсии по внешнему виду, ни отсутствие специальных словообразовательных суффиксов, сближающие их по морфологическому строению, не должно входить в само определение конверсии: это определение должно указывать лишь на то, что делает слова, соотносящиеся по конверсии, разными словами, а именно — на различие в парадигме.

§ 83. Специфическим для современной английской конверсии оказывается, далее, то, что слова, соотносящиеся по конверсии, почти исключительно принадлежат разным частям речи: ср., например, совр. англ. round *круглый* — прилагательное, round *круг* — существительное, round *округлять* — глагол; ср. также light *светлый*, light *свет*, light *освещать, зажигать* и т.п.

Интересно отметить, что в русском языке имеются случаи конверсии, не имеющие, или почти не имеющие, близких параллелей в английском, связанные с особенностями грамматического строя русского языка сравнительно с английским. В русском языке по конверсии могут соотноситься слова, принадлежащие к одной и той же части речи: ср. такие соотношения, как 'внук' — 'внука' *(внучка)*, 'супруг' — 'супруга' *(жена)*, 'Александр' — 'Александра' и т.п.; конверсия связана здесь с различием парадигмы существительных в зависимости от грамматического рода, чего в английском языке совершенно нет (по поводу того, когда подобное различие парадигм создает разные слова и поэтому может использоваться при конверсии, см. подробнее § 40).

До некоторой степени напоминающими приведенные случаи конверсии в русском языке могут служить современные английские случаи типа hang *вешать (висеть)* и hang *вешать (казнить)*, различающиеся и по значению и по парадигме. (Подробнее о случаях подобного рода см. § 40.)

§ 84. Поскольку при конверсии два слова имеют одинаковую основу и не отличаются друг от друга какими-либо положительными словообразовательными аффиксами, постольку, естественно, возникает вопрос, можно ли считать одно из них образованным, произведенным от другого, и если можно, то как определить, какое из них является основным, а какое производным от него.

В самом деле, можно ли утверждать, что одно из слов в такой паре, как love-существительное и love-глагол, есть производное по отношению к другому, и можно ли отличить производное от непроизводного? При этом нужно иметь в виду, о чем уже говорилось в § 72, что речь идет о современном английском языке, о том, какие исторически сложившиеся соотношения между данными словами имеются в нем теперь, а не о том, что было раньше, из чего и как развились существующие соотношения.

С точки зрения современного языка слова, соотносящиеся по конверсии, являются, бесспорно, оба структурно простыми. Здесь выделить простое и производное слово в том же смысле, как мы выделяем их при аффиксальном словопроизводстве (teach — teacher), не представляется возможным.

Однако обращает на себя внимание то обстоятельство,

что семантически, точнее по своей семантической структуре, соотносящиеся по конверсии слова не выступают в качестве одинаково простых. Одно из слов обычно имеет более сложную семантическую структуру, чем другое. Это дает основание говорить о внутренней, семантической производности.

Можно указать на следующие критерии установления внутренней, или семантической, производности:

Во-первых, семантическую производность можно определить на основе анализа соотношений в системе современного английского языка, существующих между случаем конверсии и словами, образованными по другим способам словообразования (в частности аффиксального словопроизводства). Так, семантически love-существительное и love-глагол находятся в таком же взаимоотношении, как hatred *ненависть* и hate *ненавидеть*, feeling *чувство* и feel *чувствовать*, admiration *восхищение* и admire *восхищаться*, reverence *почтение, благоговение* и revere *чтить* и пр., что наталкивает на понимание существительного как внутренне, семантически производного от глагола.

Во-вторых, возможен путь установления семантической производности посредством анализа соотношения между значением основы слова и значением слова как части речи. Так, глагол pen, например, естественно понимается как производный от существительного pen *перо*. В случаях этого типа, однако, различение между основным и внутренне производным словами обусловливается не известными семантически аналогичными образованиями, а семантическим строением каждого из соотносящихся слов: сам корень -pen- несомненно обозначает предмет, почему его собственное значение при его использовании в качестве основы существительного сливается в одно целое с общим, категориальным значением существительного — со значением предметности; наоборот, оно четко отделяется от значения процесса, которое является категориальным значением глагола. Поэтому pen-существительное выступает как имеющее простую смысловую структуру, а pen-глагол как имеющий сравнительно сложное смысловое строение (значение процесса со значением предмета), что и заставляет понимать его как производный от существительного pen.

Таким образом, слова, соотносящиеся по конверсии, с

точки зрения их лексико-морфологического строения не различаются как основное и производное, поскольку их основы одинаковы; но те или другие обстоятельства могут так дифференцировать их смысловое строение, что одно из них будет выступать на правах основного, а другое — на правах производного от него. Во всех таких случаях мы будем иметь дело со словопроизводством, которое может быть определено как внутреннее.

§ 85. Теперь можно поставить вопрос о взаимоотношении конверсии и чередования звуков в английском языке.

Вопрос о роли чередования звуков в морфологии (как в словоизменении, так и в словообразовании) представляет значительные трудности в научно-теоретическом отношении. Поэтому, для того чтобы как следует разобраться в отношении между конверсией и чередованием звуков, необходимо определить с достаточной ясностью, что такое вообще чередование звуков и как вообще оно может относиться к грамматическому и лексическому строению языка.

§ 86. Чередование звуков есть факт различия звуков, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке той же самой морфемы, в разных случаях ее применения.

Чередование может быть фонетически обусловленным и необусловленным, или свободным.

Примером фонетически обусловленного чередования может служить чередование [д:т] в морфеме **-под-*** в таких случаях ее применения, как в словосочетаниях 'под градом' и 'под снегом'. Ясно, что фонетически обусловленное чередование не может использоваться как морфологическое средство, так как оно зависит от различий в звуковой обстановке и в принципе не связано с семантическими различиями, для выражения которых оно, поэтому, и не может служить. Так, [д] и [т] чередуются в морфеме **-под-** в словосочетаниях 'под

* То, что здесь говорится о морфеме, вовсе не означает, что предлог **под** рассматривается не отдельным словом, а морфемой. В данном случае имеется в виду именно морфема, входящая в состав предлога **под**, что, в частности, обозначается постановкой дефисов (-под-). Предлог же **под** не есть просто морфема **-под-**, а соединение морфемы **-под-** с определенной оформленностью этой морфемы благодаря сочетаемости.

березой’ и ‘под сосной’ совершенно таким же образом, как в приведенных выше словосочетаниях, совершенно независимо от того, каковы семантические отношения между ‘градом’ и ‘снегом’, ‘березой’ и ‘сосной’: ни общие, ни частные семантические различия не выражаются здесь чередованием [д:т], поскольку оно определяется *только* характером последующего *звука*.

Иначе обстоит дело со *свободным*, фонетически не обусловленным, чередованием. Такое чередование *может* служить выражением семантического различия, поэтому оно может использоваться и как морфологическое средство. Так, чередование [·а: ·о]* в ‘ляг’ и ‘лег’ так или иначе служит для выражения семантического, в данном случае — *грамматико*-семантического, различия между этими формами глагола ‘лечь’. Следовательно, оно использовано здесь для морфологии (в частности — для морфологии словоизменения). Такое использование оказалось возможным потому, что употребление гласного [·а] или [·о] не обусловлено фонетически: в положении под ударением между мягким и твердым согласными в русском языке вообще могут употребляться и тот и другой гласный (в данном случае положение совершенно тождественно: в обеих единицах мягким согласным является [л’], а твердым — [к] или, если звуковой контекст обусловливает звонкость, — [г]: ср. ‘лег бы’ [′л’ог бы]). Таким образом, произнесение [·а] или [·о] связано здесь с *семантикой* произносимых единиц (‘ляг’, ‘лег’).

Не следует однако думать, что свободное чередование всегда связано с семантикой. В таких случаях, как ‘цистерна’ — ‘систерна’ (в морском и речном деле), ‘цивилизация’ — ‘сивилизация’ (устар.), чередование [ц: с’] не связано с какими-либо семантическими различиями, хотя оно и является свободным: те или иные стилистические оттенки не сопряжены здесь с разными значениями. А, например, в таких случаях, как ‘кентавр’ — ‘центавр’ (где [ц] чередуется с [к’]) вряд ли имеется какая-нибудь стилистическая разница. Здесь, понятно, мы везде отвлекаемся от вопроса о происхождении того или другого чередования: как ни важен этот вопрос для понимания причин определенного распределения и исполь-

* Точкой перед буквой обозначена палатализованность начала гласного, вызванная мягкостью предшествующего согласного.

зования различных случаев чередования, от него можно отвлечься в целях выяснения того, что такое вообще чередование звуков и как оно вообще относится к морфологическому строю языка.

Таким образом чередование звуков само по себе есть лишь определенное звуковое варьирование морфем, взятое в отвлечении от прочего состава звуковых оболочек данных морфем. Так, чередование [ц: с'] есть вариирование таких морфем, как '-ц(истерн)-', '-с(истерн)-', '-ц(ивил')-', '-с(ивил')-', взятое в отвлечении от всего, кроме различающихся согласных [ц] и [с'].

Под звуковым (фонетическим) вариированием морфем следует собственно понимать именно такое вариирование, в котором проявляется свободное чередование звуков, так как фонетически обусловленное чередование определяется общими фонетическими закономерностями языка и не имеет специфического отношения к каждой данной конкретной морфеме. Следовательно, звуковые варианты морфем в специальном смысле этого выражения являются, собственно, фонематическими вариантами, но нет надобности каждый раз называть их так.

§ 87. Как показывают случаи типа '-цистерн-/-систерн-', '-центавр-/-кентавр-', звуковые (фонематические) варианты морфем могут никак не различаться по семантике. Но в таких случаях, как '-ляг-/-лег'- мы как будто находим несомненное семантическое различие, поскольку 'ляг' значит, в грамматическом плане, не то же, что 'лег'. Однако, ведь 'ляг' и 'лег' — это не просто варианты морфемы, а определенные словоформы, т.е. известные формы определенного, конкретного слова: эти варианты лишь входят в данные словоформы подобно тому, как они входят и в другие (ср. 'лягу', 'легши' и пр.). Поэтому уместно поставить вопрос о том, как соотносятся звуковое вариирование морфемы и оформление слова в виде данной конкретной словоформы.

Мы находим один и тот же вариант морфемы '-ляг-' и в 'ляг', и в 'лягте', 'лягу', 'приляг' и т.п., т.е. в разных словоформах. Поэтому словоформа 'ляг' и отличается от морфемы '-ляг-', хотя звучание здесь одно и то же: словоформа 'ляг' характеризуется не только наличием морфемы '-ляг-' в качестве ее корня, но и отсутствием как префикса (чем она

отличается от ‘приляг’), так и суффикса (в отличие от ‘лягте’, ‘лягу’ и пр.); морфема же ‘-ляг-’ есть единица, выделяемая из различных словоформ безотносительно к тому, имеются ли в этих словоформах какие-либо другие аналогичные единицы. Иначе говоря, словоформа ‘ляг’ есть, собственно, ( )-ляг-( ), т.е. словоформа, образованная с нулевым префиксом и нулевым суффиксом (см. § 52).

Нулевой суффикс в ‘ляг’ отличается от такого же суффикса в ‘лег’ по значению: это, собственно, суффиксы-омонимы. Отчетливо это можно видеть из того, что -( ) в ‘ляг’ синонимичен например, с -и в ‘беги’ и пр., а -( ) в ‘лег’ — с -л- в ‘легла’, ‘был’, ‘была’ и т.п. Может быть даже правильнее будет сказать, что -( ) в ‘лег’ и т.п. есть «нулевой вариант» суффикса прош. врем. -л-/-л’-. Следовательно, словоформы ‘ляг’ и ‘лег’ (а не морфемы!) несомненно различаются семантикой их (нулевых) суффиксов, что совершенно материально проявляется в принадлежности их к разным рядам: (1) ‘ляг’ — ‘лягте’, ‘беги’ — ‘бегите’ и т.п.; (2) ‘лег’ — ‘легла’, ‘был’ — ‘была’ и пр.

§ 88. Различение посредством суффиксов (и вообще аффиксацией) в целом является в русском языке более универсальным и регулярным приемом, чем различение с помощью варьирования морфемы, т.е. с помощью чередования звуков. Поэтому вообще ведущим, дифференцирующим средством следует в русском языке считать аффиксацию, чередование же в корне (варьирование корневой морфемы) — дополнительным и обусловленным. Омонимия суффиксов в такой паре, как ‘ляг’ — ‘лег’, не меняет существа дела: как всякая омонимия, она представляет собой второстепенную частность в общем строении языка, так как вообще язык, как средство общения, должен внешне дифференцировать разные по значению единицы, и омонимия всегда может быть лишь исключением.

Дополнительный характер чередования звуков (варьирования морфем) как морфологического средства следует понимать, в свете сказанного выше, так: основными различителями словоформ и слов в целом являются, как правило, не варианты одних и тех же морфем, а разные морфемы; варьирование же той же самой морфемы лишь сопровождает разность других морфем и зависит от этой разности,

обусловлено ею: варианты данной морфемы семантически дифференцируются и принимают участие в различении значений словоформ лишь при условии и под воздействием разности других морфем. Так, мы должны сказать, что 'ляг' и 'лег' прежде всего и по существу различаются разными нулевыми суффиксами, но что разность этих суффиксов, при данной вариирующей корневой морфеме, требует разных вариантов корня, различие которых лишь в силу этого условия связывается с различием в семантике.

§ 89. С точки зрения отношения между аффиксацией и чередованием звуков (вариированием морфем) английский язык принципиально не отличается от русского, почему все сказанное выше относится в общем и к нему. Но в английском языке, как известно, грамматическая аффиксация гораздо ограниченнее и однообразнее, чем в русском; там больший удельный вес имеет омонимия грамматических суффиксов и относительно чаще встречаются нулевые суффиксы. Это и создает видимость того, что в английском языке мы имеем нечто существенно отличное от русского в отношении чередования звуков и аффиксации.

Так, если в русском языке пара 'ляг' — 'лег' представляет собой единичное явление, то в английском языке случаи вроде lie — lay, rise — rose, man — men, use [-s] — use [-z] насчитываются в довольно большом числе. Но существенно то, что и в английском языке явно преобладают случаи типа tie — tied, fan — fans, beauty — beautify, distribute — distribution, red — redden, а в известных разделах морфологического строя в английском языке чередование распространено менее, чем в русском. Не случайно глаголы вроде tie, play, существительные вроде fan, boy определяются как правильные — в отличие от таких глаголов, как lie, и таких существительных, как man.

Поэтому и в английском языке чередование звуков (варирование морфем) следует рассматривать как дополнительное, зависимое морфологическое средство. Нельзя, например, сказать, что lie *лежу* и lay *лежал* различаются только чередованием. Да, внешне они различаются дифтонгами [ai] и [ei], но ведь языковые единицы — не пустые внешние оболочки! Словоформы lie и lay различаются и по значению, а различие их значения определяется прежде всего тем, что

у них разные нулевые суффиксы: в lie *лежу* такой суффикс не имеет синонимов и он соотносится с суффиксом -s в lies *лежит* по категории лица; в lay *лежал* нулевой суффикс имеет синонимы в виде -(e)d и -t (ср. played, burnt) и он не соотносится отдельно с -s, а одновременно с -( ) в lie *лежу*, lie *лежим* и пр. и с -s в lies *лежит* не по категории лица, а по категории времени.

То, что, например, вариант морфемы -lie- сам по себе не имеет значения настоящего времени, ясно видно из употребления этого варианта в инфинитиве lie и в герундии lying, где вообще категория времени отсутствует. Еще более ясно, что значение прошедшего времени не присуще варианту -lay-: ср. lay *класть*, lay *кладу* и пр.; layer *пласт, слой*, brick-layer *каменщик, «укладчик кирпича»*.

Таким образом, чередование звуков нельзя рассматривать в современном английском языке как самостоятельное средство слово- и формообразования: оно вообще является дополнительным, зависимым морфологическим средством, оно может или сопровождать аффиксацию или отсутствовать.

§ 90. Чередование звуков, как гласных, так и согласных, играет, как уже было сказано выше, довольно значительную роль в английском языке и в области грамматического изменения слов, и в области словообразования: ср. единств. число — man, множеств. — men, единств. — wife, множеств. wives, настоящ. время — know, прошедш. knew, настоящ. — leave, прошедш. — left и т.п., song — существительное, sing — глагол, life — существительное, live — глагол и т.п.

При этом легко заметить, что чередование звуков часто оказывается связанным в области словообразования с различием между частями речи, в частности — с различием между существительным и глаголом: ср. существительные breath, bath, use, house и пр., имеющие в конце основы глухие согласные, и глаголы breathe, bathe, use, house и т.д. — с соответствующими звонкими согласными. Кроме того, в первых двух парах чередуются и гласные; ср. также приведенные выше случаи, в которых наблюдается чередование гласных: life — live, song — sing и др.

В известных случаях чередование в области словообразования на первый взгляд не заметно, так как оно наблю-

дается лишь тогда, когда привлекаются для сопоставления не только те формы, в виде которых обычно приводятся данные слова, но и некоторые другие. Так, если сопоставить просто, как это обычно делается, man *мужчина, человек* и глагол man *обслуживать (корабль и пр.)* в этих их формах, то может показаться, что в данном случае чередование звуков не имеет отношения к словообразованию. Однако, если вспомнить, что существительное man имеет и форму men, а в глаголе man данный корень всегда имеет один и тот же гласный, то будет ясно, что чередование звуков, наблюдаемое в формах man и men у существительного, отличает не только эти формы друг от друга, но отчасти и существительное от глагола: выступая в форме множественного числа в виде men, существительное man явно отличается от глагола man в любой его форме, т.е. в этом случае одно слово отличается от другого при помощи чередования звуков, которое, следовательно, выполняет здесь функцию словообразовательного средства. Ср. также fall-существительное, fall-глагол (fell), run- существительное, run- глагол (ran) и т.п.

Как показывают приведенные примеры, чередование звуков, будучи связано с различением слов, в частности — с их различением как частей речи, в английском языке часто выступает в соединении только с различием в парадигмах, т.е. без дифференциации соответствующих слов посредством каких-либо специально словообразующих аффиксов. Именно это обстоятельство и заставляет поставить вопрос об отношении чередования звуков к конверсии. Возможно ли соединение конверсии с чередованием звуков, или наличие чередования исключает конверсию? Существуют ли какие-либо принципиальные различия во взаимоотношении между чередованием звуков и конверсией, и если существуют, то какие?

§ 91. Чтобы разобраться в материале, следует выделить типовые случаи:

1. Случаи типа breath-существительное, breathe-глагол: здесь чередованием различаются только разные слова, формы же одного и того же слова образуются без чередования.

2. Случаи типа song-существительное, sing (sang, sung) -глагол: здесь чередованием различаются и слова, и формы одного и того же слова, причем, однако, слова различаются

особым чередованием, не существующим в пределах грамматического изменения того же самого слова (так, гласный существительного song не участвует в чередовании в пределах глагола sing — sang — sung).

3. Случаи типа:

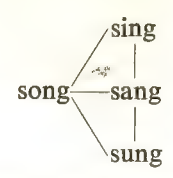
а) house (houses — глухой согласный чередуется со звонким) — существительное, house (во всех формах звонкий согласный) — глагол;

б) man (men) — существительное, man (во всех формах один и тот же гласный) — глагол.

Здесь чередование звуков, существующее в пределах одного из слов и различающее его формы, служит отчасти и для различения соответствующих слов. Варианты „а" и „б" этого типа, если отвлечься от конкретных особенностей отдельных слов, различаются лишь тем, что в первом из них чередование наблюдается при сопоставлении «основных» форм соответствующих разных слов, т.е. тех форм, в виде которых эти слова обычно приводятся (общий падеж единственного числа, инфинитив общего вида действительного залога), во втором же «основные» формы соответствующих слов чередованием не различаются и для обнаружения чередования требуется привлечение других форм. Такое различие не является существенным, и поэтому случаи „а" и „б" не выделены в особые типы. (Подробнее см. § 25.)

В случаях 1-го типа чередование звуков выступает как специально словообразовательное средство: оно не используется для различения грамматических форм одного и того же слова, и, следовательно, не имеет никакого отношения к парадигме слова. Поэтому такие слова, как breath-существительное и breathe-глагол, явно различаются не только парадигмами, и соотношение между ними принципиально отличается от соотношения по конверсии. Таким образом, все случаи этого типа никак не могут рассматриваться как случаи конверсии.

В случаях 2-го типа (song — sing) тоже имеется такое чередование звуков, которое играет роль специально словообразовательного средства, так как оно не используется в парадигме слова. В приведенном примере чередуется гласный в song с тремя различными гласными, последние чередуются друг с другом в глагольных формах: ср. song — sing, song — sang, song — sung, т.е. в общем:

Очевидно, что и здесь, как и в случаях 1-го типа, соотношение между соответствующими словами не есть соотношение по конверсии: song отличается от sing (sang, sung) не только парадигмой, но и своим особым гласным, не встречающимся в глаголе, а соответствующие гласные глагола не встречаются и в существительном, так что чередование гласных внутри глагола оказывается отделенным от чередования гласных между глаголом и существительным, хотя, конечно, в последнем чередовании участвуют те же гласные, какие чередуются между собой в парадигме глагола. Поэтому, если бы даже чередование гласных в глаголе исчезло и во всех глагольных формах стал употребляться лишь один из прежних гласных (безразлично какой), то все же чередование гласных между глаголом и существительным сохранилось бы.

В случаях 3-го типа мы имеем совершенно иное. Здесь чередование, участвующее в различении слов, есть то же самое, каким дифференцируются и формы одного слова: ср. house [-s] — существительное, house [-z] — глагол и единственное число house существительное, множественное число houses [-z-] — существительное. Следовательно, чередование звуков (в данном примере — согласных), различающее соответствующие слова, не является здесь специально словообразовательным средством: оно, это же чередование, применено как средство формообразования, т.е. как средство грамматического изменения слова. В самом деле, ведь чередование [s] — [z] в рассматриваемом случае участвует в образовании парадигмы существительного house: парадигма этого слова включает в себя не только окончания (конечные грамматические суффиксы) — -( ) и -s (с предшествующим соединительным -e- [ɪ] в зависимости от характера последнего звука основы), — но и различие между конечными звуками основы и определенное распределение различающихся звуков, а в еще более обобщенном виде — различие между вариантами основы и определенное распределение этих вариантов.

Учитывая сказанное о соотношении лексического и грамматического в одной и той же морфеме в § 25, действительное положение дела (оставив в стороне притяжательный падеж, имеющий ограниченное употребление) можно изобразить так:

Корневая морфема -hous(e)- в современном английском языке имеет два варианта: [haus] и [hauz] (в husband и пр. этой морфемы теперь уже не существует, она давно слилась в одно целое с последующей морфемой). Звуки [s] и [z] принадлежат звуковой оболочке этой корневой морфемы в разных ее вариантах, и их чередование есть определенная особенность данной конкретной морфемы, так же как и то, что в ее звуковую оболочку входят звуки [h, au] в этой именно последовательности и что ее значение есть *дом*. Сами по себе звуки [s] и [z] в этой морфеме не связываются ни со значением единственного числа, ни со значением множественного: ср. house-breaker, не означающее, что данный человек грабит или ломает только один дом, хотя -house- и имеет здесь [s]; а [z] в глаголе house не имеет никакого значения множественности (ср. объяснение глагола в Pocket Oxford Dictionary: Receive, store, in h. (т.е. house) or as h. does); также не имеет оно само по себе и значения глагольности, так как оно известно и в существительном (во множественном числе). Но само различие вариантов [haus] и [hauz] используется грамматически, поскольку эти варианты употребляются не безразлично, а определенным образом распределяясь по разным грамматическим формам. Так, выступая в существительном house в качестве его основы, корень -hous(e)- является в обоих своих вариантах, почему и основа этого слова имеет два варианта. Конкретные звуки-фонемы [h au s/z] принадлежат, как было сказано, самой корневой морфеме, т.е. морфеме лексической. Но распределение вариантов основы, в отвлечении от конкретности слова, по отдельным грамматическим формам слова есть факт грамматический, есть один из элементов парадигмы.

Таким образом, чередование звуков, будучи само по себе лишь моментом в вариировании морфем и основ, выступает и как определенный момент в образовании парадигмы, поскольку различие между вариантами основы используется как таковое, в отвлечении от конкретности слов, для различения грамматических форм слова. Но если чередование звуков выступает в виде вариирования основы как один из

моментов в образовании парадигмы, то, очевидно, и отсутствие чередования при грамматическом изменении слова, т.е. неизменность основы в пределах данного слова, есть один из моментов, характеризующих парадигму этого слова.

§ 92. Если теперь, исходя из сказанного выше, рассмотреть соотношение между словами типа house существительное и house глагол, то легко можно увидеть, что словообразовательным средством в таких случаях является только сама парадигма слова: хотя чередование звуков (согласных — в приведенном примере) отчасти и служит для различения соответствующих друг другу существительного и глагола, все же оно не представляет собой какого-либо особого средства словообразования помимо парадигмы, так как это самое чередование в обобщенном виде, как момент варьирования основы, входит в характеристику парадигмы одного из данной пары слов, и применение лишь одного из вариантов данной основы в качестве основы другого слова той же пары также является определенным моментом в характеристике парадигмы, парадигмы этого другого слова.

Иначе говоря, слова, соотносящиеся как house-существительное и house-глагол, морфологически различаются только своими парадигмами, поскольку здесь нет чередования, выходящего за пределы того, которое используется в парадигме одного и того же слова. Следовательно, в случаях типа house-существительное — house-глагол мы имеем конверсию.

Само собой понятно, что то же самое относится и к другому варианту того же типа, к тому, который был выше представлен примером man-существительное и man-глагол. Здесь также варьирование основы вследствие чередования звуков является характерным признаком одной парадигмы, а отсутствие такого варьирования при использовании одного из данных вариантов основы принадлежит к числу характерных свойств другой парадигмы. Следовательно, и здесь мы находим соотношение по конверсии.

§ 93. Однако, поскольку привычка рассматривать слова именно и только в их «основных» формах очень глубоко укоренилась, это положение не всегда воспринимается как совершенно ясное и несомненное. Поэтому, чтобы устранить

всякие недоразумения по этому вопросу, необходимо выяснить следующее:

1. Каков общий характер различия между «основной» и прочими формами слова?

2. Каково отношение этого различия к конверсии как к способу словообразования?

Что касается первого пункта, то в общем следует признать бóльшую или меньшую существенность различия между «основной» и прочими формами слова: это различие не «чисто условно». Дело здесь не в большей или меньшей употребительности, а в самом характере грамматического значения. «Основные» формы обладают наиболее общим и наименее относительным значением: в них то, что обозначается данными словами, представляется по возможности отвлеченным от тех или иных отношений к чему-либо другому — к предмету, времени, признаку и пр. Поэтому, естественно, что при изоляции слова, когда обозначаемое им рассматривается по возможности отвлеченно, вне определенной ситуации и связанных с ней отношений, слово берется в его «основной» форме, и эта форма оказывается по существу наиболее подходящим представителем слова, как такового. Так, например, общий падеж не имеет в виду никакого специфического отношения данного предмета к чему-либо другому, а грамматическое единственное число не настаивает на отнесении данного существительного именно к одному предмету, так как существительным в единственном числе может обозначаться любой предмет данного класса и весь класс в целом (a dog is an animal, man is mortal). Поэтому понятно, что общий падеж единственного числа, как правило, выделяется в качестве «основной» формы, т.е. в качестве формы слова, являющейся по существу наиболее «полноправным» его представителем: в этой форме специфическая грамматическая модификация слова-существительного наименее осложняет его лексическое существо.

Что же касается второго пункта, то здесь необходимо обратить внимание на принципиальное безразличие конверсии по отношению к различию между «основной» и прочими формами слова. В самом деле, ведь конверсия определяется безотносительно к тому, каково соотношение между отдельными формами: существенным для конверсии является, как уже было сказано, использование в качестве словообразо-

вательного средства только различия между парадигмами. А то, как именно различаются данные парадигмы, есть уже вопрос дифференциации внутри области конверсии, почему он не может выдвигаться как критерий для отнесения или неотнесения данного явления к этой области. Надо вспомнить, что чередование звуков оказалось связанным с конверсией только потому и постольку, поскольку оно применяется не как особое словообразовательное средство, а как дополнительное средство в образовании форм, т.е. поскольку оно участвует в образовании той или иной парадигмы и, поэтому, уже только через различие парадигм — в соотношении между словами. С этой точки зрения соотношения типа (а) house [s] (множественное число houses [z]) — house [z] и (б) man (множественное число men) — man принципиально не отличаются друг от друга и в совершенно одинаковой мере принадлежат к области конверсии, как бы ни было существенно в других отношениях различие между «основными» и прочими формами слова. То, что в одних случаях при этом получается меньше омонимичных форм (только множественное число houses — 3-е лицо единственного числа houses), в других больше (общий падеж единственного числа man — инфинитив man, 1-е лицо единственного числа man, множественное число без различия лиц man, повелительная форма man . . .), является моментом второстепенным, так как вообще суть конверсии не в наличии омонимичных форм (о чем уже было сказано выше: см. § 82). Но в пределах изучения самой конверсии, конечно, различные особенности тех или других соотношений должны приниматься во внимание, почему, в частности, в § 91 и были разделены случаи типа (а) и (б) (house . . . и man . . .).

§ 94. Конверсия является, как уже было сказано выше (§ 77), очень продуктивным словообразовательным способом в современном английском языке (особенно в некоторых речевых стилях).

Однако ошибочно было бы считать, что конверсия в отличие от других словообразовательных средств обладает неограниченной продуктивностью. Здесь имеется в виду довольно широко распространенное представление о том, что, будто бы, всякий английский глагол можно употребить «в функции существительного» и, наоборот, всякое англий-

ское существительное можно употребить «в функции глагола» и «в функции прилагательного». Оставляя сейчас в стороне неправомерность таких формулировок, основанных на принципиально неверном положении о полифункциональности и грамматической неоформленности слова в современном английском языке (об этом было уже достаточно сказано в § 79), необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что продуктивность конверсии не является беспредельной.

Действительные границы продуктивности конверсии, как и всякого другого способа словообразования, всегда ограничены в целом следующими обстоятельствами:

1. Лексическим значением основы слова.

2. Структурными особенностями слова (которые, естественно, могут в свою очередь объясняться этимологически).

3. Общественной оправданностью новообразования, т.е. обусловленностью его создания потребностями общественной жизни данного человеческого коллектива.

§ 95. Семантическую ограниченность продуктивности конверсии можно проиллюстрировать хотя бы образованием существительных, обозначающих единичный акт конкретного процесса, от соответствующих глаголов. Такие существительные легко и свободно образуются по конверсии от глаголов типа fall *падать*, run *бежать*, smoke *курить*, bathe *купаться*, laugh *смеяться*, поскольку действия, обозначаемые последними, могут быть представлены в виде отдельных единичных актов: ср., например, fall *падение*, run *бег*, *пробег*, smoke «*перекур*», laugh *смех* (в смысле — 'Послышался смех').

Однако в целом ряде случаев действие, обозначаемое глаголом, никак не может быть представлено как ряд единичных актов — например, действия лежания, сидения, стояния и т.п. В результате у таких глаголов, как lie *лежать*, sit *сидеть* и др. отсутствуют соотносящиеся с ними по конверсии существительные типа fall, run, smoke и т.п., хотя, в частности, структурно и фонетически аналогичное lie *лгать* соотносится по конверсии с существительным lie *ложь*.

§ 96. Структурная ограниченность конверсии, или, вернее, фономорфологическая ограниченность, проявляется в том, что от структурно сложных основ образования по конверсии оказываются довольно редкими. Повидимому,

сложность морфологического строения вообще выступает в качестве препятствия для образования по конверсии.

В частности в современном английском языке полностью отсутствуют случаи образования по конверсии от существительных, имеющих специально словообразовательный суффикс -ing-: ср., например, существительное fighting *сражение* при отсутствии такого глагола, как *(to) fighting.

В целом ряде случаев, возможно, играет некоторую роль и то, что структурно сложные слова в определенную историческую эпоху были заимствованы из другого языка и до настоящего времени выделяются в языке как в известной степени особый структурный тип, отличный от структурных типов, характерных для английского языка на всем протяжении его развития. Во всяком случае, не подлежит сомнению тот неоспоримый факт, что случаи конверсии, образованные от сложных или производных основ романского происхождения, в современном английском языке довольно редки. Так, в английском языке отсутствуют существительные, которые бы соотносились по конверсии с глаголами organize *организовывать*, appoint *назначать* и др., а также и глаголы, которые бы соотносились с существительными organization *организация*, appointment *назначение* и др.

§ 97. Наконец, не следует упускать из вида то обстоятельство, что наличие в языке уже готовых пар существительного и глагола, образованных иными средствами, также препятствует конверсии, так как в данном случае образование параллельных слов не вызывается необходимостью и, следовательно, не оправдано с точки зрения потребностей общества.

Так, например, при наличии в языке пары think *думать* и thought *мысль* новообразование по конверсии существительного вроде *think оказывается излишним. В какой-то степени сюда же могут быть отнесены и случаи, приведенные в § 96; очень возможно, что отсутствие существительных, образованных по конверсии от глаголов organize и appoint, связано также и с тем, что с этими глаголами соотносятся такие существительные, как organization и appointment.

§ 98. Необходимо различать, далее, конверсию «на данный случай» и конверсию, устоявшуюся в языке. Так, пары типа love *любить* и love *любовь* входят в словарный состав

современного английского языка как его неотъемлемая часть, в то время как в паре sister *сестра* и sister *быть сестрой* в словарный состав современного английского языка прочно входит лишь первое слово (sister-существительное), а второе слово (sister-глагол), хотя и употребляется у Шекспира, приближается скорее к потенциальным словам (во всяком случае, оно не регистрируется существующими словарями).

Большой устойчивостью могут обладать случаи конверсии разного происхождения: древние пары, возникшие в результате исторического развития иных образований, — типа love — love (см. § 81) — и сравнительно недавние образования по конверсии — типа wire-существительное и wire-глагол.

§ 99. Интересно отметить, что существительное и глагол, соотносящиеся друг с другом по конверсии, как правило, имеют систему значений, специфичную для каждого слова в отдельности. Существительное love, например, кроме значения *любовь*, аналогичного значению *любить* глагола love, имеет еще такие значения, как *любимый*, *амур* и пр.

Такое различие в системе значений соотносящихся по конверсии слов может приводить к тому, что, при утрате параллельных значений этих слов, связь по конверсии между ними вообще разрушается, и данные слова вообще перестают относиться к одному и тому же словообразовательному гнезду. Так, существительное road в современном английском языке уже не связывается конверсией с глаголом ride (rode, ridden), но не потому, чтобы этому препятствовала его звуковая оболочка, а потому, что оно вообще слишком отдалилось от глагола ride по своему значению — *дорога*, *путь*, *рейд*. Но в древнеанглийском существительное rād (новоанглийское road), имевшее еще значение *езда*, *поездка*, соотносилось по конверсии с глаголом rīdan (rād, ridon, riden; новоанглийское ride). Таким образом, изменение значения, происшедшее в процессе исторического развития этого слова, разорвало ранее образовавшиеся связи по конверсии.

§ 100. Семантически глаголы, образованные по конверсии от основ существительных, и существительные, образованные от глагольных основ, не являются равноценными. Смысловая структура существительного, как правило, проще. Существи-

тельное, образованное по конверсии от основы глагола, обозначает либо единичный акт, либо — процесс (не подчеркивая его протекания), в то время как глагол, образованный от основы существительного, может обозначать любой процесс, связанный с данным предметом. Поскольку же предмет может так или иначе участвовать в самых различных процессах, создается известная условность в установлении связи между значением существительного и значением глагола. Установление такой связи зависит от конкретно-исторических условий более общего и более частного порядка. Так, в pen *перо* и pen *писать пером* устанавливается связь между пером и процессом его использования, естественная для современной ступени развития общества. Coventry *Ковентри* и coventry *разбомбить, превратить в развалины* указывают на связь, обусловленную конкретными событиями в истории Англии (Город Ковентри был объектом непрестанных налетов гитлеровской авиации).

В ряде случаев объективно существующие многообразные связи делают возможным выбор того или другого из возможных отношений между предметом и процессом, в котором участвует данный предмет.

Так, трудно установить, почему water глагол означает *поливать водой, обводнять*, а не *добывать воду*, как в milk (a cow) *доить (корову)*, или *поить водой*, как в wine (somebody) *поить (кого-либо) вином*, поскольку все эти процессы равным образом связаны с водой.

Именно поэтому в случаях образования по конверсии глагола от основы существительного очень часто развивается полисемантическая смысловая структура: ср., например, father глагол, имеющий следующие значения: (1) *быть отцом*, (2) *относиться по-отечески*, (3) *называть отцом*.

§ 101. В целом в отношении существительных и глаголов, соотносящихся по конверсии, можно наметить следующую семантическую классификацию:

Существительные, образованные от глагольных основ, обычно имеют следующие значения:

1. Значение единичного акта какого-либо конкретного процесса: look *взгляд* (при глаголе look *глядеть)*, move *движение* (при глаголе move *двигаться)* и пр. Такие существительные часто используются лишь в определенных соче-

таниях типа (to) have a look *взглянуть*, (to) have a drink *выпить* и т.д. Однако они могут использоваться и иначе: ср. (to) have a good laugh *от души посмеяться*, наряду с I don't like his laugh *мне не нравится его смех*.

2. Значение предмета в его целостности: например, sleep *сон* (при глаголе sleep *спать*) и др. В отличие от отглагольного существительного с суффиксом -ing-, существительные подобного типа не подчеркивают течение процесса (ср. walking и walk), но, в отличие от существительных первой группы, они при этом не имеют значения единичного акта.

Глаголы, образованные от субстантивных основ, обычно имеют такие значения:

1. Значение процесса, имеющего особую, специфическую связь с конкретным предметом: ср., например, crown *корона* и crown *короновать*.

2. Значение процесса, имеющего ситуационную связь с предметом: например, paper глагол при paper существительном. Специфической связи процесса с предметом здесь нет, а поэтому исходя из значения существительного, без контекста, трудно вывести значение глагола. Глагол paper может, в зависимости от ситуации, означать и *завернуть в бумагу*, и *снабдить бумагой*, и *оклеивать бумагой*, и т.п. Ср. также nest, имеющее значения *вить гнездо, жить в гнезде, охотиться за гнездами* и т.д.

3. Значение процесса, для которого предмет выступает в качестве инструмента в широком смысле этого слова: ср., например, pen *писать пером* (при существительном pen *перо*), hammer *бить (молотком)* (при существительном hammer *молоток*) и др. Этот тип близок к первому, но специфической связи здесь нет, как в случае crown — (to) crown.

4. Значение процесса выполнения определенной деятельности, связанной с лицом, обозначенным соответствующим существительным: ср., например, groom *грум* — groom *выполнять работу грума*, valet *лакей* — valet *выполнять работу лакея*, clerk *клерк* — clerk *выполнять работу клерка*.

5. Значение называния именем предмета, обозначенного соответствующим существительным: например, father *называть отцом* (при существительном father *отец*), Bob *называть Бобом* (при имени собственном Bob *Боб*) и т.п. Тип этот, правда, встречается довольно редко, так как реально в нем нет большой необходимости, но потенциально он продуктивен.

§ **102.** Теперь возможно перейти к другому способу образования новых слов в современном английском языке, связанному с конверсией, — к образованию слов с помощью чередования звуков.

В § 91 в связи с конверсией было подробно разобрано, какого рода случаи следует относить к этому типу словообразования. В частности было установлено, что к способу образования новых слов при помощи чередования звуков следует относить такие пары слов, которые различаются между собой чередованием, не использующимся для различения форм каждого из слов.

В результате термином «образование слов с помощью чередования звуков» были обозначены следующие случаи:

1. Случаи типа breath существительное, breathe глагол, где чередованием различаются только разные слова, а формы одного и того же слова образуются без чередования.

2. Случаи типа song существительное, sing (sang, sung) глагол, где чередованием различаются и слова, и формы одного и того же слова, но однако слова различаются особым чередованием, не существующим в пределах грамматического изменения того же самого слова (так, гласный существительного song не участвует в чередовании в пределах глагола sing — sang — sung).

§ **103.** Особо, может быть, следует обратить внимание на соотношения типа présent существительное *подарок* и presént глагол *дарить*, *преподносить*, т.е. на случаи, где существительное и глагол различаются, помимо грамматических суффиксов, ударением (а также зависящими от ударения особенностями произношения звуков). На первый взгляд может показаться, что здесь мы имеем дело с конверсией, так как различие в самих основах представляется незначительным, а в орфографии оно и вовсе не находит отражения. Но если вникнуть в существо дела, то легко увидеть, что такие случаи в основном аналогичны случаям типа breath существительное — breathe глагол. Дело в том, что различие в ударении не используется для различения форм в пределах одного слова и потому оно не имеет отношения к парадигмам как таковым: варианты основы, образуемые в связи с различием в ударении, не совмещаются в одном и том же слове, а разделяются

между разными словами подобно тому, как разделяются варианты -breath- и -breathe-.

Таким образом, различие в ударении в случаях типа present существительное — present глагол выступает как специально словообразующее средство, аналогичное чередованию звуков типа breath существительное — breathe глагол, так что словообразование в обеих группах случаев не ограничивается использованием только самих парадигм. Поэтому случаи с различием в ударении могут быть присоединены как особая группа к первому типу, к типу breath существительное — breathe глагол и, вместе с тем, они должны быть исключены из случаев конверсии.

§ 104. В § 89 было сказано, что чередование звуков в английском языке следует рассматривать как дополнительное морфологическое средство по отношению к аффиксации.

Может показаться, однако, что в таком случае, как song — sing (sang, sung), равно как и в случаях типа présent — presént, чередование звуков (и ударение) выступает как самостоятельное средство. Но это не так: и здесь прежде всего — различие парадигм существительного и глагола как наиболее универсальный, основной момент словообразования, т.е. так или иначе — аффиксация. Однако, как уже было сказано выше, мы не имеем здесь конверсии потому, что различие парадигм осложняется чередованием, не используемым в пределах одной из данных парадигм, т.е. чередованием, известным только в области словообразования и потому являющимся специально словообразовательным средством помимо парадигмы (но это не значит — основным, самостоятельным средством).

§ 105. Переходя к словообразованию (словопроизводству) путем аффиксации (префиксации или суффиксации), необходимо еще раз напомнить, что в данном случае мы имеем дело с образованием нового слова не только при помощи конкретного аффикса (суффикса или префикса), но и при помощи парадигмы (подробнее см. § 80). Это обстоятельство часто упускается из виду, особенно в английском языке, где благодаря наличию нулевых суффиксов в «основных» формах слова словообразовательная роль парадигмы является менее заметной.

Словообразовательные аффиксы образуют собственно не слово как таковое, а лишь основу слова, и на этом их роль заканчивается. Это особенно наглядно видно на таких случаях, как difference *различие*, *отличие* и difference *отличать*, *вычислять* (математический термин). Как можно легко увидеть, основа двух указанных слов включает в свой состав один и тот же суффикс — суффикс -ence-, и тем не менее difference существительное и difference глагол являются двумя разными словами. Таким образом, было бы неправильно, или, по крайней мере, очень неточно, сказать, что существительное difference или глагол difference образованы от differ только с помощью суффикса -ence-. Да, в создании слов difference существительного и difference глагола суффикс -ence- действительно участвует, но участвует не только он, а также и парадигма — в первом случае субстантивная, а во втором случае глагольная, иначе мы имели бы не два разных слова, а одно и то же слово.

В последующем изложении, однако, вопросы парадигмы не будут разбираться особо, поскольку они были довольно подробно рассмотрены в связи с конверсией. Основное же внимание будет уделено словообразовательным аффиксам (суффиксам и префиксам), которые дифференцируют отдельные виды аффиксального словопроизводства.

§ 106. Прежде всего следует отметить, что само выделение структурно производных слов и отграничение их от слов простых представляется в высшей степени трудным.

Морфологическая структура слов типа speaker *оратор*, *говорящий*, fighting *сражение*, *борьба*, blacken *чернить* и т.п. достаточно ясна. В их составе без труда можно выделить корневые морфемы -speak-, -fight-, -black-, которые обнаруживаются также в словах speak-ing, fight-er, black-bird и др. и которые соотносятся с основами самостоятельных простых слов speak-( ) *говорить*, fight-( ) *сражаться*, *бороться*, black-( ) *черный*. Возможно выделить также и семантически подчиненные им аффиксальные морфемы -er-, -ing-, -en- на основе сопоставления со словами вроде teach-er-( ), teach-ing-( ) и whit-en-( ).

Однако в словах типа pocket *карман* и др. выделение значащих корневых и аффиксальных морфем представляет трудность, а следовательно возникает вопрос о правомер-

ности отнесения таких слов к производным, и вообще к словам, состоящим из более чем одной морфемы.

Если пытаться выяснить этот вопрос, опираясь только на словообразовательные связи по корневым морфемам, необходимо будет признать, что в современном английском языке не существует ни самостоятельного слова *pock, ни соотносительной с ним корневой морфемы -pock- в составе каких-либо иных образований.

При сопоставлении же приведенного слова не по корневой, а по аффиксальной морфеме легко обнаруживаются ряды слов, аналогичных по структуре и обладающих тождественной по звучанию суффиксальной морфемой:

lock-et *медальон* — lock *замóк, локон*
hogg-et *годовалая овца* — hog *молодая овца*
pock-et *карман* —

Тождественная по звучанию суффиксальная морфема -et выделяемая в приведенных выше рядах слов имеет определенное значение: «уменьшительности».

Это значение не противоречит значению -et- в составе слова pocket, а наличие материального тождества заставляет выделить -et- как ту же самую аффиксальную морфему. В результате слова типа pocket втягиваются в приведенные выше ряды и становятся членимыми, независимо от того, что соответствующие корневые морфемы не встречаются в составе каких-либо других слов.

Иначе говоря, случаи типа pocket делают возможным вывод, сделанный выше (см. § 66) на основе анализа русского материала, а именно: для членения основы вообще достаточно, чтобы она входила в один соотносительный ряд.

§ 107. В ряде случаев в современном английском языке представляется очень сложным отделение одного суффикса от другого в основе одного и того же слова, хотя само наличие нескольких суффиксов обычно является в таких случаях очевидным.

Очень сложно, например, выделение суффиксов в словах типа nomination *назначение (на должность)*, собственно «*называние*», complication *осложнение*, cultivation *возделывание*, concentration *сосредоточение* и др. Существование таких

глаголов, как nominate *назначать, называть*, complicate *осложнять*, cultivate *возделывать*, concentrate *сосредотачивать*, заставляет подойти к отрезку -ation- в приведенных выше существительных как к соединению двух суффиксов — глагольного суффикса -ate- [eɪt] (ср., например, nomin-ate-( ) *называть* при nomin-al-( ) *именной)* в варианте -at- [eɪʃ] и субстантивного суффикса -ion- [n], обнаруживаемого также у таких слов, как divis-ion-( ) *деление, разделение* (ср. divide-( ) *делить, разделять* — с иным вариантом основы).

Подобное осмысление отрезка -ation-, однако, дополнительно затрудняется тем, что в английском языке имеются соотношения типа form *образовывать* — formation *образование* при отсутствии соответствующего глагола *formate. Это как будто бы заставляет выделить в качестве именного суффикса не -ion-, а -ation- в целом. Еще нагляднее это проявляется в таких парах, как normalize *нормализировать* — normalization *нормализация*, generalize *обобщать* — generalization *обобщение*, где наличие специального глагольного суффикса -iz(e)- ведет к еще большему опрóщению отрезка -ation- в результате потускнения значения в отрезке -at-.

Повидимому, случаи указанного типа дают основания предположить, что в современном английском языке существуют особого рода суффиксы, которые можно было бы обозначить термином групповые суффиксы. Специфика этих суффиксов состоит в том, что они представляют собой сложное соединение суффиксальных морфем, выступающих как единое целое; но при этом, однако, каждая из суффиксальных морфем, входящая в состав данных суффиксов, известна и в самостоятельном употреблении (вне соединения с другими морфемами группового суффикса).

Существование в английском языке групповых суффиксов связано с тем, что в английский язык вместе с заимствованиями были перенесены некоторые структурные соотношения, сложившиеся в латинском языке и получившие в английской словообразовательной системе своеобразное существование.

§ 108. В современном английском языке различаются словообразовательные суффиксы разной степени продуктивности. С одной стороны, отчетливо выделяются суффиксы максимальной продуктивности типа -ness-, -er-, -able- и др., а с

другой стороны, — суффиксы не только не продуктивные, но и вообще трудно вычленяемые из состава слова: ср., например, -et- в pocket *карман* (см. § 106), также -th- в width *ширина*, length *длина*, strength *сила* и т. п.

Продуктивность не следует отождествлять с употребительностью. Слов с непродуктивными суффиксами в любом тексте может оказаться больше, чем слов с суффиксами продуктивными. В частности, огромное количество современных английских слов содержит суффикс -(i)ty- (ср., например, possibility *возможность*, civility *любезность*, cruelty *жестокость*, curiosity *любопытство)*, хотя этот суффикс вряд ли является в настоящее время продуктивным. Дело в том, что язык в его данном состоянии — итог многовекового исторического развития, и поэтому он включает в свой состав все слова, ранее созданные или заимствованные. И при известных условиях таких слов может оказаться больше, чем слов созданных при помощи аффиксов, обладающих высокой продуктивностью.

Существенная особенность продуктивных аффиксов не их употребительность, а способность к созданию неограниченного числа новых слов, понятных для всех говорящих на данном языке и, в частности, способность к образованию «потенциальных слов» (см. §§ 16—18).

Большую роль в создании «потенциальных слов» играют, например, такие продуктивные аффиксы, как -ness- и -less-: ср. youngness *юность*, naturalness *естественность*, badness *плохое;* windowless *лишенный окон, без окон*, labelless *лишенный ярлыка, без ярлыка*, sugarless *без сахара* и др., не зафиксированные существующими словарями. Сюда же относятся и сложнопроизводные слова типа ruddy-faced *краснолицый*, sallow-faced *бледный*, hollow-eyed *с ввалившимися глазами*, sleepy-eyed *с сонным видом*, bright-haired *с яркими волосами*, one-legged *одноногий* и др.

Другим критерием продуктивности аффикса является его ясная выделимость и четкость его значения. Так, суффикс -ness-, например, не только легко выделяется в таких словах, как whiteness *белизна*, usefulness *полезность*, clearness *ясность* и т.п., но и обладает четким значением признака, мыслимого в отвлечении от предмета. Четкость значения продуктивного суффикса, однако, не следует никак понимать как его полную однозначность.

О том, что аффиксов с неограниченной продуктивностью в языке вообще не бывает, см. §§ 94—97.

§ 109. Среди суффиксов, участвующих в образовании существительных, необходимо обратить особое внимание на следующие:

Суффикс -ness-, уже упоминавшийся выше, образует от основ прилагательных основу существительного со значением признака в отвлечении от предмета: blackness *чернота*, whiteness *белизна*, clearness *ясность* и т.п. В отдельных случаях оттенок отвлечения признака от предмета может выступать менее четко — например, в darkness *темнота, тьма*, что объясняется, повидимому, тем, что в словарном составе современного английского языка это слово противопоставляется таким существительным с непроизводной основой, как light *свет*.

Суффикс -er- образует от основ глагола основы существительных, обозначающих лицо, выполняющее определенное действие: ср. doer *деятель*, speaker *оратор*, runner *бегун* и др. Дополнительные оттенки у этого суффикса многочисленны. Выполнение определенного действия может в ряде слов трактоваться как постоянное занятие — например, в словах writer *писатель*, worker *рабочий*, fisher *рыбак*, teacher *учитель, преподаватель*. Может также легко возникать значение не лица, а предмета, производящего действие (economizer *экономайзер*, starter *стартер;* ср. также русск. 'деятель' и 'выключатель'), т.е. деятеля в широком смысле этого слова. Возможны и индивидуальные случаи — такие, как speaker *говорящий* и Speaker *Спикер (председатель Палаты Общин в Англии)*. Подобные случаи, однако, не нарушают смысловые связи между словами, содержащими суффиксальную морфему -er-, поскольку они (эти случаи) обусловлены определенными конкретно-историческими условиями.

Разрыв смысловых связей можно, повидимому, констатировать при сопоставлении перечисленных выше слов со словами типа reader *книга для чтения, хрестоматия*. Здесь суффикс -er- уже не имеет значение исполнителя действия и выступает по отношению к суффиксу -er- в doer в качестве омонима. Тем самым в отношение омонимии становятся и такие пары, как reader *читатель* и reader *книга для чтения, хрестоматия*.

Суффикс -ing- образует от глагольных основ основы существительного со значением процесса действия: (the) reading *чтение*, (the) translating *перевод, процесс перевода.* Этот суффикс дает ряд новообразований даже и тогда, когда в языке уже имеются существительные, обладающие близким значением, но иной структурой: ср. translating наряду с translation, dying наряду с death. Слова, образованные с помощью этого суффикса, часто употребляются в сочетании с глаголом do (do the translating, do the writing и т.п.).

§ 110. Среди суффиксов, участвующих в образовании прилагательных, особо выделяется очень продуктивный суффикс -able-, образующий от глагольных основ основы прилагательных со значением пассивной возможности осуществления действия: ср. eatable *съедобный*, readable *пригодный для чтения, читаемый, разборчивый.*

Прилагательные, образованные с помощью суффикса -able-, семантически сопоставимы с причастием вторым от переходных глаголов и поэтому часто используются в стилистических целях рядом с последними для того, чтобы более отчетливо сравнить возможность осуществления и реальное осуществление действия (lovable and loved *могущее быть любимым* и *любимое;* также до некоторой степени unknown but not unknowable *непознанное, но не непознаваемое).*

Суффикс -able- в составе таких образований, как eatable, drinkable, readable, не следует смешивать с суффиксом -able- в непродуктивных образованиях типа charitable *милосердный*, miserable *несчастный*, capable *способный*, amiable *любезный* и др., которые соотносятся обычно не с глаголами, а со словами, системы имени — большей частью существительными (charitable — charity, miserable — misery); иногда же они вообще не входят в сопоставительный ряд по корневой морфеме (capable, amiable).

Следует также обратить внимание на два омонимичных суффикса прилагательных, имеющих звучание [ɪʃ], — -ish-$_1$ и -ish-$_2$. Суффикс -ish-$_1$ образует основы прилагательных также от основ прилагательных и имеет значение ослабления признака, обозначенного прилагательным: ср., например, whitish *беловатый* при white *белый*, greenish *зеленоватый* при green *зеленый*, blackish *черноватый* при black *черный* и др.

Суффикс -ish-$_2$ образует основы прилагательных от основ существительных и имеет значение признака, специфически характеризующего предмет или лицо, обозначенное соответствующим существительным: ср., например, childish *ребяческий* при child *ребенок*, boyish *мальчишеский* при boy *мальчик*, foolish *глупый* при fool *дурак* и т.д. В ряде случаев у прилагательных с этим суффиксом возможен также уничижительный оттенок в значении (womanish *бабий* и др.). Таким образом, у суффиксов, имеющих звучание [ɪʃ], обнаруживается весьма значительное смысловое различие, сочетающееся с различной соотносимостью соединяемых с ними основ. Это и заставляет считать их различными суффиксами, несмотря на материальное тождество.

Как уже указывалось выше (см. § 108), большой продуктивностью обладает суффикс прилагательного -less-, образующий от основ существительных основы прилагательных со значением отсутствия признака, обозначенного существительным: ср. painless *безболезненный* при pain *боль*, tearless *без слез* при tear *слеза*, useless *бесполезный* при use *польза* и др. Его антоним -ful- занимает, повидимому, несколько иное положение. Соотносясь с суффиксом -less- в таких образованиях, как painless *безболезненный* — painful *болезненный*, useless *бесполезный* — useful *полезный* и др., он тем не менее не отличается той же степенью продуктивности, как суффикс -less-. В частности он не дает «потенциальных образований» типа *windowful, аналогичных приводившимся в § 107. Это объясняется, возможно, тем, что -ful- соотносится с корневой морфемой в прилагательном full *полный*, а тем самым по существу является еще корневой морфемой.

Такое же положение в системе современного английского языка занимает и морфема -like- (ср. warlike *воинственный*, ghostlike *подобный духу, привидению*, maidenlike *девичий, подобный девушке* и т.п.). Регулярное соотнесение этой морфемы с корневой морфемой прилагательного like *подобный* не дает ей возможность превратиться в аффикс.

§ 111. Особое внимание следует обратить на суффикс -ly-, причисляемый обычно к суффиксам так называемых «качественных наречий», образуемых от соответствующих качественных прилагательных.

Более вероятным представляется, однако, что образования

на -ly- не являются отдельными словами по отношению к прилагательным, от которых они образованы. Лексическое значение у тех и у других одинаковое — обозначение известного признака. Но в одном случае обозначается признак предмета, а в другом признак действия: ср., например, happy life *счастливая жизнь* и (to) live happily *жить счастливо*. Однако и это их в известной степени сближает: синтаксическая функция, выполняемая ими, есть та же самая функция определения в более широком и общем смысле этого слова. Сближаются образования на -ly- с качественными прилагательными и системой своих форм: и те и другие изменяются по категории степеней сравнения. При этом интересно отметить, что в обоих случаях могут участвовать в образовании степеней сравнения те же самые супплетивные словоформы: ср. good — better — best, также, как well — better — best.

В то же время наблюдается резкое отличие между образованиями на -ly- и обстоятельственными наречиями — как по корневым морфемам, так и по значению и употреблению. Сравнивая short *короткий*, happy *счастливый*, dark *темный*, shortly *коротко*, happily *счастливо*, darkly *темно*, then *тогда*, now *теперь*, yesterday *вчера*, up *вверх*, можно легко увидеть, что основная демаркационная линия проходит не между short и shortly, happy и happily, dark и darkly, а между short, shortly, happy, happily, dark, darkly, с одной стороны, и then, now, yesterday, up, с другой стороны. Так, в предложении He slowly walked in then наречие then, в отличие от образования slowly, не имеет специфической связи с глаголом, не определяет качество или признак процесса, а относится ко всей ситуации в целом. Поэтому then сравнительно свободно изменяет свое место в предложении, существенно не видоизменяя значение высказывания: ср., например, Then he slowly walked in при He slowly walked in then.

Все сказанное выше убеждает в том, что образования на -ly- представляют собой не самостоятельную часть речи, а особую форму прилагательных, используемую при определении прилагательным глагола. А это означает, что и суффикс -ly-, участвующий в образовании этих форм, должен выделяться не в качестве специального словообразовательного суффикса «качественных наречий», а в качестве словоизменительного суффикса качественных прилагательных.

§ 112. Глагольное аффиксальное словопроизводство в английском языке, как и в других германских языках, характеризуется крайней бедностью специально словообразовательными суффиксами. Повидимому, единственно продуктивным суффиксом в системе глагола является суффикс -ize- (normal *нормальный* — normalize *нормализировать*, general *общий* — generalize *обобщать):* ср. такие глаголы, как marshallize *маршаллизовать*, образованные в самое недавнее время.

§ 113. К суффиксальному образованию новых слов примыкают случаи лексикализации словоизменительных суффиксов. О сущности этого явления подробно говорилось выше в § 39. Здесь же следует разве привести дополнительные примеры — такие, как looks *внешность* при look *взгляд, вид,* attentions *ухаживание* при attention *внимание*, belongings *пожитки* при belonging *принадлежность* и др. Во всех этих случаях суффикс -s- связывается уже не с чисто грамматическим различием в формах одного и того же слова, а оказывается средством выражения уже лексического, вещественного различия и тем самым создает другое слово, выступающее в качестве омонима по отношению к соответствующим словоформам множественного числа: ср., например, словоформу множественного числа looks *взгляды* и приводившийся выше случай лексикализации looks *внешность.*

Таким образом, при лексикализации наблюдается отрыв одной из словоформ и обособление этой словоформы в самостоятельную единицу.

Вновь образованное слово характеризуется обычно неполнотой парадигмы по сравнению с системой форм того слова, от которого эта единица обособилась. Кроме того, омонимичные словоформы могут либо отсутствовать в системе форм основного слова, как это имеет место в словах belonging *принадлежность*, possession *обладание* (при possessions *имущество)*, либо быть неупотребительными, как в случае look *взгляд*, colour *краска, цвет.* Последнее объясняется тем, что наибольшее количество случаев лексикализации наблюдается у имен существительных с абстрактным значением. Эти слова по своему лексическому значению реже всего связываются с числовой характеристикой, а поэтому, как правило, форма множественного числа оказывается неупо-

требительной, что создает условия для отрыва такой формы и ее выделения в самостоятельное слово с иным собственно лексическим значением.

Случаи лексикализации известны не только у существительных. Возможна лексикализация грамматических форм степеней сравнения у прилагательных. Так, например, lower *низший, нижний, начальный* (ср. lower boy *ученик одного из первых классов*, lower school *начальная школа*, Lower Chamber *Нижняя Палата*, lower middle class *мелкая буржуазия)* выступает, повидимому, в качестве омонима к форме сравнительной степени прилагательного low *низкий, невысокий* — lower. У глагола обычным не только для английского языка, но и для ряда других языков является отрыв неличных форм от системы других форм глагола и превращение их в существительные и прилагательные. Случаи типа known *известный*, amusing *забавный*, reading *чтение* являются общеизвестными, и увеличивать перечень этих случаев нет никакой надобности. Здесь необходимо лишь со всей решительностью подчеркнуть, что суффиксы -n, -ing, -ing в составе приведенных выше образований являются специально словообразовательными суффиксами, омонимичными по отношению к соответствующим формообразующим суффиксам причастия второго, причастия первого и герудия, связанными с ними лишь генетически — общностью их происхождения.

Различие между суффиксом неличных форм и суффиксами соответствующих существительных и прилагательных выступает особенно выпукло в тех случаях, когда имеется словоформа не с нулевым, а с каким-либо положительным окончанием — типа readings *разночтения* (It has several readings). В случаях подобного рода легко увидеть, что суффикс -ing-, обнаруживаясь и в формах единственного и формах множественного числа (read-ing-( ) — read-ing-s), принадлежит слову в целом и, тем самым выступает подобно любому другому специально словообразовательному суффиксу — например, суффиксу -er- (ср. teach-er-( ) — teach-er-s), в то время как суффикс герундия, послужившего основой для образования существительного reading, содержится лишь в форме герундия (read-ing, read-( ), read-s) и тем самым выступает наподобие любого другого словоизменительного суффикса (ср. book-s — book, gay-er — gay, read-s — read и т. п.).

Разумеется, случаи лексикализации не являются однородными, как по степени лексикализации, так и по их устойчивости в языке. Некоторый сдвиг в сторону лексического переосмысления форм множественного числа, повидимому, наблюдается в таких словоформах, как feet *ноги*, teeth *зубы*, geese *гуси*, mice *мыши*, men *люди*, *мужчины*, women *женщины*, children *дети*, oxen *быки*, *волы*, swine *свиньи* и т.п. (см. § 39). Однако этот сдвиг не настолько значителен, чтобы можно было говорить об отрыве указанных словоформ от системы форм соответствующих слов.

§ 114. Префиксация в современном английском языке наиболее характерна для системы глагола.

Наиболее продуктивными префиксами в системе современного английского языка представляются следующие:

Префикс re-, входящий в состав глаголов со значением повторности: ср. re-read *перечитать* при read *читать*, re-write *переписать* при write *писать*, re-lock *вновь запереть* при lock *запереть* и др. Этот префикс характеризуется особой степенью продуктивности.

Префикс un-, входящий в состав глаголов со значением противоположного процесса по отношению к процессу, обозначенному его корневой частью: ср. un-lock *отпереть* при lock *запереть*, un-do *уничтожить сделанное* при do *сделать*, unfold *разворачивать* при fold *сворачивать* и др.

Префикс mis-, входящий в состав глаголов со значением неправильного, ошибочного осуществления действия: ср. mis-advise *давать плохой или неправильный совет* при advise *давать совет*, mis-behave *дурно вести себя* при behave *вести себя*, mis-believe *заблуждаться* при believe *думать*, *полагать*, mis-call *неверно называть*, *обзывать* при call *звать*, mis-count *просчитываться* при count *считать*, mis-date *неверно датировать* при date *датировать*, mis-govern *плохо управлять* при govern *управлять* и др.

Отрицательный префикс прилагательных un-: ср. un-able *неспособный*, *не могущий* при able *могущий*, *способный*, un-certain *неуверенный* при certain *уверенный*, un-conscious *бессознательный* при conscious *сознательный*, un-kind *неласковый* при kind *ласковый* и др. Очень часты случаи соединения в одном и том же слове префикса un- и суффикса -able-: ср. un-account-able *необъяснимый*, un-analys-able *не подлежащий*

анализу, un-avail-able *недействительный*, un-bear-able *невыносимый*, un-comfort-able *неудобный* и т.п. Интересно отметить, что при большой употребительности указанных прилагательных параллельные прилагательные, лишенные отрицательного префикса un-, часто вообще отсутствуют: ср. un-believable при отсутствии believable, un-forgettable при отсутствии forgettable и т.д.

Словосложение

§ 115. Прежде чем дать классификацию современных английских сложных слов, необходимо установить, какие конкретные образования в современном английском языке возможно вообще выделять в качестве сложных слов. Наибольшую трудность в этом отношении представляет проблема отграничения сложных слов от словосочетаний, центральным вопросом в которой является вопрос о природе образований типа stone wall *каменная стена*, speech sound *звук речи*, собств. «*речевой звук*», door handle *дверная ручка* и т.п. Представляется целесообразным поэтому прежде всего подробно рассмотреть образования данного типа.

§ 116. Вопрос о природе образований типа stone wall и speech sound, очень характерных для английского языка, давно привлекает внимание языковедов. По этому вопросу существуют в общем три точки зрения:

1. Первые компоненты в таких образованиях определяются как существительные, так как они неспособны образовывать степени сравнения.

2. Первые компоненты в таких образованиях в различной степени сближаются с прилагательными, вплоть до того, что некоторые из них полностью приравниваются к прилагательным. Это обосновывается следующими соображениями: (а) такие определяющие элементы могут употребляться параллельно несомненным прилагательным; (б) после них может стоять слово one (в таких сочетаниях, как a cotton one и т.п.); (в) они могут определяться наречиями; (г) они могут употребляться в качестве именного предикативного члена, как обычные прилагательные без артикля; (д) некоторые из них могут образовывать степени сравнения.

3. Первые компоненты в таких образованиях рассматриваются как слова, приближающиеся к прилагательным в функциональном отношении (поскольку они выступают в роли определений), но остающиеся вместе с тем существительными.* Эту точку зрения разделяют проф. В. Н. Ярцева** в рецензии на книгу проф. Б. А. Ильиша и И. Р. Гербач в своей диссертации.*** Проф. Б. А. Ильиш рассматривает этот вопрос также в связи с проблемой словосложения, причем после разбора взглядов различных зарубежных англистов он приходит к заключению, что проблема подобных образований может быть решена «только в результате специального исследования взаимодействия лексики и синтаксиса в конкретных условиях строя современного английского языка». С этим его заключением нельзя не согласиться.

Таким образом, проблему образований типа stone wall, speech sound и т.п. нельзя признать полностью решенной.

Для того чтобы подойти к решению этой проблемы, необходимо прежде всего выделить в ней два основных вопроса:

1. Что представляют собой первые компоненты таких образований с точки зрения классификации слов по частям речи?

2. Являются ли образования такого типа сложными словами (вроде немецких Steinmauer, Lichtstrahl и пр.) или сочетаниями слов?

§ 117. Для ответа на первый из этих вопросов следует прежде всего выяснить, различаются ли вообще существительные и прилагательные в современном английском языке, а если различаются, то в чем заключается это различие. В том, что эти части речи в нем вообще выделяются, не может быть сомнения.

Так, например, такое слово, как friend, и такое, как friendly, несомненно отличаются друг от друга как существительное и прилагательное. Соответственно: значение предметности в первом из них и значение признака во втором ясно выражаются и в синтаксическом их употреблении и в их морфологических особенностях. Достаточно отметить, что слово friend выступает и в роли подлежащего, и в роли дополнения, нор-

---

* Б. А. Ильиш. Современный английский язык, Изд-во литературы на иностранных языках, изд. 2-ое, 1948, стр. 83.

** «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1941, № 3, стр. 1.

*** И. Р. Гербач «Иностранные языки в школе», 1950, № 4, стр. 26-34.

мально не определяется наречиями, может определяться притяжательными образованиями на -'s (friend's) изменяется по числам (friend — friends); слово же friendly регулярно выступает в качестве определения (но без -'s) и, напротив, не употребляется ни как подлежащее, ни как дополнение, само же нормально определяется наречием, обозначающим степень или интенсивность и т.п.; не может оно определяться и притяжательными образованиями на -'s, не сочетается с неопределенным артиклем и предлогами (в таких случаях, как in a friendly manner, предлог и артикль относятся, конечно, не к слову friendly, а к слову, которое им определяется, или, точнее, ко всему аттрибутивному комплексу friendly manner и т.п.), не изменяется по числам (вообще не имеет категории числа), но изменяется по степеням сравнения (friendly — friendlier — friendliest). Кроме того, это слово имеет словообразовательный суффикс -ly, встречающийся и во многих других словах с теми же грамматическими признаками (ср. manly *мужественный*, lovely *красивый*, brotherly *братский* и др.).

Следует обратить внимание на то, что существительные и прилагательные в английском языке различаются настолько ясно как отдельные части речи, что соответствующие единицы воспринимаются либо как существительные, либо как прилагательные, нередко даже в тех случаях, когда различие между теми и другими не является столь четким.

Конечно, во многих случаях возможны колебания, поскольку грань между существительными и прилагательными не является непреодолимой и, в частности, прилагательные в английском языке, как и во многих других языках, нередко субстантивируются. Это обстоятельство, однако, не снимает того общего положения, что различие между существительными и прилагательными, как между двумя отдельными частями речи, достаточно последовательно и четко проводятся в современном английском языке.

§ 118. Для ответа на второй из поставленных вопросов — являются ли образования типа stone wall, speech sound сложными словами или сочетаниями слов — необходимо предварительно определить, в чем состоит различие между сложным словом и сочетанием слов.

О критериях разграничения между сложным словом и

словосочетанием подробно говорилось выше (см. §§ 34—36). В связи с этим было отмечено, что основным и решающим критерием в выделении сложного слова из массы словосочетаний является его цельнооформленность.

Здесь же необходимо еще раз обратить внимание на то, что цельность типичного и несомненного сложного слова — так называемого «классического сложного слова» — определяется двумя моментами: цельностью его семантики и его «цельнооформленностью».

Так, например, в слове blackboard выделяются значения двух компонентов black *черный* и board *доска* (постольку это слово и воспринимается как сложное), но над этими значениями доминирует значение «*классная доска*». Это последнее значение выступает как особая целая семантическая единица, отличная от сочетания значений *черный* и *доска:* ведь слово blackboard относится не ко всякой черной доске, которая могла бы быть обозначена словосочетанием black board, но к «доске», являющейся пособием в учебном процессе, которая может быть и не черной (а, например, коричневой) и даже не доской, а чем-либо иным, что само по себе не обозначается словом board (например, участком стены, окрашенным в темный цвет, и т.п.). Кроме того слово blackboard имеет единое грамматическое оформление (ср. blackboard — blackboards; ср. также невозможность изменения первого компонента по категории степеней сравнения). Единое грамматическое оформление слова blackboard именно как цельного слова дополнительно подчеркнуто в нем объединяющим ударением (главным ударением на первом слоге) подобно простому слову, чем оно отличается в частности от словосочетания black board (с одинаковым или почти одинаковым ударением на обоих компонентах), и слитным написанием.

Таким образом, в данном случае цельность сложного слова (blackboard) определяется двумя моментами: идиоматичностью его значения, как целого, по отношению к значениям компонентов (т.е. несовпадением его целого значения с сочетанием значений его частей) и его цельнооформленностью, которым оно сближается с простым словом (и отличается от соответствующего сочетания слов).

Не всегда, однако, оба указанные момента — идиоматичность и цельнооформленность — соединяются друг с другом в сложном слове.

В таком, например, сложном прилагательном, как blue-eyed, идиоматичности нет: значение комплекса blue-eye- в нем совпадает с сочетанием значений его компонентов blue- *синий, голубой* и -eye- *глаз(а);* и, например, blue-eyed children *голубоглазые дети* значит в основном то же, что children with blue eyes (следует заметить, что семантическим эквивалентом суффикса -(e)d в blue-eyed является в словосочетании with blue eyes предлог with). Тем не менее blue-eyed представляет собой сложное с л о в о, а не сочетание слов, как with blue eyes, поскольку, в отличие от последнего, оно является образованием ц е л ь н о о ф о р м л е н н ы м: его цельнооформленность определяется тем, что -eye- не оформлено в нем в отношении числа, в отличие от того, что мы находим при употреблении этой основы в качестве основы отдельного простого слова, выступающего либо в форме единственного числа eye, либо в форме множественного eyes (ср. также one-eyed и one eye, many-eyed и many eyes), а также тем, что образование blue-eyed не допускает такого распространения его новыми компонентами, какое возможно в случае эквивалентного ему сочетания слов with blue eyes (ср. with large blue eyes; with large bright blue eyes; with their blue eyes и т.п.). При этом цельнооформленность слова blue-eyed дополнительно подчеркивается здесь тем, что словообразующий суффикс -(e)d относится в этом слове ко всему отрезку blue-eye-, как к целому, а не только к его компоненту -eye- (так как blue-eyed значит примерно *голубые-глаза имеющий*, а не «*голубой глаза-имеющий*»).

В связи с этим необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство, а именно — на то, что цельнооформленное образование, даже если оно не обладает идиоматичностью, оказывается, при прочих равных условиях, семантически более цельным, чем соответствующее раздельнооформленное образование. Поэтому под эквивалентностью таких сложных единиц, как blue-eyed и with blue eyes, не следует понимать их полное семантическое тождество: они различаются не только по внешнему виду, но и по внутреннему, семантическому своему строению.

Однако, как уже было сказано выше (см. § 36), подобного рода семантическая цельность не может выступать в качестве самостоятельного критерия, поскольку она сама является результатом грамматической цельнооформленности, а следо-

вательно имеется там и тогда, где и когда имеется единое грамматическое оформление для всего образования в целом.

§ 119. Среди образований типа stone wall, speech sound и т.п., вообще говоря, встречаются образования идиоматического характера: ср., например, kitchen garden, которое по своему строению подобно такому образованию, как kitchen window, но вместе с тем является идиоматическим, так как значит не *кухонный сад,* а *огород.* Идиоматические образования такого типа имеют тенденцию превращаться в явно сложные слова: это, повидимому, подчеркивается тем, что эти образования получают объединяющее ударение на первом компоненте, а в их написание вводится дефис — так, kitchen garden встречается и в виде kitchen-garden.

Обычно же образования типа stone wall, speech sound и т.п. являются неидиоматическими. В дальнейшем будут иметься в виду именно такие образования этого типа. Поскольку их число велико, подобно числу аттрибутивных словосочетаний прилагательных с существительными и в связи с тем, что они легко вновь и вновь создаются в речи, наиболее важным представляется определить именно их место в системе английского языка.

§ 120. Обычные образования stone wall, speech sound отличаются от классических сложных слов не только отсутствием идиоматичности, но и тем, что они не имеют объединяющего ударения, характерного для этих последних: ср. уже приводившееся blàckboard.

Это, однако, еще не значит, что такие образования не могут быть признаны сложными словами. Объединяющее ударение само по себе не является критерием установления цельности слова. Как уже было сказано выше, единственным и определяющим критерием отграничения сложного слова и словосочетания является цельнооформленность, под которой понимается цельность слова в его отношении к грамматическому строю языка. Что же касается объединяющего ударения, то оно в ряде случаев может лишь дополнительно подчеркивать цельнооформленность того или иного образования. Однако отсутствие объединяющего ударения не является безусловным признаком отсутствия цельнооформленности. В английском языке объединяющего ударения могут

не иметь даже и такие слова, которые вообще не могут быть отнесены к словам сложным. Например, Chinese, в котором возможно два равносильных ударения (Chìnèse), произносится с главным ударением либо на первом, либо на втором слоге — в зависимости от синтаксических условий; ср. также семантически одновершинные образования с некоторыми приставками, в частности — особенно многочисленные с un- (unfed *ненакормленный*, unsaid *невысказанный*, unripe *неспелый*, unsalted *непосоленный* и т.п.) и re- (reapplŷ *обращаться вновь*, rearm *перевооружаться*, rewrite *переписать* и пр.).

Таким образом, акцентуация образований типа stone wall, speech sound и т.п. не дает достаточного основания для признания их словосочетаниями: она показывает только, что эти образования, в отличие от классических сложных слов типа blackboard, а также и от неидиоматических сложных слов типа apple-tree *яблоня*, coal-mine *угольная шахта*, moonlight *лунный свет*, могут представлять собой словосочетания, но не исключает и той возможности, что они являются особым типом сложных слов. Иначе говоря, их акцентуация не решает вопроса о принадлежности этих образований к сложным словам или к словосочетаниям. Необходимо, следовательно, сосредоточить внимание на их лексико-грамматическом строении в собственном смысле слова.

§ 121. Для того чтобы понять лексико-грамматическое строение таких образований, как stone wall, speech sound и т.п., следует сопоставить их с аттрибутивными образованиями других типов.

В связи с тем, что в английском языке, как уже было отмечено (см. § 117), существует различение существительных и прилагательных, в нем выделяются, с одной стороны, аттрибутивные словосочетания, в которых определением является существительное, и, с другой стороны, аттрибутивные словосочетания, в которых в качестве определения выступает прилагательное. Различие между этими двумя типами словосочетаний особенно четко выявляется при сопоставлении таких эквивалентных словосочетаний, как wall of wood *стена из дерева* и wooden wall *деревянная стена*, dress of wool *платье из шерсти* и woollen dress *шерстяное платье*, Darwin's theory *теория Дарвина* и Darwinian theory *дарвинская теория*. Конечно, эквивалентность в таких случаях оказывается более или

менее условной, относительной; но здесь важно не это. Важно то, что различие между семантически близкими друг к другу существительными и прилагательными (wood и wooden и т.д.) связано с различием в строении соответствующих аттрибутивных словосочетаний.

Можно легко увидеть, что определяющие компоненты в образованиях типа stone wall, speech sound и т.п. соединяются с определяемыми компонентами явно не так, как это характерно для существительных в отличие от прилагательных. Их соединение с определяемыми компонентами напоминает соединение аттрибутивных прилагательных с существительными: ср. stone wall и wooden wall, silk dress и woollen dress, family gathering *семейная встреча* и friendly gathering *дружеская встреча*, art institute *художественный институт* и scientific institute *научно-исследовательский институт.*

Однако безоговорочно признать рассматриваемые образования сочетаниями прилагательных с существительными вряд ли возможно: этому препятствует то, что первые компоненты этих образований естественно отождествляются с несомненными существительными. Так, например, stone в stone wall и в wall of stone (где оно несомненно существительное) естественно понимается как одно и то же, как одна единица. Это же самое относится к silk в silk dress и в dress of silk, к family в family gathering и в his brother's family *семья его брата*, к art в art institute и в study of art *изучение искусства* и т.п. Тем самым первые компоненты рассматриваемых образований отделяются от прилагательных, противопоставляются им.

Необходимо при этом подчеркнуть, что, хотя эти компоненты отождествляются с существительными, они не являются отдельными словоформами, т.е. не представляют собой какие-либо определенные грамматические формы данных слов-существительных, но выступают лишь в качестве основ этих существительных. Такое понимание этих компонентов определяется отчасти уже тем, что соответствующие образования отличаются от тех аттрибутивных словосочетаний, в которых определениями являются существительные, соединенные с определяемыми словами, так как это характерно для существительных в отличие от прилагательных (т.е. посредством предлога или конечного -'s). Но решающим в этом отношении представляется то, что эти компоненты обычно не имеют оформления множественного числа даже в тех

случаях, когда при обозначении соответствующего предмета или явления отдельной субстантивной словоформой последняя несомненно была бы формой множественного числа. Так, например, первые компоненты в log cabin *бревенчатая хижина*, rose garden *сад роз*, собств. «*розовый сад*», vowel system *система гласных*, собственно «*гласная система*» не имеют оформления множественного числа, хотя эти образования обозначают соответственно то же, что cabin made of logs, garden of roses, system of vowels.

Но если эти компоненты являются лишь основами существительных, а не какими-либо определенными их формами, то тем самым соответствующие образования оказываются цельнооформленными, а следовательно, не словосочетаниями, но сложными словами, в общем подобными таким, как starlight *свет звезд* (ср. light of stars), book-shelf *книжная полка* (ср. shelf of books), хотя они и отличаются от последних отсутствием объединяющего ударения.

Далее, если такие образования, как log cabin, rose garden, vowel system, признать сложными словами, то, конечно, к числу сложных слов нужно будет отнести и такие образования этого типа, первые компоненты которых не обозначают или не обязательно обозначают некоторую совокупность однородных предметов или явлений, т.е. вообще образования типа stone wall, speech sound и т.п.

Примечание: В английском языке, правда, имеются образования типа goods circulation *товарообращение*, goods car *грузовой автомобиль*, goods train *товарный поезд*, где как будто бы первый компонент имеет самостоятельное оформление суффиксом множественного числа, но при этом определяет второй компонент в общем так же, как и первые компоненты таких образований, как stone wall и speech sound. Однако в действительности эти случаи представляют собой ни что иное, как случаи лексикализации форм числа и, таким образом, суффикс -s- в них является не словоизменительным суффиксом множественного числа, а специально словообразующим суффиксом (подробнее см. § 113), аналогичным, например, -ing- в working-man *рабочий*.

§ 122. При этом, однако, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что, поскольку неизменяемость по числам является одним из тех морфологических признаков, которыми в современном английском языке отличаются от существительных прилагательные, постольку неизменяемость по числам нисколько не препятствует, а, напротив, скорее

способствует тому, чтобы аттрибутивные компоненты рассматриваемых образований понимались как прилагательные. Таким образом, исключив возможность понимания этих компонентов как форм существительных, необходимо внести соответствующее изменение в вопрос об их лексикограмматической природе: вопрос этот состоит не в том, являются ли эти компоненты существительными или прилагательными, а в том, являются ли они грамматически неоформленными основами существительных или прилагательными.

Одновременно необходимо учитывать, что признание этих компонентов прилагательными ни в коем случае не должно было бы пониматься как отрицание того очевидного факта, что в них так или иначе представлены основы существительных. Ведь, например, и в таких прилагательных, как wooden, woollen, golden или wolfish, childish, manly и т.п., несомненно выделяются основы существительных wood, wool, gold, wolf, child, man и пр. В таких прилагательных основы соответствующих существительных соединены с адъективными словообразующими (точнее, основообразующими) суффиксами -en, -ish, -ly и т.п., вместе с которыми они и образуют основы данных прилагательных. В отличие от таких прилагательных первые компоненты образований типа stone wall, speech sound и т.п. не имеют в своем составе адъективных суффиксов. Следовательно, если, несмотря на это, все же признавать их прилагательными, необходимо будет допустить, что основы существительных (которые, несомненно, в них содержатся) превращены в основы прилагательных не путем словообразовательной аффиксации, а путем так называемой конверсии, т.е. при помощи п а р а д и г м ы. А отсюда следует, далее, что признание этих компонентов прилагательными есть в то же самое время признание их определенными словоформами (а не только основами слов). Признание же их словоформами влечет за собой определение как словосочетаний тех образований, в которые они входят, так как эти образования в таком случае оказываются раздельнооформленными, тем более что объединяющее ударение у них отсутствует.

§ 123. Из всего сказанного можно сделать следующий вывод.

Поскольку различие между существительными и прилагательными в современном английском языке, а также различие

между сложным словом и словосочетанием установлено и определено, постольку проблема образований типа stone wall, speech sound и т.п. в основном сводится к проблеме различия между грамматически неоформленными основами существительных, с одной стороны, и прилагательными, образованными от этих основ путем конверсии, — с другой.

§ 124. Это различие далеко не так ясно и четко, как различие между существительными, грамматически оформленными в качестве отдельных слов, и соответственно оформленными прилагательными.

Дело прежде всего в том, что единственным положительным морфологическим грамматическим признаком прилагательных, отличающим их от существительных, является в современном английском языке их изменяемость по степеням сравнения. Правда, этот признак не представляет собой черты, общей всем прилагательным: как известно, многие прилагательные по степеням сравнения, как правило, не изменяются, причем изменяемость или неизменяемость зависит от значения прилагательного (ср. large — larger — largest *большой*, happy — happier — happiest *счастливый*, interesting — more interesting — most interesting *интересный* — с изменением по категории степеней сравнения; и double *двойной*, excellent *отличный*, electrical *электрический*, woollen *шерстяной* — с отсутствием изменения по категории степеней сравнения).

Аттрибутивные компоненты таких образований, как stone wall, speech sound и т.п., по своему значению большей частью таковы, что их изменение по степеням сравнения оказывается ненужным. Поэтому характерная для них неизменяемость по степеням сравнения не может служить доказательством того, что они не являются прилагательными, — также как подобная неизменяемость, например, слова electrical не может опровергнуть того факта, что это слово — прилагательное.

С другой стороны, конечно, и такие редкие случаи, как choice — choicer — choicest *отборный*, не свидетельствует о том, что аттрибутивные компоненты рассматриваемых образований являются прилагательными. Несомненно, что слово choice — choicer — choicest есть прилагательное, образованное путем конверсии от основы существительного choice *выбор* и т.п.; но оно по своей лексической семантике уже

настолько отличается от этого существительного, что такие образования, как choice fruit *отобранный, лучший плод*, вряд ли могут быть отнесены к числу образований типа stone wall, speech sound и пр. По существу отношение между прилагательным choice — choicer — choicest и существительным choice такое же, как между прилагательным light — lighter — lightest *светлый* и существительным light *свет*. И если такие образования, как light room *светлая комната*, представляющие собой несомненные сочетания обычного прилагательного light — lighter — lightest с теми или иными существительными, явно отличаются от таких, как light signal *световой сигнал*, принадлежащих к типу stone wall, speech sound и т.п., то и образования (аттрибутивные сочетания) с прилагательным choice — choicer — choicest, вроде choice fruit и пр., следует отличать от образований типа stone wall, speech sound и т.п., и их характеристику нельзя переносить на последние.

Отрицательные морфологические грамматические признаки прилагательных, а именно: неизменяемость по числам и отсутствие образований с притяжательным -'s, отличают их от существительных как от грамматически оформленных слов, но не могут отличать их от основ существительных.

Таким образом, морфологический грамматический анализ вообще не может привести к каким-либо определенным выводам относительно того, представляют ли собой аттрибутивные компоненты рассматриваемых образований лишь основы существительных — или же это прилагательные, образованные от этих основ путем конверсии. Следовательно, необходимо обратиться к синтаксическому анализу.

§ 125. С точки зрения с и н т а к с и с а первые компоненты образований типа stone wall, speech sound и т.п. могут с необходимостью определяться как прилагательные лишь в том случае, если у них есть такие синтаксические особенности прилагательных, которые выявляются в н е отношения прилагательного к аттрибутивно определяемому им существительному.

Такими синтаксическими особенностями прилагательных в современном английском языке можно признать следующие:

1. Определяемость наречиями, обозначающими степень или интенсивность качества, выражающими ту или иную оценку и т.п. (very, purely, wonderfully, sufficiently и др.).

2. Сочетаемость посредством союзов (and, or, nor) или без союза с другими прилагательными, параллельно определяющими то же существительное (ср. green and yellow leaves, black or brown hair, large blue eyes). При этом нужно заметить, что включение второго (третьего и т.д.) прилагательного в аттрибутивное словосочетание ставит одно из данных прилагательных (два или более) в дистантное положение по отношению к определяемому существительному. Таким образом, эта особенность отчасти затрагивает и отношение между прилагательным и аттрибутивно определяемым им существительным.

3. Несочетаемость с неопределенным артиклем (a, an). Здесь особенно важно обратить внимание на случаи предикативного употребления прилагательных (ср. she is beautiful в отличие от she is a beauty). Само собой разумеется, что в аттрибутивных словосочетаниях типа a large table, an old book и т.п. артикль относится не к прилагательным, а к определяемым ими существительным (или, может быть, точнее, к существительным вместе со связанными с ними прилагательными). То же может быть сказано и о словосочетаниях, в которых место определяемого существительного занимает слово one (ср. a large one, an old one).

Выделять особо, как это делает Есперсен*, те образования, в которых в роли определяемого существительного выступает слово one, с точки зрения данной проблемы нет достаточных оснований. Слово one в таких образованиях обладает всеми грамматическими признаками существительного. Поэтому, если возможно такое образование, как the cotton umbrella, то, естественно, возможно и такое, как the cotton one: в обоих случаях представлен в общем один и тот же грамматический тип, и аттрибутивный компонент в последнем случае (с one) характеризуется по существу так же, как и в первом, где определяемым компонентом является обычное существительное. Таким образом, сочетаемость данного аттрибутивного компонента не может служить особым доказательством того, что этот аттрибутивный компонент представляет собой прилагательное.

---

* O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles, part II, ch. XIII, 1914.

§ **126.** Определяемость наречиями известного типа (ср. выше, § 125, пункт 1) является действительно одним из характерных признаков прилагательных. Поэтому, если какой-либо аттрибутивный компонент, не имеющий несомненных грамматико-морфологических признаков существительного и вместе с тем находящийся в положении прилагательного, определяется таким наречием, то в общем он в достаточной мере характеризуется как прилагательное. Так, например, family в комплексе purely family gathering, где оно определено наречием purely, должно пониматься как прилагательное (а следовательно, этот комплекс должен пониматься как сочетание трех слов; ср. словосочетание purely scientific question, где в подобном же положении выступает несомненное прилагательное scientific).

§ **127.** То же самое может быть сказано и о сочетаемости с прилагательным, параллельно определяющим второй компонент образований типа stone wall, speech sound (ср. выше, § 125, пункт 2). Поэтому, например, в таком случае, как literary, art and scientific institutes, аттрибутивный компонент art, поскольку он сочетается (без союза и посредством союза and) с несомненными прилагательными literary и scientific, параллельно определяющими то же существительное (institutes), должен также пониматься как прилагательное.

Проф. Б. А. Ильиш по поводу этого и других подобных словосочетаний замечает: «Эти случаи скорее доказывают возможность объединения разнородных элементов в сходных синтаксических функциях, чем однородность самих элементов»*. С этим его замечанием вряд ли можно согласиться: ведь здесь речь идет не только о «разнородных элементах», но и о различных образованиях в целом. Если же аттрибутивный компонент такого образования, как art institute, не понимать как прилагательное, то его можно понимать только как основу существительного, а в таком случае все данное образование необходимо будет признать сложным словом. Между тем такой комплекс, как literary and scientific institutes, в состав которого входят несомненные прилагательные literary и scientific, явно представляет собой словосочетание.

---

* Б. А. Ильиш. Современный английский язык, Изд-во литературы на иностранных языках, изд. 2-е, 1948, стр. 83.

Следовательно, не признавая, что art в приведенном выше примере является прилагательным, пришлось бы понимать этот пример — literary, art and scientific institutes — как своеобразную контаминацию сложного слова и словосочетания, при которой компоненты сложного слова (art institutes) оказались бы разделенными самостоятельным словом scientific и союзом and. Отрицать возможность такой контаминации, вообще говоря, нельзя. Но в современном английском языке нет необходимости такого сложного понимания подобных образований, поскольку в этом языке, в соответствии с его морфологической системой, такие аттрибутивные компоненты, как art в приведенном примере, естественно могут пониматься как прилагательные, образованные от существительных путем конверсии (ср. такие прилагательные, как light, choice — при существительных light, choice).

§ 128. Относительно несочетаемости с неопределенным артиклем (ср. выше, § 125, пункт 3) нужно заметить, что этот признак прилагательных отчетливо выступает собственно при их предикативном употреблении.

Так, в известном примере из Стивенсона ("Memories and Portraits") — I am Highland — отсутствие артикля при слове Highland явно характеризует это слово как прилагательное (в отличие от существительного Highlander, которое в подобном предложении было бы употреблено с неопределенным артиклем). Это прилагательное следует рассматривать как образованное путем конверсии от основы существительного Highlands, от которой, с помощью суффикса -er-, образовано также и существительное Highland-er( ).

Но можно ли на основании таких примеров, как I am Highland, считать прилагательным и аттрибутивное Highland в образованиях типа Highland woman, Highland village, Highland dialect?

Очевидно, что аттрибутивное Highland должно пониматься как прилагательное в том случае, если предикативное употребление этой единицы является достаточно обычным, устойчивым. Но в таком случае Highland вообще должно быть признано обычным прилагательным, являющимся устойчивой единицей в словарном составе английского языка, и тем самым такие образования, как Highland woman и т.п., в которых Highland является определяющим компонентом,

оказываются обычными сочетаниями прилагательного с существительными и, следовательно, уже не принадлежат к типу stone wall, speech sound. Если же предикативное употребление такой единицы, как Highland, в качестве прилагательного является необычным, представляет собой отступление от нормы, то оно, вообще говоря, не может служить основанием для того, чтобы данная единица понималась как прилагательное и при аттрибутивном ее применении. В таком случае предикативное употребление данной единицы в качестве прилагательного может вызывать ее адъективацию как аттрибутивного компонента только при том условии, что предикативное сочетание с этой единицей и соответствующее аттрибутивное образование входят в один и тот же общий контекст: ведь эта единица в таком случае делается прилагательным в составе сказуемого лишь «временно», лишь в пределах данного контекста.

Далее нужно заметить, что (в отличие от случаев типа I am Highland) отсутствие неопределенного артикля в таких случаях, как this dress is silk, вообще не служит показателем того, что именной компонент сказуемого является прилагательным: слово silk в словосочетании-предложении this dress is silk может, вообще говоря, пониматься и как существительное (ведь платье, сделанное из шелка, действительно представляет собой шелк, а неопределенный артикль в таких случаях невозможен и при существительном). Поэтому из того, что можно сказать this dress is silk, совершенно не вытекает, что silk dress должно пониматься как сочетание прилагательного с существительным. С другой стороны, если даже признать бесспорным, что в предложениях вроде this dress is silk слово silk является несомненно существительным (поскольку возможно, например, this dress is pure silk), то все же нельзя было бы, на этом основании, отрицать возможность того, что silk в silk dress представляет собой прилагательное: ведь silk dress по семантическому отношению между компонентами скорее может быть сближено с this dress is (made) of silk, чем с this dress is silk, если последнее понимать как «*это платье — шелк*». Здесь имеется в виду то, что аттрибутивное silk относится к (made) of silk в общем так, как прилагательные типа wooden, woollen и т.п. относятся к соответствующим образованиям типа (made) of wood, of wool и т. д. Следовательно, такое предложение, как this dress is

silk, во всяком случае не определяет того или другого понимания компонента silk в silk dress.

§ 129. На основании сказанного можно придти к заключению, что в известных случаях аттрибутивные компоненты образований типа stone wall, speech sound и т. п. должны пониматься как прилагательные, образованные от основ существительных путем конверсии, поскольку в соответствующих случаях они действительно обладают отличительными синтаксическими признаками прилагательных: так, например, family в purely family gathering, art в literary, art, and scientific institutes, а при известных условиях, может быть, также и Highland в Highland woman и т.п., — если в том же контексте встречается предикативное Highland (например, в I am Highland; ср. выше, § 128). Однако это не значит, что данные аттрибутивные компоненты представляют собой прилагательные как устойчивые единицы словарного состава английского языка, т.е. что в систему английской лексики входят, например, наряду с существительными family и art также и прилагательные family и art — подобно тому, как наряду с существительным light в нее входит и прилагательное light *(светлый)*. Рассмотренные случаи адъективации таких компонентов представляют собой лишь «временную» адъективацию основ соответствующих существительных, ограниченную пределами лишь отдельных словосочетаний, условиями лишь данного определенного контекста.

§ 130. Итак, основные, наиболее многочисленные и наиболее характерные случаи образований типа stone wall, speech sound и т.п., представляющие особую проблему, не могут быть удовлетворительно определены путем простого сопоставления их с отдельными частными случаями таких образований, которые выделяются из общего числа своим достаточно ясным строением. Основная масса образований этого типа занимает в системе английского языка совершенно особое положение. Полное и безоговорочное смешение этих образований как с явными, «классическими» аттрибутивными сочетаниями прилагательных с существительными (типа blue eyes), так и со столь же несомненными, в том числе и «классическими», сложными словами (типа blackboard, dog-eared и др.), было бы поэтому проявлением крайне поверхностного,

по существу совершенно нелингвистического подхода к явлениям языка.

§ 131. Характер и место образований типа stone wall, speech sound в системе современного английского языка не может не определяться тем, что в этом языке, как уже было отмечено (см. § 117), не только вообще имеется достаточно четкое различие между прилагательными и существительными как между отдельными частями речи, а также и различие между словосочетанием и сложным словом, но и существуют вместе с тем различные по своему строению типы образований, состоящих из определяющего и определяемого компонентов. При этом в нем вполне обычны и такие словосочетания, в которых определением является прилагательное, и такие, в которых в этой роли выступает существительное (с предлогом или с формантом -'s), и, наряду с ними, несомненно сложные слова, в состав которых в качестве определяющего компонента входит лишь основа того или другого существительного (помимо различных иных типов аттрибутивных словосочетаний и сложных слов, не имеющих прямого отношения к данной проблеме).

Таким образом, образования типа stone wall, speech sound и т. п. в английском языке являются лишь одним из типов сложной системы различных определительных образований, и притом такой системы, в которой проводится различие как между прилагательными и существительными, так и между словосочетанием и сложным словом. Поэтому образования этого типа нельзя рассматривать изолированно, вне этой системы, в частности — отдельно от семантически наиболее близких к ним образований других типов. И поэтому вопрос о том, чем являются первые компоненты таких образований — прилагательными или грамматически неоформленными основами существительных — и, соответственно этому, представляют ли собой такие образования словосочетания или сложные слова, не может быть снят.

Вместе с тем этот вопрос, как можно было видеть из всего предыдущего изложения, не имеет определенного решения в отношении основной массы таких образований (если, конечно, исключить отдельные частные случаи несомненной адъективации). Таким образом, создается противоречивое положение: с одной стороны, невозможность снятия данного

вопроса (без отрыва рассматриваемых образований от общей системы), а с другой стороны, невозможность определенного его решения (в общем виде).

§ 132. Это противоречие в положении образований типа stone wall, speech sound и т.п. в английском языке делает такие образования внутренне подвижными, изменчивыми: они находятся как бы в состоянии неустойчивого равновесия, постоянно колеблются между словосочетаниями (с прилагательными-определениями) и сложными словами (с основами существительных в качестве определяющих компонентов). Оставаясь внешне неизменными, такие образования могут осмысляться различно — в зависимости от обстоятельств.

Так, например, если комплекс art institute включается в такой ряд, как literary institute, scientific institute и т.п., в котором аттрибутивными компонентами являются несомненные прилагательные, то art в составе этого комплекса выступает как эквивалент прилагательного, как единица того же типа, что прилагательные literary, scientific и пр., и тем самым адъективируются, а вместе с этим и весь комплекс осмысляется как словосочетание. Отсюда вытекает возможность таких сочетаний, как literary, art, and scientific institutes, в которых адъективизация аттрибутивного компонента типа art находит достаточно ясное синтаксическое выражение.

С другой стороны, то же самое образование art institute, по семантике самой основы компонента art, может быть включено и в такой ряд, как piece of art, work of art, study of art и т.п., в котором art выступает как явное существительное. Включением в такой ряд подчеркивается субстантивность компонента art. Но строение образования art institute все же противоречит пониманию art как субстантивной словоформы (т.е. как полностью грамматически оформленного существительного). Поэтому в таком случае, при выделении на первый план субстантивности компонента art, этот компонент может осмысляться только как основа существительного art (ср. такие образования, как log cabin, rose garden и пр., где определяющие компоненты явно не представляют собой грамматических форм существительного, см. § 121). А это значит, что все данное образование (art institute) в целом приобретает характер сложного слова и сближается в таком случае с несомненными сложными словами типа apple-tree, coal-mine,

moonlight, starlight, book-shelf, отличаясь от последних только акцентуацией, но наличие двух главных ударений в них не есть несомненный признак словосочетания (см. § 120).

§ 133. Итак, коротко суммируя все вышеизложенное, можно сделать следующее заключение:

1. Первые компоненты образований типа stone wall, speech sound и т.п. в современном английском языке являются либо основами существительных, либо прилагательными, образованными от основ существительных путем конверсии.

Следовательно, они во всяком случае не могут пониматься как существительные, выступающие в качестве словоформ (т.е. в качестве слов в какой-либо определенной грамматической форме).

2. Если первые компоненты таких образований осмысляются только как основы существительных, то сами эти образования должны пониматься как сложные слова.

Если же эти компоненты осмысляются как прилагательные, то соответствующие аттрибутивные образования должны пониматься как словосочетания.

3. В отдельных частных случаях (purely family gathering, literary, art, and scientific institutes и т.п.) адъективация таких аттрибутивных компонентов является несомненной, но это не дает достаточного основания для того, чтобы обязательно понимать их как прилагательные во всех случаях.

4. В общей системе образований, состоящих из определяющего и определяемого компонентов, эти образования в современном английском языке оказываются находящимися в противоречивом положении, в состоянии неустойчивого равновесия: они колеблются между словосочетаниями (с прилагательными-определениями) и сложными словами (с основами существительных в качестве первых компонентов) и осмысляются как те или другие в зависимости от обстоятельств. В случае их сближения со словосочетаниями, аттрибутивными компонентами которых являются прилагательные, возникает возможность явной адъективации их аттрибутивных компонентов (см. выше, 3).

Исходя из всего сказанного, образования типа stone wall, speech sound и т.п. в современном английском языке можно

определить как нестойкие сложные слова, легко распадающиеся и превращающиеся в словосочетания, в связи с тем, что их аттрибутивные компоненты, соответственно строю этого языка, легко адъективируются, или, иначе говоря, в связи с тем, что основы существительных, выступающие в качестве первых компонентов сложных слов, легко могут осмысляться в этом языке как прилагательные, образованные от них путем конверсии, и временно приобретать положительные синтаксические признаки прилагательных.

§ 134. К тому же общему типу образований stone wall, speech sound в качестве особой подгруппы относятся образования с первым компонентом, содержащим суффикс, имеющим звучание [ɪŋ]. Как известно, звучание [ɪŋ] в современном английском языке характеризует, по крайней мере, четыре суффикса: словоизменительный суффикс -ing герундия (reading), словоизменительный суффикс причастия первого -ing (reading), словообразовательный суффикс отглагольного существительного -ing- ([the] reading), генетически связанный с суффиксом герундия (см. §§ 109 и 113), и словообразовательный суффикс отглагольного прилагательного -ing- (amusing), генетически связанный с суффиксом причастия (см. §§ 109 и 113).

Вопрос о характере строения образований, первый компонент которых включает суффикс со звучанием [ɪŋ], встает, естественно, лишь в том случае, если первый компонент этих образований содержит основу отглагольного существительного: именно тогда они (эти образования) сближаются с образованиями stone wall, speech sound, также содержащими основу существительных: ср. missing lists *списки пропавших без вести*, в общем аналогичное soldier lists *списки солдат*. Вопрос этот решается в общем так же, как и в отношении образований типа stone wall, speech sound, а именно: первые компоненты рассматриваемых образований являются либо основами отглагольных существительных, либо прилагательными, образованными по конверсии от отглагольных существительных.

Но здесь имеется и специфическая трудность, которая состоит в указанной омонимии суффиксов, в результате чего необходимо проводить дополнительное разграничение

между отглагольным существительным, с одной стороны, и отглагольным прилагательным, причастием первым и герундием, с другой стороны: ср. missing lists *списки пропавших без вести*, missing lists *отсутствующие списки*, missing lists *теряющий списки* и missing lists *утеря списков*. Однако в данном случае разграничению омонимии суффиксов помогает определение места главного ударения. Только в образованиях с первым компонентом, содержащим основу отглагольного существительного, имеется объединяющее ударение на первом компоненте: `missing lists *списки пропавших без вести*, но missing `lists *отсутствующие списки*, `missing `lists *теряющий списки*, `missing `lists *утеря списков*.

§ 135. К словам нестойкого типа относятся и многоосновные сложные слова, очень характерные для определенных стилей современного английского языка: ср., например, Life insurance company, Insurance company building, building fire escape и др.

§ 136. В общем в современном английском языке можно наметить следующие типы сложных слов:

1. Сложные слова со специальными соединительными морфемами типа angl-o-saxon *англосаксонский*, state-s-man *государственный деятель*, trade-s-people *купцы, торговцы* и т.п. Эта группа слов немногочисленна, стилистически ограничена и непродуктивна.

2. Сложные слова без специальных соединительных морфем, распадающиеся на ряд более частных типов:

а) Сложные прилагательные, образованные сложением двух адъективных основ — такие, как red-hot *раскаленный докрасна* при red *красный* и hot *горячий*, black-brown *темнокоричневый* при black *черный* и brown *коричневый*.

б) Сложные прилагательные, образованные сложением субстантивной основы с адъективной основой — такие, как air-tight *непроницаемый для воздуха* при air *воздух* и tight *непроницаемый*, colour-blind *не различающий цветов* при colour *цвет* и blind *слепой*, sky-blue *лазурный* при sky *небо* и blue *голубой* и т.п.

в) Сложные прилагательные, образованные путем сложения основы числительного с субстантивной основой, — такие, как ten-hour (day) *десятичасовой* при ten *десять*

и hour *час*, seven-day (week) *семидневный* при seven *семь* и day *день*, five-year пятилетний при five *пять* и year *год* и т.п.

г) Сложные глаголы, образованные сложением субстантивной основы с глагольной основой — такие, как brow-beat *запугивать, обращаться надменно* при brow *бровь* и beat *бить, ударять*, henpeck *подчинять, «ставить» под башмак* при hen *курица* и peck *клевать* и т.п.

д) Сложные существительные, образованные сложением основы прилагательного и основы существительного — такие, как blackbird *черный дрозд* при black *черный* и bird *птица*, blackboard *классная доска* при black *черный* и board *доска* и т.п. Этот тип сложных слов восходит еще к древнеанглийскому языку: такое древнеанглийское образование, как wīd-sǣ *широкое море*, представляло собой несомненное сложное слово, поскольку первый компонент этого образования представлял собой неоформленную основу, отличную от прилагательного wīd *широкий* тем, что он оставался неизменным во всех случаях употребления образования wīd-sǣ: ср. древнеанглийское þā wīd-sǣ — винительный падеж единственного числа женского рода, который, в случае раздельнооформленности этого образования, требовал бы построения þā wīdan sǣ. Ряд слов рассматриваемого типа обладает идиоматичностью (ср. уже приводившиеся blackbird *черный дрозд* и blackboard *классная доска:* ср. § 118) и имеют определенное акцентное строение — объединяющее ударение на первом компоненте слова. В настоящее время этот тип сложного слова не является продуктивным, и в современном английском языке не возникает новых образований с основой прилагательного в качестве первого компонента и основой существительного в качестве второго компонента.

3. Сложные слова, образованные при помощи «внутреннего синтаксиса», под которым понимается здесь строение слова, внешне напоминающее синтаксическое построение предложения или словосочетания: ср., например, parts-of-speech (classification) *(классификация) частей речи* и др.

4. Нестойкие сложные слова, легко распадающиеся и превращающиеся в словосочетания типа stone wall и speech sound. Некоторая часть таких слов устойчива, поскольку она обладает идиоматичностью (kitchen garden *огород*), а иногда идиоматичностью, объединяющим ударени-

ем и слитным написанием одновременно (bookcase *книжный шкаф*).

5. Особо выделяются в современном английском языке сложно-производные слова, образующие среди сложных слов особую подгруппу: ср., например, blue-eye-d *голубоглазый*, характеризующееся обязательным наличием не менее двух корневых морфем, но отличающееся от обычного сложного слова характером соединения морфем в основе (ср. § 76).

Глава IV

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО СЛОВА

1. Проблема звучания слова

§ 137. Язык слов есть звуковой язык. Слова обладают определенными звучаниями, которыми они, вообще говоря, как правило, различаются: случаи совпадения разных слов по звучанию представляют собой частные случаи, существующие только как исключения.

Наличие у слов языка материальной звуковой оболочки является необходимым условием для того, чтобы язык был тем, что он есть: явлением общественным, важнейшим средством общения. Материальный момент в языке, как момент, существенный для языка, был ясно отмечен Марксом и Энгельсом уже более ста лет тому назад: «На 'духе' с самого начала тяготеет проклятие 'отягощения' его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание . . .»*.

Лишь благодаря тому, что человеческие мысли облекаются в звуковую оболочку языка, они становятся доступными для восприятия других людей в процессе общения и обмена мыслями.

§ 138. В языках с долгой письменной традицией слова, кроме звуковой оболочки, имеют еще одну материальную оболочку — графическую, или письменную, оболочку.

---

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, стр. 20.

Например, слово table *стол,* наряду со звучанием [teɪbl] имеет в современном английском языке написание table, которое закреплено за ним как за определенным словом и не может быть произвольно изменено.

Значение внешнего графического оформления в языке возрастает по мере развития грамотности и письменности. В древнеанглийском языке, например, графическое оформление слова представляло собой лишь грубую транскрипцию звуковой оболочки слова. В частности, звучание древнеанглийского слова [þone] могло в равной мере быть обозначено и орфографической оболочкой þone и орфографической оболочкой ðone, слово [lånd] могло иметь написание и land и lond. Между тем в современном английском языке, например, такое слово, как [naɪt] *рыцарь,* которое не имеет звука [k] перед [n], должно все же обязательно передаваться написанием knight, которое его отличает от слова [naɪt] *ночь* с тождественным звучанием, но имеющим написание night.

§ 139. Внешняя сторона слова, его фонетическая оболочка, исследуется ф о н е т и к о й. Но поскольку лексикология занимается лексикой, как совокупностью лексических единиц, взятых во всей их конкретности, постольку само собой разумеется, что лексикология не должна пренебрегать внешней (фонетической) стороной слов. Кроме того, поскольку письменное изображение слова приобретает значение его второй внешней оболочки (наряду с фонетической), постольку при рассмотрении внешней стороны слова должно быть принято во внимание также и его графическое воплощение. В связи с этим возникает вопрос о размежевании лексикологии и фонетики.

Очевидно, что во многих случаях лексикология может просто воспользоваться готовыми результатами фонетического исследования, т. к., вообще говоря, она будет иметь дело с теми же самыми конкретными явлениями, какие изучаются фонетикой. Действительная граница между лексикологией и фонетикой в основном должна определяться различием точек зрения, различием подхода. С точки зрения фонетиста слова являются языковыми телами, образованными из фонетического материала, который в сущности и есть предмет фонетики. Фонетист отвлекается от конкретности слова, оно для него только отдельный частный случай

использования фонетического материала, состав и свойства которого он исследует со всей тщательностью: не только отдельные звуки и систему, ими образуемую, ударение и интонацию связной речи, но и возможность звукосочетания в данном языке, взаимодействия между звуками, частоту и условия применения тех или других из них, их роль для выражения смысла, т. е. их фонематичность и т. д. Лексиколога же фонетический материал как таковой не интересует. Внешность слова должна привлекать его внимание не тем, какой фонетический материал использован, а тем, как из данного материала сформировано языковое тело-слово. Разработка этого вопроса может быть углублена и детализирована в разной степени, но следующие моменты, хотя бы в самом общем виде, обязательно должны быть освещены.

§ 140. Прежде всего должна быть установлена фонетическая оформленность слова как единицы в данном языке. Известно, что каждый язык характеризуется теми или другими особенностями в отношении выделимости слова по фонетическим признакам: начало и, в особенности, конец слова нередко выделяется определенными модификациями произношения. Они могут отличаться от внутренней части слова также употреблением или, наоборот, неупотреблением каких-либо звуков или звукосочетаний. Большое значение для выделения слова может иметь ударение. Для английского языка следует, например, отметить такие фонетические особенности: отсутствие оглушения конечных звонких согласных, как в немецком (rand [rant]) или русском ('пруд' [прут]), неупотребление звука [ŋ] в начале, а звука [h] в конце слова, невозможность сочетания «сонорный + шумный» (например rt) в начале слова при возможности этого в русском ('рты', 'ртуть' и т. п.), роль ударения для выражения единства слова (например, ˋblackboard).

§ 141. Далее необходимо выяснить фонетические типы слов, характерные для данного языка.

Фонетическая классификация слов совершенно неразработана. Между тем она безусловна существенна как для характеристики внешнего облика лексики данного языка, так и для понимания фонетического его развития, так как звуковые изменения происходят в конкретных словах.

Одним из важнейших признаков, по которым может быть построена такая классификация, является длина слова или, точнее, число слогов в слове. Как средняя численность слогов в слове, так и количественное соотношение между словами разной длины, равно как и различие в роли слов с разным числом слогов в данном языке, — все это определенным образом характеризует лексику.

Так, например, можно сказать, что в современном английском языке слова длиною свыше трех слогов составляют особую категорию слов, которую условно можно обозначить как категорию слов фонетически «трудных». В этой категории слов часто наблюдается колебание в ударении и в самом числе слогов: ср. английские; ′capitalist и ca′pitalist, territory [′terɪtərɪ],[′terɪ`tərɪ],[′terɪtrɪ] и т.п. Нередко наличие двух ударений — главного (′) и второстепенного (`): ′demon`stration, `revo′lution и т. п. Среди слов с числом слогов не более трех особо выделяются своей относительной многочисленностью слова односложные, роль которых в английском особенно значительна благодаря их большой употребительности. Для двух- и трехсложных слов характерным можно признать между прочим то, что большой их процент составляют слова производные, — посредством продуктивных суффиксов и префиксов, от односложных основ: ср. reader, goodness, unkind, overdone, unfailing, thoughtfully. В целом же выяснилась бы примерно такая картина: с одной стороны — большая масса односложных слов с их двух- и трехсложными производными, составляющая существеннейшую часть лексики повседневного разговорного языка; с другой стороны — множество различных многосложных слов, типичных преимущественно для языка литературного и научного; слова же, не относящиеся ни к той, ни к другой группе (двух- и трехсложные непроизводные) не составили бы столь же отчетливой и характерной для английского языка совокупности.

В языках с более или менее свободным словесным ударением место ударения в слове также может служить признаком для классификации. Классификация по этому признаку способствовала бы, например, выявлению довольно существенного различия между русским, английским и немецким языками, хотя в каждом из них ударение, вообще говоря, может падать на любой слог слова.

§ **142.** Определенную роль для фонетической характеристики слова играет также расположение гласных и согласных в составе слова. Расположение гласных и согласных в составе слова является также таким признаком, по которому слова могут быть распределены по группам, в известных случаях ясно характеризующим лексику данного языка с внешней стороны. Так, например, удельный вес слов типа «группа согласных + гласный» в английском языке (straw, gray, blue, free, fly, draw, cry, pray, ply, glue, clue, sky) несомненно окажется заметно бóльшим, чем, например, в немецком. Выделение различных типов слов по этому признаку возможно, конечно, с очень различной степенью детализации и конкретности («группа согласных + гласный»: «два согласных + гласный», «три согласных + гласный» и т. п.).

§ **143.** Следует учитывать также и особенности использования отдельных звуков.

Поскольку эти особенности имеют прямое отношение к определению границ слова, постольку данный момент сливается с первым, отмеченным выше (см. § 140). Но в каждом языке могут быть обнаружены и другие особенности в применении отдельных звуков, не могущие служить для выделения отдельных слов из потока речи, но вместе с тем характерные для лексического состава данного языка. Ср., например, употребление звука [s] в английском и французском: в обоих языках [s] нередко употребляется в сочетании [st], которое может занимать начальное, срединное и конечное положение в слове (английские stylist, stylistic, французские styliste, stylistique). Но все же, принимая во внимание лексику того и другого языка в целом, можно сказать, что слова, начинающиеся на [st], характерны для английского языка и совершенно не типичны для французского: в английском языке насчитывается несколько сот слов на [st] и в их числе множество наиболее обычных (stand, stick, stop, still, steam strong и т. п.), тогда как во французском слова на [st] образуют сравнительно малочисленную группу и имеют большею частью книжно-литературный характер (например, statique, statuaire, stellaire, stéréoscope, stigmate и т. п.).

Таким образом следует обратить внимание на частоту применения того или другого звука или звукосочетания в определенных условиях. Особо нужно отметить такие

особенности, которые свидетельствуют о неполной еще натурализации заимствованного слова.

§ 144. Наконец, следует обратить внимание на фонетические варианты слов (в литературном образце языка).

В первую очередь должны быть отмечены вариации общего характера, такие, например, как формы без конечного-е при более полных формах на-е в немецком (ich sag' — ich sage, die Sonn' — Sonne и т. п.), при чем, конечно, должно быть указано, в какой мере различие между вариантами имеет стилистический характер.

§ 145. Как уже было сказано, лексикология должна обратить внимание и на графическое изображение слова.

Конечно, нет надобности описывать всю систему орфографии данного языка: важно выделить самое существенное с лексикологической точки зрения. Сюда могут относиться такие пункты, как, например, употребление прописных букв (ср. английск. Russian, французск. russe, нем. russisch; английск. Russians, французск. les russes, немецк. die Russen; английск. Russia, французск. Russie, немецк. Rußland и т. п.), применение апострофа, как знака элизии (английск. it's, I'll, don't и т.п.), очень частое и свободное употребление дефиса в английском языке как знака соединения в одно слово. Стоит отметить и такие орфографические особенности, которые служат признаками происхождения слова: ср. употребление ph, конечного i (philosophy, alkali, taxi, cadi и т. п.) как признаки заимствования; наоборот, начальные kn-, wr-, wh- и некоторые другие написания в английском языке как свидетельствующие об исконности слова. Следует обратить внимание на принятые в английском языке графические средства различения омонимов (ср. born *рожденный* — borne *носимый)*, сохранение исторических написаний (weak *слабый* — week *неделя*, knight *рыцарь* — night *ночь* и т. п.).

2. Внутренняя сторона слова

§ 146. Звучание слова (а тем более его написание), взятое как таковое, не является еще словом или вообще какой-либо языковой единицей, но представляет собой лишь одну сторону

слова — его внешнюю звуковую оболочку. У языка есть и другая сторона — внутренняя, смысловая сторона, сторона значений. Только соединение внешней звуковой и внутренней смысловой стороны образует слово, как единицу языка (см. § 11).

Может показаться, что это настолько самоочевидно и общепринято, что об этом не следовало бы и говорить. Дело, однако, обстоит далеко не так. В этот вопрос необходимо внести полную ясность, во-первых, потому, что в языкознании вообще имеется такое направление, которое рассматривает слово как единицу звуковую, т. е. понимает под словом (word и пр.) собственно лишь звуковую оболочку слова, и выносит семантику (значение, meaning и пр.) за пределы языка. При этом семантикой слова признается лишь соответствующий элемент жизненной ситуации (situation и пр.), который обозначается словом и к которому слово относится, но который сам по себе не входит в состав и строение слова. Это направление представлено «физикалистской» школой Л. Блюмфилда.

Кроме того, слишком распространенными являются различные приблизительные и небрежные формулировки, создающие впечатление, что под словом понимается лишь та или другая отдельная его сторона, вследствие чего вопрос о взаимоотношении между звучанием слова и его семантикой не только не выясняется, но запутывается.

Так, например, в случае, когда говорится, что по-английски «слово ‘стол’ звучит как [teɪbl]», создается впечатление, что существом слова является именно его семантика: получается, что существует, якобы, одно слово со значением *стол*, которое лишь меняет свое звучание в зависимости от языка, так что определенное звучание не есть конституирующий признак данного именно слова. Ясно, что здесь следовало бы говорить не «слово ‘стол’ звучит как [teɪbl]», а «слово со значением *стол* имеет звучание [teɪbl]»: тем самым было бы показано, что русское и английское слова не отождествляются, но лишь сопоставляются на основе их семантики.

§ 147. Рассматривая вопрос о двусторонности слова, следует кратко остановиться на самом характере связи между звучанием слова и его значением.

Связь между звучанием и значением слова в принципе

условная, произвольная, или немотивированная: она не определяется природой самих звуков и характером значения. Марровцы объявили признание этого положения идеалистической «знаковой теорией», не понимая, что, говоря об условности связи, мы имеем в виду отношение между звуковой оболочкой слова и его значением, а не отношение между предметом и понятием о нем, — отношение, которое действительно не может быть признано условным и произвольным, так как оно основано на отражении предмета в сознании, на «снятии слепка» с него. Условность связи между звучанием и значением слова есть условность с точки зрения природы самих явлений, с их физико-физиологической и логико-психологической стороны, т. е. с точки зрения отсутствия необходимости соединения определенной артикуляции с определенным значением. Так, например, нет никакой обязательной по природе связи между значением *стол* и звучанием [teɪbl]. Как известно, в разных языках со значением *стол* связаны различные звуковые комплексы: в английском языке — [teɪbl], в русском — [стол], в немецком [tiʃ] и т. п.

Этот важный для языкознания факт условности связи между звучанием и значением подтверждается и со стороны физиологии нервной деятельности — учением акад. И. П. Павлова о второй сигнальной системе.

§ 148. Для проблемы отношения слова и его значения признание принципиальной условности связи между звучанием и значением слова особенно важно, в частности, потому, что эта условность делает связь между звучанием и значением исключительно тесной и непосредственной. Именно вследствие условности рассматриваемой связи, нельзя полагаться на то, что нечто в звучании слова укажет нам, с каким значением оно, это звучание, связывается в данном языке, и нельзя полагаться на то, что мы найдем в значении слова что-либо такое, что укажет на связанные с этим значением звуки. Поэтому, попросту говоря, необходимо усвоить звучание вместе со значением как некий целый комплекс, как нечто неразрывное: ведь стоит только разорвать это соединение, разрушить этот комплекс — и восстановить его окажется невозможным (с помощью сопоставления разъединенных его частей), так как ни та ни другая его часть не имеют в себе ничего, что само по себе указывало бы на ее соединение с

другой из этих частей. Предположим, например, что мы «разорвали» связь между звучанием [tu:] и значением *два* и между звучанием [θri:] и значением *три*. Из рассмотрения самих этих звучаний и самих этих значений мы не можем сделать никакого вывода о том, какое из звучаний с каким из значений «было» связано и должно быть «вновь» связано для восстановления прежних соединений. Поэтому-то связь звучания со значением должна усваиваться исключительно прочно и крепко удерживаться в сознании.

Условность связи между звучанием (и, следовательно, звуковым образом) слова и значением слова является некоторым общим принципом, который обнаруживается во всяком языке и без которого невозможен ни один сколько-нибудь развитый язык.

§ 149. Вместе с тем, однако, существование и развитие языка базируется и на другом принципе, на принципе мотивированности и рациональной оправданности связи между звучанием и значением, и этот принцип не менее важен, чем первый. Язык может существовать и развиваться лишь при условии сочетания обоих этих противоположных друг другу принципов.

Принцип мотивированности связи между звучанием и значением проявляется не в звукоподражательных и квазизвукоподражательных образованиях. Эти особые, частные случаи не заслуживают того, чтобы задерживать на них внимание. Принцип мотивированности, который является одним из основных в строении и функционировании языка, состоит в другом. Он состоит в том, что соединение отдельных звучаний предполагает рациональное соединение соответствующих этим звучаниям значений; и обратно: для рационального соединения значений требуется соединение соответствующих им звучаний. Это и значит, что звучание сложного по значению отрезка речи мотивируется тем, какие значения выражаются в этом отрезке речи, а выделение в общем, совокупном значении такого отрезка отдельных составляющих его значений мотивируется тем, какие связанные со значением отдельные звучания выделимы в звучании всего отрезка. Так, например, звучание отрезка [ti:tʃəz] не представляется лишь условно связанным с определенным значением — *учителя:* то, что это звучание состоит из таких

частей, как [ti: tʃ], [ə] и [z], мотивировано тем, что значение, связанное с этим звучанием, — сложное, заключающее в себе рационально соединенные значение *обучать*, значение *деятель* и значение *множественное число;* и вместе с тем сама сложность совокупного значения отрезка и выделение в нем трех этих составляющих значений представляется обусловленной тем, что в звучании отрезка имеются такие компоненты, как [ti: tʃ], [ə] и [z]. Но на этом мотивированность и кончается: связь между каждым компонентом данного звукового отрезка и соответствующими им значениями выступает уже как условная, не мотивированная.

Итак, принцип условности относится к простым, неразложимым единицам; полностью, собственно, — к морфемам. В сложных образованиях выступает уже принцип мотивированности — наряду, конечно, с принципом условности, поскольку в сложные образования входят простые единицы.

Кроме того, нужно иметь в виду, что возможны различные переходные и смешанные случаи, где как условность, так и мотивированность связи звучания и значения может быть лишь относительной. Рассмотрим, например, слово blackboard *классная доска.* Мотивированность здесь, конечно, есть, но она очень относительна, даже если и отвлечься от условности связи значения и звучания в отдельных компонентах. В самом деле, почему blackboard не годится, например, для обозначения любой черной доски, а не только школьной? Всякий момент идиоматичности в каком-либо образовании (в словосочетании, в сложном или производном слове, в грамматической форме слова) ограничивает мотивированность его строения и может сводить ее на нет.

§ 150. Выше было указано, что связь между звучанием и значением слова может быть признана условной лишь с точки зрения природы самих явлений (см. § 148). Со стороны же общественно-исторической эта связь обусловлена: в каждый данный момент существования языка она оказывается обусловленной его предшествующей историей. Для каждого данного поколения в данном обществе связь между звучанием и значением обычно определена тем, что эта связь фактически дана в речи предшествующего поколения.

Тем самым соединение звучания со значением слова не есть простое соединение, простая «ассоциация»: звучание

играло и играет важную роль в образовании самих значений, — конечно, на основе непосредственного соприкосновения с действительностью и отражения ее, — и в образовании значений как явлений общественного порядка. Именно через реальное, объективное звучание коллектив направляет процесс образования значений языковых единиц в сознании каждого индивида, передает индивиду свой опыт, опыт множества предшествующих поколений данного общества; и образующиеся в индивидуальном сознании значения оказываются в своей основе не индивидуальным, а общественным явлением, лишь воспроизведенным у индивида. Так, например, прямое и основное значение русского слова ‘круг’ (в отвлечении от значений отдельных грамматических форм) образуется в сознании некоего *А* в результате отражения в нем различных более или менее круглых и плоских предметов и начертаний и обобщения отдельных таких отражений, но обязательно под воздействием реальных звучаний [$крук_1$], [$крук_2$], [$крук_3$], которые отождествляются как одно звучание, лишь неоднократно воспроизведенное.

Значение образуется в сознании в результате обобщения в нем отдельных отражений предметов, явлений и отношений действительности, имеющих в себе реально общее, причем этот процесс происходит под направляющим воздействием общества, осуществляющимся через посредство материальной звуковой стороны языка (при большем или меньшем участии фантазии).

Таким образом, реальные звучания не только связываются, «ассоциируются» в языке с определенными значениями, но и играют важную роль в самом формировании этих значений. Ведь именно с помощью реальных языковых звучаний значения воссоздаются в сознании каждого члена общества на основе всего предшествующего общественного опыта, и индивидуальное знание значений оказывается знанием значений, выработанных обществом на протяжении его истории, т. е. значений, существующих независимо от каждого данного индивида.

§ 151. Вопрос о значении слова принадлежит, с одной стороны, к проблеме слова как такового, но с другой стороны, он относится к такой важной проблеме общего характера, как проблема соотношения мышления и языка.

Тем самым изучение этого вопроса оказывается заслуживающим самого серьезного и пристального внимания.

§ 152. Может прежде всего возникнуть вопрос: а нельзя ли и не следует ли семантику слова рассматривать как нечто необходимо связанное со словом, но не входящее в состав самого слова, не являющееся какой-либо его стороной или одним из конституирующих его моментов? Иначе говоря: не проходит ли грань между языком и мышлением именно таким образом, что языку принадлежит лишь сама звуковая материя, а вся семантика относится к области мышления?

Из всего, о чем говорилось выше, думается, следует, что, поскольку связь между звучанием (звуковым образом) и значением слова является столь тесной и прочной, столь важной для самого существования и полноценного функционирования слова, для самого его конституирования как языковой единицы, постольку ее никак нельзя рассматривать как связь между чем-то, входящим в состав самого слова, и чем-то, находящимся вне его. При этом, конечно, следует принять как само собой разумеющееся, что значение слова, во всяком случае, не есть его звучание или какая-либо часть или составной элемент этого звучания.

§ 153. Значение слова не есть и тот предмет, к которому данное слово относится и который он обозначает. Это представляется столь же очевидным, как и то, что значение слова не есть его звучание. Когда мы производим, перевозим, покупаем, потребляем те или иные предметы, мы производим, перевозим, покупаем, потребляем не значения соответствующих слов, а нечто другое — сами предметы. Также и когда мы ходим, говорим, смеемся, спим, мы производим известные действия, процессы, а не осуществляем значения определенных глаголов. Об этом, казалось бы, можно было и не говорить, если бы на практике не наблюдалось довольно часто бессознательное смешение слова и его значения с самим обозначаемым предметом, явлением, процессом. Поэтому, может быть, не лишним будет обратить внимание на то, что существуют слова, не обозначающие каких-либо предметов, явлений и пр., хотя и имеющие совершенно определенное значение: ср. mermaid *сирена*, *наяда*, *русалка*, goblin *домовой*, centaur

кентавр, witch *ведьма* и проч. Правда, можно возразить, что эти слова обозначают известные психические предметы, известные фантастические представления, мифологические понятия, и эти-то представления или понятия и следует считать предметами-значениями соответствующих слов. Но тогда, естественно, возникает вопрос: а почему под значением слова 'стол' понимать самые предметы — столы (деревянные, металлические и др.), а не соответствующие представления или понятия стола? К этому можно прибавить, что и такие слова, как nobody *никто*, nothing *ничего*, которые нельзя назвать мифологическими, вряд ли могут быть безусловно признаны обозначающими какой-либо предмет, если не считать таким предметом понятие об отсутствии какого бы то ни было лица или предмета.

§ 154. Источник смешения значения слова и обозначаемого им предмета или явления представляется совершенно понятным: значения слов, конечно, обусловлены существованием обозначаемых действительных предметов и явлений; они, вообще говоря, связаны с этими предметами и явлениями. Значения даже таких слов, как mermaid, goblin, centaur, witch и пр., не могли бы существовать, если бы не было материальных предметов и явлений и их более или менее верных или более или менее искаженных отражений в сознании людей. В основе самых фантастических представлений — мифологических образов, религиозных воззрений и пр. — лежат элементы реальной действительности, абстрагированные от нее сознанием и фантастически скомбинированные им, в их отражениях, в образы, уже не соответствующие в целом никакой действительности. Если бы не было реальных женщин, если бы не было водяных животных (рыб и проч.), если бы, вероятно, к тому же не было снов, иллюзий и галлюцинаций как известных явлений психики, вызываемых определенным состоянием нервной системы, то и не был бы создан, на определенном уровне развития общественного познания, образ русалки. «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, — пишет В. И. Ленин, — а сложный, раздвоенный, зигзагообразный акт, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознавае-

мого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете = бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек *фантазии*».*

Итак, значение слова не может быть отождествлено с обозначаемым предметом или явлением, хотя в подавляющем большинстве случаев оно и связано с таким предметом или явлением и обусловлено им. Случаи фантастических или конструктивных значений, которые обусловлены действительностью лишь косвенно и не находят прямых соответствий в ней, сравнительно очень редки.

§ 155. Сказанное выше не позволяет принять, во всяком случае, без серьезных оговорок и то довольно распространенное воззрение, согласно которому значение слова есть лишь отношение слова к обозначаемому этим словом предмету или явлению, лишь самая связь с обозначаемым куском действительности.

Если признать, что слова имеют различные значения, т. е. различаются (по крайней мере как общее правило) своими значениями, то значение слова не может быть только самой связью или наличием связи звучания слова с чем-то вне слова: помимо самой такой связи, помимо самого ее факта или наличия значение должно включать в себя или то, что обозначается (предмет, явление и пр.) или нечто, соответствующее этому обозначаемому, нечто, отличающее данное значение от другого и позволяющее узнать, с каким именно предметом или явлением связывается данное слово.

Но выше уже было также обращено внимание и на то, что самый предмет или явление, с которым связывается данное слово, не может составлять значения слова или включаться в значение слова. Следовательно, в значение слова должно включаться нечто, соответствующее обозначаемому предмету или явлению, а не сам этот предмет или это явление. Что такое это «нечто»? Очевидно, что это «нечто» — психическое, известное отражение, некоторое изображение в сознании того предмета или явления, о котором идет речь, его более или менее верная или неверная копия, некоторый слепок с него. Важно отметить, что вообще известное отобра-

* В. И. Ленин. Философские тетради, Госполитиздат. 1947, стр. 308.

жение обозначаемого предмета или явления составляет по крайней мере часть значения слова.

§ 156. Учитывая все сказанное выше, значение слова можно было бы определить как известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конституированное из отображений отдельных элементов действительности — mermaid, goblin, witch и т.п.), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития.

§ 157. Внутренняя сторона слова, его значение, на первый взгляд представляет собой как будто сферу исследования, безраздельно отведенную лексикологии. Однако в языках со сколько-нибудь развитой грамматической оформленностью слов, хотя бы в таком языке как английский, более углубленный анализ значения приводит лексикологию на каждом шагу к столкновению с грамматикой.

В самом деле: слова в английском языке, как и во многих других языках, распределены по крупным грамматическим категориям — частям речи. С точки зрения лексикологии это прежде всего значит то, что, наряду со специфическим значением (значениями) какого-либо слова, в его семантику входит и значение той категории — части речи, — к которой оно отнесено теми или иными признаками. Или другими словами: полное конкретное значение слова (или совокупность его значений) расчленяется на специфическое значение (значения) данного именно слова и общее значение соответствующей части речи.

Так, например, английское big *большой* значит собственно нечто вроде *большой размер и т.п. как признак, принадлежащий некоему предмету* — в отличие от bigness *большой размер как признак отвлеченный от предмета и сам рассматриваемый как особый предмет.*

Следовательно, грамматическая классификация слов, выражающаяся в их определении как частей речи, с лексикологи-

ческой точки зрения является особой семантической их классификацией — классификацией по наиболее общему и абстрактному элементу в составе их значения.

Таким образом, семантика слова оказывается разделенной на две части: особую, принадлежащую данному индивидуальному слову, и общую, принадлежащую всему данному разряду слов и выступающую в каждом отдельном слове как некоторая «категориальная оболочка», в которую заключена особая, индивидуальная часть семантики слова.

Тот факт, что, например, слово town представляет собой существительное, проявляется в раздельности семантики этого слова на особое, специфическое для него значение *город* и общее значение *предметность:* это слово собственно значит *город (как предмет)* или *(предмет) город;* «*(как предмет)*» и «*(предмет)*» даны здесь в скобках, чтобы как-то показать, что общее, категориальное значение слова не равноправно с особой, специфической частью его семантики, что оно является как бы некоторой ремаркой к этой основной части семантики, или как было сказано выше, лишь оболочкой этой части.

§ 158. Необходимо также заметить, что семантика слова обычно, или хотя бы нередко, включает в себя известные моменты, которые не могут быть отнесены к области мышления как такового, отвлеченного от его языкового облачения. В самом, деле, как посредством русского ‘стол’, так и с помощью французского table или английского table мыслится в собственном смысле о д н о и т о ж е, поскольку имеется в виду предмет стол. Но к мысли о столе в случае употребления русского слова присоединяется грамматическое, точнее — лексико-грамматическое, значение м у ж с к о г о рода, а кроме того каждый раз грамматическое значение того или другого п а д е ж а и определенного ч и с л а — единственного или множественного, в зависимости от того, какая форма данного слова употреблена. Напротив, при по существу той же мысли о столе в случае применения французского слова имеется «лексико-грамматическое значение» ж е н с к о г о рода и отсутствует «грамматическое значение» падежа, тогда как подобное же значение числа, хотя оно и есть, оказывается обычно не выраженным в самом данном слове, но выражается артиклем и др. Что касается английского слова table,

то оно несет значение числа и падежа, но не передает значения грамматического рода и т. д.

Иначе говоря, грамматически изменяемое слово выступает в той или другой определенной грамматической форме, и поэтому в семантике слова нередко выделяется особо значение данной грамматической его формы. Правда, слово может мыслиться и в отвлечении от отдельных грамматических его форм, или вернее, как единство всех этих форм; но при этом все же одна из его форм оказывается его представителем и, естественно, значение этой формы так или иначе выдвигается на первый план.

Значения отдельных грамматических форм слова, т. е. собственно грамматические значения, изменяющиеся по отдельным формам слова, естественно отвлекаются от всех собственно лексических и лексико-грамматических компонентов совокупной семантики слова, как принадлежащие целиком области грамматики. Но для слова как лексически значащей единицы, т.е. как единицы словарного состава, рассматриваемой в семантическом плане, те или иные собственно грамматические моменты в семантике представляют также интерес, поскольку они как бы оставляют отпечаток на слове в целом, придавая ему известную категориальную оболочку, некоторую общую характеристику, которая, с одной стороны, связана с его грамматическим употреблением, с общими правилами его соединения с другими словами в предложении, — с другой же стороны, — с его индивидуальным лексическим ядром, с собственным, специфическим для него смысловым содержанием.

§ 159. Сложным образованием представляется и собственно лексическая часть значения слова.

Используемое для осмысления предмета (явления) слово выражает определенный смысл, содержание известного практического или теоретического понятия, которое и выступает как смысловое значение слова. Имея определенное семантическое образование, слово может еще иметь структурное значение, отличное от его смыслового значения: оно может структурно значить не то, что оно выражает, что оно значит как заключающее в себе определенный смысл, как база для мысли.

Названный момент в значении слова выделяется потому,

что значение слова очень часто оказывается не монолитным, но структурно сложным, и притом выделяющим в своем составе такие компоненты, которые могут и не соответствовать каким-либо признакам предмета, выделенным в смысловом значении слова, или соответствовать последним лишь приблизительно или условно. Иначе говоря, значение слова может иметь сложный состав и определенное строение, не являющиеся или являющиеся не полностью и не в точности моментами смыслового значения слова, т.е. моментами выражаемого словом теоретического или практического понятия. В значениях отдельных морфем слов могут находить отражение те или иные признаки и стороны предмета или явления, обозначаемого данным словом в целом, но не обязательно это будут существенные его признаки и важные его стороны. Иногда же дело может обстоять и так, что значение отдельной морфемы в составе слова оказывается лишь очень отдаленно и косвенно связанным с общей лексической его семантикой, не способствующим ее раскрытию или даже более или менее препятствующим этому.

Ср. такие различные случаи, как: triangle *треугольник*, где корневыми морфемами -tri- *-тре-* и -angle- *-уголь-* отмечаются существенные признаки предмета, хотя нельзя признать, что таким образом предмет оказывается полностью определенным в самом его названии (в обозначающем его слове); steamer *пароход*, где целое еще в меньшей степени оказывается определенным его частями (с точки зрения того, что дает семантика отдельных морфем слова steamer собственно нельзя понять, почему оно обозначает пароход, а не, например, паровоз, который также движется при помощи пара); waterman (почему это слово обозначает гребца, лодочника, а не моряка, не речника, не водопроводчика, не водовоза, не продавца газированной воды и т. п.) и русское ‘громоотвод’, где первая корневая морфема-‘гром’-прямо противоречит тому, что обозначаемый предмет на самом деле является молниеотводом (ср. английское lightning conductor или lightning rod).

Семантическое образование слова (которое также называют внутренней формой слова) может иногда долго сохраняться в языке в данном своем виде — даже и тогда, когда оно существенно расходится с самим смыслом слова, будучи понимаемо как некоторая условность.

§ 160. Очень распространенным и, можно сказать, даже обычным явлением в языке оказывается многозначность слова (полисемия). Совокупная семантика слова в случае его многозначности представляется, кроме того, как бы расщепленной в ее основной, собственно лексической части на отдельные, более или менее аналогичные, как бы параллельно расположенные части. Эта расщепленность может, так сказать, более или менее далеко заходить и в собственно грамматическую часть слова, создавая особое грамматическое оформление слова в разных значениях: ср., например, (to) want something *испытывать нужду, недостаток в чем-либо* и (to) want to do something *желать сделать что-нибудь.*

3. Полисемия слов

§ 161. Как уже было замечено выше (см. § 160), полисемия, или многозначность, слов представляет собой обычное явление. Примером многозначности будет являться, в частности, современное английское слово hand, расщепленное на несколько лексико-семантических вариантов: ср. такие значения этого слова, как *кисть руки* (he had a book in his hand), *почерк* (I know his hand), *работник, исполнитель* (a factory hand), *стрелка часов* (the hand is loose) и др.

Многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности. Количество отраженных в нашем сознании моментов действительности и количество понятий оказывается большим, чем количество отдельных самостоятельных языковых единиц для их отображения средствами языка. «Ни один язык, — пишет акад. В. В. Виноградов, — не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей»*.

---

* В. В. Виноградов. Русский язык. 1947, стр. 15.

§ 162. Вместе с тем, нужно строго дифференцировать различное употребление слов в одном лексико-семантическом варианте, различное их предметное отнесение, с одной стороны, и действительное различие значений слова, с другой стороны.

Так, например, словом oil можно обозначить ряд различных масел, за исключением коровьего (для которого используется слово butter). Однако из этого не следует, что, обозначая разные масла, слово oil будет иметь каждый раз другое значение: во всех случаях значение его будет одно и то же, а именно *масло (всякое, кроме коровьего)*, так же как и, например, значение слова table *стол*, независимо от того, какой вид стола обозначает слово table в данном конкретном случае. Иначе обстоит дело, когда слово oil обозначает *нефть*. Здесь на первый план выдвигается уже не сходство нефти по линии маслянистости с различными сортами масла, а особое качество нефти — горючесть. И при этом со словом oil в этом значении соотноситься будут уже слова, обозначающие различные виды топлива coal *уголь*, wood *дерево*, fuel *топливо* и т. п. Это дает возможность выделить у слова oil два значения, а тем самым и два лексико-семантических варианта этого слова (см. § 43): (1) вариант oil *масло (не животное)* и (2) вариант oil *нефть*.

Само собой разумеется, что новое употребление слова, на первых порах не представляющее собой отдельного лексико-семантического варианта слова, с течением времени может выкристализоваться в новое значение и создать новый лексико-семантический вариант. Так, повидимому, обстояло дело и со словом oil в значении *нефть* в более ранние периоды развития английского языка.

§ 163. Различия между лексико-семантическими вариантами слова, не отражаясь на их звуковой оболочке (см. подробнее § 42), в очень большом числе случаев находят свое выражение либо в различии синтаксического построения, либо в разной сочетаемости с другими словами — во фразеологических особенностях, либо и в том и другом одновременно.

На такие, вообще говоря, «контекстные» средства выражения различий лексико-семантическими вариантами слова

обращает внимание акад. В. В. Виноградов, когда он говорит о «лексико-синтаксических» и «лексико-фразеологических формах слова».* Акад. В. В. Виноградов отмечает и то, что внешним обнаружением лексико-фразеологических форм иногда является и своеобразие грамматических изменений, под которыми, повидимому, и следует прежде всего понимать особенности в составе и использовании тех или иных грамматических форм в зависимости от лексического значения.

Примером семантического различия, выражаемого синтаксически, может служить laugh со значением *смеяться, быть веселым*, употребленное без дополнения (he was laughing merrily), и laugh со значением *смеяться, потешаться над кем-либо*, употребленное с предложным дополнением (all laughed at him). Правда, здесь же следует заметить, что отсутствие дополнения не является совершенно несомненным показателем первого значения: например, в предложении I am not laughing, сказанном в ответ на упрек You are laughing at me, am not laughing будет пониматься в значении *не насмехаюсь*, несмотря на то, что в данном предложении и нет дополнения с at: это значение оказывается здесь особо выраженным не в данном предложении, а в другом, диалогически связанном с ним.

Фразеологическое выражение различия между лексико-семантическими вариантами иллюстрируется такими примерами, как: dry wood *сухое дерево* — thick wood *густой лес*, men and women *мужчины и женщины*, men and officers *рядовые и офицеры*, Queen of England *королева Англии* — queen of spades *пиковая дама* и др.

Особенности в употреблении тех или других форм, в частности, неупотребление форм одного из чисел у существительных, неупотребление формы длительного вида у некоторых глаголов и т. п. примыкают к синтаксическим особенностям данного слова в том или ином его лексико-семантическом варианте, и вместе с синтаксическими особенностями они образуют грамматическую характеристику определенного лексико-семантического варианта. Эти грамматические (морфологические и синтаксические) особенности не унич-

*) В. В Виноградов. О формах слова. «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. III, вып. I, 1944, стр. 42-43.

тожают тождества слова, поскольку они выступают в качестве обусловленных лексической семантикой: они представляются понятными и вполне оправданными особенностями данного значения слова.

Так, если board значит *питание*, а не *стол* и не *доска*, то естественным представляется, что в таком значении это слово не употребляется во множественном числе, как не употребляются, например, слова milk *молоко*, bread *хлеб* и т. п. Зависимость употребления форм числа у существительных от конкретного значения слова представляет собой вообще очень распространенное явление, тесно связанное с общим положением форм числа у существительных, для которых характерна легкость лексикализации числовых различий, т. е. превращение одной из числовых форм в отдельное слово (см. § 113).

В той же степени понятными представляются и синтаксические особенности слова, связанные с его многозначностью. Если laugh означает вообще явление смеха, то вполне мотивированным кажется и отсутствие дополнения — слова, обозначающего объект, вызывающий явление смеха. Напротив, если имеется в виду такой объект, если в смехе находит выражение определенное отношение к кому-либо или к чему-либо, и смех, далее, превращается в насмешку, то естественно появляется и дополнение, и этот синтаксический момент оказывается, таким образом, закономерно связанным с особым лексическим значением.

§ 164. Вопрос о существовании лексико-семантических вариантов слова и о взаимоотношении между ними теснейшим образом связан с проблемой полисемии - омонимии, т. е., иначе говоря, с вопросом о различии между многозначностью одного и того же слова и совпадением двух разных слов по звучанию.

4. Омонимия слов

§ 165. Вряд ли можно отрицать самое явление многозначности слова — его тождества при наличии двух и более значений, выражаемых одинаковыми звуковыми отрезками. Вместе с тем нельзя не признавать и явления омонимии и

считать все случаи неоднозначности одинаковых звуковых отрезков случаями полисемии.

Отрицание существования полисемии слов есть, в то же самое время, утверждение того, что всякое семантическое различие при совпадении звуковой оболочки представляет собой случай омонимии. Так, например, man *человек* и man *мужчина* должны быть при таком подходе признаны разными словами-омонимами. Однако не подлежит сомнению, что man_1 и man_2 воспринимаются как теснейшим образом связанные между собой. Морфологический состав и строение единиц man_1 и man_2 представляются совершенно тождественными, и различие между ними понимается как чисто смысловое, лексико-семантическое.

Наряду с такими единицами в языке, однако, обнаруживаются и такие, как $spring_1$ *весна*, $spring_2$ *пружина* и $spring_3$ *источник*, *родник*. Здесь уже явно нет никакой осмысленной связи между данными единицами, и одинаковость их звучания производит впечатление случайности. В этом случае, конечно, мы наблюдаем несомненное явление омонимии.

Таким образом, если отрицать явление многозначности слова и всякую лексическую неоднозначность считать омонимией, необходимо будет различать два рода омонимов: (1) омонимы, тесно связанные между собой по значению, как man_1 и man_2 и (2) омонимы, между которыми нет никакой конкретной лексико-семантической связи, как $spring_1$, $spring_2$ и $spring_3$. Такое изменение терминологии имело бы оправдание лишь в том случае, если бы в результате его внешнее соотношение между терминами оказалось в большем соответствии с реальным отношением между вещами. В действительности, объединение под названием омонимов различных языковых явлений затушевывает существующее между ними серьезное принципиальное различие, которое представляется гораздо более значительным, чем имеющаяся между данными явлениями черта сходства — различие в значении при одинаковости звуковой оболочки. Дело в том, что соотношения типа man_1 и man_2, как уже давно отмечено и признано, являются крайне широко распространенными, во всяком случае, типичными и нормальными для всякого языка. Напротив, соотношения типа $spring_1$, $spring_2$ и $spring_3$ выступают как полученные в результате известного особого стечения обстоятельств, как внутренне не связанные с общими

закономерностями существования и развития языка, но как вызванные лишь совершенно частными условиями, почему они и производят впечатление случайных вкраплений в общую систему языка. И действительно, в разных языках, даже очень близких друг к другу по составу и строю, по общим семантическим закономерностям, такие соотношения оказываются совершенно различными и по их численности и по их «распределению» в словаре.

Поэтому правильным представляется отражение объективно существующего положения в языке посредством противоположения полисемии (многозначности) типа man_1 и man_2 и омонимии (внешнего совпадения двух разных слов) типа $spring_1$, $spring_2$ и $spring_3$.

§ 166. Конечно, проведение точной границы между некоторыми отдельными случаями часто является делом очень трудным, и многое при этом оказывается неясным, недостаточно определенным в самой действительности, подобно тому, как очертания облаков не всегда оказываются достаточно четкими, хотя наличие самих облаков и их отличие друг от друга и от чистого неба могут и не вызывать никаких сомнений. Неясным, в частности, является разграничение между table в значении *стол* и table в значении *таблица*. С одной стороны, эти случаи следует как будто считать омонимами: значение *стол* и значение *таблица* являются двумя не связанными друг с другом значениями; но, с другой стороны, эти случаи как будто объединяются в лексико-семантические варианты одного и того же слова благодаря существованию в современном английском языке table *доска*, являющегося промежуточным звеном между table *стол* и table *таблица*. Еще более сложным оказывается определение взаимоотношения между table *таблица* и table *еда*, *трапеза*, поскольку разрыв между их значениями еще более значителен, а семантическая их связь вообще непонятна без учета двух промежуточных звеньев — table *стол* и table *доска*.

§ 167. Здесь необходимо заметить, что, поскольку семасиология, как известно, разработана гораздо менее тщательно, чем другие разделы языкознания, постольку необходимый семасиологический анализ сопоставляемых единиц до сих пор

нередко производится более или менее «кустарно», часто основывается просто на «здравом смысле». Этим, понятно, уменьшается надежность результатов при сопоставлении двух разнозначных единиц.

Семасиологический анализ не должен превращаться в теоретизирование по поводу соотношений между различными понятиями как таковыми, без всякого учета их языкового выражения. Необходимо, чтобы этот анализ был лингвистическим. А для этого всегда надо иметь в виду, что семантические связи, хотя они и обусловливаются прежде всего реальными соотношениями самих обозначаемых предметов, явлений и пр., все же выступают различно от того, объективируются ли они и выделяются ли посредством звуковой материи языка или нет. Нельзя поэтому абстрактно-теоретически рассуждать о том, связываются ли вообще, например, значения *питание, стол, доска* и т. п. между собой и могут ли они в силу такой связи выражаться звуковой оболочкой одного и того же слова. Вообще говоря, эти значения «могут» связываться, поскольку питание мыслится как процесс, осуществляемый за столом, а стол как предмет, часто сделанный из досок. Но поскольку в каком-либо конкретном языке эта возможная, но не вполне близкая связь не указывается, не выражается в звучании слов, постольку внимание от нее отвлекается и ввиду ее отдаленности, ее можно не учитывать: данный язык на ней не настаивает. Иначе обстоит дело в английском языке с указанными значениями *питание*, *стол*, *доска* и т.п. Эти значения сближаются не только звучанием [teɪbl], как в table *питание*, table *стол* и table *доска*, но и, например, звучанием [bɔ: d], как в board *питание*, board *стол* и board *доска*. Это и направляет внимание на отыскание общего в самих предметах; и если такое общее может быть найдено, то оно улавливается, устанавливается положительная семантическая связь и соответствующие языковые единицы сближаются как лексико-семантические варианты одного и того же слова.

Иначе говоря, разграничению случаев полисемии и омонимии помогает изучение закономерностей смысловых соотношений в данном языке. Определенные связи между лексико-семантическими вариантами в системе языка оказываются повторяющимися, типичными, закономерными. В современном английском языке подобными связями, в част-

ности, являются: связи метафорического характера, как в deep *глубокий* (deep river *глубокая река)* и в deep *глубокий, серьезный* (deep learning, deep sorrow, deep sleep и т. п.), связи метонимического характера, как между значениями *содержащее, контейнер* и *содержимое* (ср. pot, kettle и др.: big kettle *большой чайник*, boiling kettle *кипящий чайник*), связь между значением более общим и более частным, специализированным, как в man *человек*, man *мужчина*, man *рядовой;* engine *машина вообще* и engine *паровая машина* и т. п. Напротив, смысловые соотношения между омонимами носят единичный, изолированный, исключительный характер.

§ 168. Английский язык характеризуется довольно значительным количеством омонимов, по сравнению с другими языками. Кроме того, нельзя не отметить также и большого увеличения числа омонимов, имевшее место в ходе исторического развития английского языка и в известной мере отличающее современный английский язык от английского языка древнего периода: ср., например, *да.* sunne *солнце* и sunu *сын* при *совр. англ.* sun *солнце* [sʌn] и son *сын* [sʌn]; *да.* kniht *мальчик, слуга, молодой воин* и niht *ночь* при *совр. англ.* knight *рыцарь* [naɪt] и night *ночь* [naɪt]; *да.* lufu *любовь* и lufian *любить* при *совр. англ.* love *любовь* и love *любить* и многие другие случаи.

Вместе с тем, однако, проблема омонимии в современном английском языке еще изучена недостаточно и очень многое, связанное с проблемой омонимии, до сих пор остается неясным.

§ 169. В этом отношении небезинтересно обратиться к специальным лексикографическим работам, изданным в странах английского языка, и в частности к «Этимологическому словарю английского языка» проф. У. Скита.*

В качестве приложения к указанному словарю У. Скитом приводится список английских слов, озаглавленный как список омонимов — List of Homonyms. Этот список производит на первый взгляд очень внушительное впечатление: он занимает 11 страниц большого формата (in quarto) и содержит приблизительно 1.800 слов.

---

* W. Skeat. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1909.

Само собой понятно, что такой список, составленный несколько десятков лет тому назад, не может не быть более или менее устаревшим, и вполне естественно ожидать, что в этом списке могут быть обнаружены отдельные упущения и неточности. Вместе с тем все же легко можно предположить, что такой большой и, повидимому, тщательно составленный список дает хотя бы в общих чертах более или менее верное и ясное представление об английской омонимике на рубеже XIX и XX вв. При более внимательном рассмотрении списка, выясняется, однако, что такое предположение оказалось бы ошибочным, и список Скита вызывает чувство разочарования и недоумения: английские омонимы отражаются в его списке не только в далеко не полном, но и в совершенно искаженном виде.

§ 170. Странным представляется прежде всего то, что к числу омонимов У. Скит относит только такие слова, которые имеют одинаковые *орфографические* оболочки с какими-либо другими словами, и при этом совершенно не принимает во внимание, связана ли одинаковость написания данных двух слов с одинаковостью их звуковых оболочек. Иначе говоря, У. Скит включает в число омонимов лишь так называемые «полные омонимы» и «омографы», причем не делает различия между теми и другими, и исключает так называеме «омофоны». Таким образом в его список попадают на равных основаниях bear *медведь* и bear *нести*, звучащие одинаково — как [bɛə], и tear *рвать* и tear *слеза*, различающиеся в устной речи как [tɛə] и [tɪə].

Следовательно список английских «омонимов» У. Скита есть в сущности список омографов в широком смысле этого слова, т.е. список таких написаний, каждое из которых в системе английской орфографии представляет собой орфографическую оболочку не менее двух разных слов.

Конечно, с развитием письменности и грамотности удельный вес графического, внешнего оформления языка соответственно возрастает, и, в частности, в случае английского языка орфография не может рассматриваться в настоящее время только как искаженное отражение его звуковой стороны. (См. § 138.) Но все же вряд ли можно сомневаться в том, что и в этом случае основным внешним оформлением языка остается его оформление в звуках. Поэтому полное пренебре-

жение звуковой омонимией в списке английских омонимов нельзя не признать уже само по себе грубым искажением английской омонимики.

Правда, в начале своего списка «омонимов» (т.е. омографов) У. Скит указывает, что он имеет в виду слова, пишущиеся одинаково. Таким образом искажение оговорено, и хотя оно и не делается от этого менее грубым, оно этим все же обезвреживается: тот, кто будет пользоваться этим списком, не будет в данном отношении введен в заблуждение.

§ 171. К сожалению, однако, в списке У. Скита имеются и такие искажения общей картины английской омонимики, относительно которых никакого предупреждения не делается.

Возьмем такие две фразы: He $found_1$ them — *он нашел их* — и He can $found_2$ them — *он может основать их.* Здесь $found_1$ и $found_2$ несомненно являются двумя разными словами, и вместе с тем они одинаковы по своему внешнему виду, в частности — и по графической оболочке. Таким образом это омонимы, в частности и омографы (в широком смысле этого слова), и следовательно они должны были бы быть включены в список У. Скита. Тем не менее их там нет. И это не случайный пропуск: в его списке «омонимов» нет и таких омонимических (и вместе с тем омографических!) пар, как lay_1 *лежал и* lay_2 *класть*, $bore_1$ *нес* и $bore_2$ *бурав*, $rose_1$ *поднялся* и $rose_2$ *роза*, $left_1$ *оставил* и $left_2$ *левый* и т. п. Почему? Очевидно, потому, что $found_1$, lay_1, $bore_1$, $rose_1$, $left_1$ и другие подобные словоформы, отсутствующие в списке, являются словоформами прошедшего времени, т. е. не теми формами, в которых глаголы обычно приводятся в словарях. Однако никакой соответствующей оговорки Скит не делает, и об этом мотиве исключения из списка указанных случаев омонимии можно только догадываться. Между тем подобные случаи омонимии в английском языке не редки, и их отсутствие в списке существенно искажает отражение в нем реальной омонимики английского языка.

§ 172. В связи с этим следует заметить, что случаи типа $found_1$ — $found_2$, lay_1 — lay_2, $bore_1$ — $bore_2$ и т. п. являются случаями омонимии лишь отдельных форм разных слов, а не случаями омонимии целых слов-лексем, т. е. слов как единиц лексики, как единиц, каждая из которых нередко

представляет собой целую систему форм. В самом деле, ведь между такими омонимическими парами, как, например, $mass_1$ *масса* и $mass_2$ *обедня* и $found_1$ *нашел* и $found_2$ *основывать*, есть существенная разница. В первом случае ($mass_1$ — $mass_2$) омонимами являются целые слова — единицы лексики, т.е. омонимическими оказываются не изолированные случайные формы данных слов, а целые системы их форм, причем омонимия наблюдается именно между грамматически тождественными их формами: единственное число $mass_1$ — $mass_2$ и множественное число $masses_1$ — $masses_2$. Во втором случае, напротив, омонимии целых слов не имеется: тогда как формы $found_1$ *нашел* (или *нашли, найден* и т.д.) и $found_2$ *основывать (основываю, основываем* и т.п.) представляют собой омонимы, многие другие формы этих же глаголов не образуют омонимических пар: ср. find *находить*, finds *находит*, finding *находящий*, founds *основывает*, founded *основывал, основывали*, founding *основывающий* и т.п. При этом как раз те формы ($found_1$ и $found_2$), в которых эти глаголы оказываются омонимами, грамматически не тождественны, а грамматически тождественные формы того и другого из этих глаголов (инфинитив find и found, прошедшее время found и founded и т.д.) не являются омонимическими по отношению друг к другу.

Отмеченное различие между случаями омонимии типа $mass_1$ — $mass_2$ и типа $found_1$ — $found_2$ может быть определено, во-первых, как различие между омонимией полной и омонимией частичной и, во-вторых, как различие между омонимией (чисто) лексической и омонимией лексико-грамматической.

Определение омонимии типа $mass_1$ — $mass_2$ как полной (чисто) лексической характеризует случаи этого типа как такие, в которых каждая форма одного слова является омонимом по отношению к какой-либо форме другого слова данной пары и при этом оказывается грамматически тождественной со своим омонимом, почему омонимические формы в таких случаях относятся друг к другу только как разные слова, т.е. только в лексическом плане.

В отличие от этого определение омонимии типа $found_1$ — $found_2$ как частичной лексико-грамматической указывает, с одной стороны, на то, что в случаях этого типа соответствующие слова являются омонимами по отношению друг к

другу лишь в части их форм (т. е. имеют также и неомонимические формы); с другой стороны, на то, что в этих случаях омонимические формы двух разных слов являются вместе с тем разными грамматическими формами, т. е. различаются между собой не только в лексическом, но и в грамматическом плане.

§ 173. Итак, отсутствие в списке У. Скита таких омонимов, как $found_1$ — $found_2$, lay_1 — lay_2 и т. п., могло бы быть объяснено тем, что в этот список входят только полные лексические омонимы. Однако мы находим в этом списке наряду с полными лексическими омонимами также и частичные, например: lie_1 (lay_1, lain) *лежать* и lie_2 (lied, lied) *лгать*, $light_1$ (light's, lights) *свет* и $light_2$ (lighter, lightest) *легкий*, $bear_1$ (bears, bore, borne, bearing) *нести* и $bear_2$ (bear's, bears) *медведь*. Такие случаи частичной омонимии, как уже было отмечено выше (см. § 171), отличаются от случаев типа $found_1$ — $found_2$ и т. п. тем, что в них омонимия наблюдается как раз в тех формах, в которых слова обычно приводятся в словаре (в инфинитиве, в общем падеже единственного числа существительных, в положительной степени прилагательных), тогда как в случаях $found_1$ — $found_2$ она обнаруживается лишь при условии привлечения к сопоставлению не только таких «словарных» форм данного слова, но и таких их форм, которые в словарях обычно не выступают в качестве представителей соответствующих слов в целом, а нередко даже вообще не регистрируются. Совершенно ясно, однако, что включение или невключение тех или иных частичных омонимов в список омонимических слов на основе только такого разграничения делает этот список в значительной мере условно и формально ограниченным. Правда, те формы слов, в которых они обычно даются в словарях, более или менее отчетливо выделяются среди других их форм как наиболее независимые и самостоятельные, и отбор их нельзя считать совершенно произвольным или случайным (см. подробнее § 93), но все же отличие их от прочих форм не таково, чтобы оно вполне оправдывало делаемую У. Скитом дискриминацию. Во всяком случае, различие между полными омонимами и частичными значительно больше, чем между теми частичными, которые включены У. Скитом в его список, и теми, которых в этом списке нет, если различие между обеими этими группами частичных

омонимов основывается только на указанном выше признаке.

§ 174. Следует выяснить, не имеется ли между выделенными выше группами и какое-либо иное различие.

Действительно, такие частичные омонимы, как lie_1 — lie_2, $light_1$ — $light_2$, $bear_1$ — $bear_2$, входящие в список У. Скита, отличаются от частичных омонимов типа $found_1$ — $found_2$ не только тем, что они представляют собой формы, в которых данные слова обычно приводятся в словарях, тогда как в омонимических парах типа $found_1$ — $found_2$ по крайней мере один из омонимов не является такой формой (в данном случае $found_1$ *нашел)*. Различные частичные омонимы из числа приводимых У. Скитом по-разному отличаются от омонимов типа $found_1$ — $found_2$.

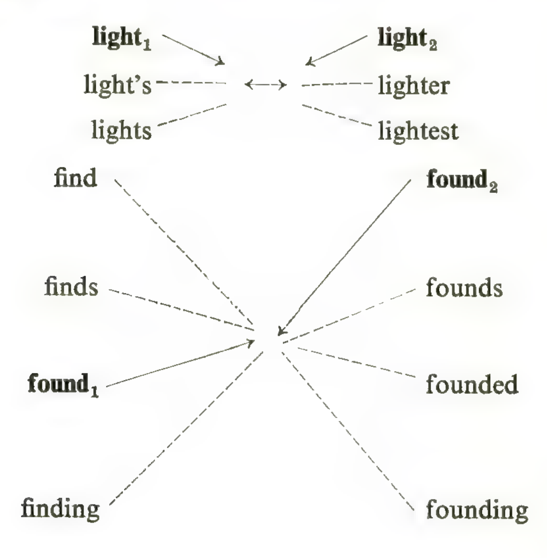
Такие случаи частичной омонимии, как lie_1 (lay_1, lain) — lie_2 (lied, lied), отличаются от случаев типа $found_1$ — $found_2$ тем, что частичная омонимия в них является не лексико-грамматической, а чисто лексической, так как lie_1 и lie_2 представляют собой по отношению друг к другу грамматически тождественные формы. Следовательно, отношение между lie_1 и lie_2 сближается с отношением между $mass_1$ — $mass_2$ ($sound_1$ *звук* и $sound_2$ *пролив* и т. п.), которое также является чисто лексическим и отличается от последнего — с точки зрения данных слов в целом (т. е. как лексем) — только частичностью омонимии.

Иное отличие от случаев типа $found_1$ — $found_2$ представляют такие случаи частичной омонимии, как $light_1$ (light's, lights) — $light_2$ (lighter, lightest). Омонимы $light_1$ и $light_2$ относятся друг к другу не только как разные по лексическому значению слова, но и как разные грамматические формы слова. Следовательно, омонимия здесь, как и в случаях типа $found_1$ — $found_2$, является омонимией лексико-грамматической. Различие между теми и другими случаями состоит в общем характере различия между омонимическими грамматическими формами. Тогда как в случаях типа $found_1$ — $found_2$ мы имеем разные грамматические формы, принадлежащие к одной системе форм (в данном случае — к системе форм глагола), в таких случаях, как $light_1$ и $light_2$, грамматически различные формы принадлежат к разным системам форм (в данном конкретном примере форма

$light_1$ принадлежит к системе форм существительного, а $light_2$ — к системе форм прилагательного). Иными словами, тогда как омонимические формы в случаях типа $found_1$ — $found_2$ представляют собой одну и ту же часть речи, в случаях типа $light_1$ — $light_2$ между омонимическими формами проходит граница двух разных частей речи.

§ 175. Относительно случаев типа $light_1$ — $light_2$ необходимо иметь в виду, что различие между частями речи уже само по себе является различием лексико-грамматическим, поскольку разные части речи представляют собой разные классы слов и вместе с тем различаются друг от друга именно грамматическими признаками. Таким образом внутреннее различие между омонимами типа $light_1$ — $light_2$ оказывается более сложным, чем соответствующее различие между омонимами типа $found_1$ — $found_2$: конкретное различие между такими формами, как $light_1$ и $light_2$, осложняется различием между ними как частями речи, чего нет в случаях типа $found_1$ — $found_2$.

Соотношение между омонимическими словоформами в случаях того и другого типа можно было бы изобразить примерно так:

Примечание: В схеме, в целях ее упрощения (не изменяющего существа дела), не разделены грамматические омонимы, т.е. омонимические формы в системе одного и того же слова, за исключением грамматических омонимов light's и lights, четко различаемых графически.

Эта схема показывает, что в типе первом внутреннее соотношение между омонимическими формами ($light_1$ — $light_2$) устанавливается через соотношение между ними как (разными) частями речи (что обозначено знаком ↔), тогда как в типе втором подобное соотношение (между $found_1$ и $found_2$) устанавливается непосредственно друг к другу (так как они не разделены гранью между частями речи).

Исходя из такого различия между данными двумя типами (первым и вторым), омонимию в случаях первого типа, $light_1$ — $light_2$, можно условно обозначить как сложную лексико-грамматическую омонимию — в отличие от простой лексико-грамматической омонимии в случаях типа второго: $found_1$ — $found_2$.

§ 176. Само собой разумеется, что и омонимы типа $bear_1$ — $bear_2$ представляют собой случаи сложной лексико-грамматической омонимии, принципиально не отличающиеся от таких случаев, как $light_1$ — $light_2$. Различие между теми и другими случаями по существу сводится к различию отношений между соответствующими частями речи: между глаголом и существительным в одних случаях, между существительным и прилагательным — в других.

К случаям сложной лексико-грамматической омонимии относятся, очевидно, и такие (частичные) омонимы, как $bore_1$ *нес* и $bore_2$ *бурав*, $rose_1$ *поднялся* и $rose_2$ *роза*, тесно примыкающие к таким омонимам, как $bear_1$ — $bear_2$: во всех этих случаях омонимия наблюдается между формами глагола и существительного.

Очень близка к таким омонимам и упомянутая выше (см. § 171) омонимическая пара $left_1$ оставил и $left_2$ левый, состоящая из форм глагола и прилагательного.

Тем не менее, как было уже отмечено выше, омонимы $bore_1$ — $bore_2$, $rose_1$ — $rose_2$, $left_1$ — $left_2$ и многие другие подобные отсутствуют в списке У. Скита, хотя $bear_1$ — $bear_2$, так же как $light_1$ — $light_2$ и ряд других того же типа, в этот список включены.

§ 177. Из сказанного следует, что в списке омонимов (т.е. омографов), составленном У. Скитом, приводятся: (а) случаи полной лексической омонимии ($mass_1$ — $mass_2$); (б) случаи частичной лексической омонимии (lie_1 — lie_2); (в) отдельные случаи сложной частичной лексико-грамматической омонимии ($light_1$ — $light_2$, $bear_1$ — $bear_2$); при этом никак не объясняется, почему очень многие случаи такой омонимии в списке отсутствуют ($bore_1$ — $bore_2$, $rose_1$ — $rose_2$, $left_1$ — $left_2$ и т. п.).

Из сопоставления случаев сложной частичной лексико-грамматической омонимии, включенных в список У. Скита, с такими случаями омонимии этого же типа, которые в его списке не приводятся, с полной несомненностью выясняется, что У. Скит действительно, как это было предположено уже выше, вносил в свой список только те случаи (графической) омонимии, в которых оба омонима-омографа представляют собой «словарные» формы (т.е. являются такими формами соответствующих слов, под которыми эти слова обычно даются в словарях).

Отсюда следует, что и регулярное отсутствие простой лексико-грамматической омонимии — таких случаев, как $found_1$ — $found_2$, lay_1 — lay_2, определяется не тем, что У. Скит вообще исключал этот тип омонимии как таковой, но тем, что в английском языке такая омонимия распространена за пределами «словарных» форм слова.

§ 178. Таким образом приходится констатировать, что отбор омонимов, включаемых в список, произведен У. Скитом в высшей степени поверхностно:

1. В список включены только омографы — и при этом независимо от того, являются ли они одновременно «омофонами» или нет.

2. В список включены случаи как полной омонимии, так и частичной (в том смысле, в каком эти понятия определены выше), причем никакой дифференциации между ними не проводится: У. Скит, повидимому, просто не замечает существенной разницы между теми и другими случаями.

3. В список включены лишь те случаи лексико-грамматической омонимии, которые представлены «словарными» формами слов; прочие же случаи такой же омонимии У. Скитом не приняты во внимание, причем без всяких оговорок и пояснений.

Примечание: Любопытно, что в списке У. Скита есть и отступления от этого правила: в нем даются омонимы $might_1$ *мог бы* и $might_2$ *мощь*, хотя $might_1$ и не является «словарной» формой глагола may; также art_1 *(ты) еси* и art_2 *искусство*. Эти исключения ясно показывают, насколько списку У. Скита чужда сколько-нибудь продуманная классификация омонимов.

Все это в очень большой мере обесценивает список «омонимов» У. Скита и вместе с тем свидетельствует о низком теоретическом уровне словаря в целом.

Можно без преувеличения сказать, что такой список «омонимов», как список У. Скита, может быть использован для описания системы английской омонимики лишь как сырой материал, требующий тщательной обработки и очень значительного пополнения. Некритическое, доверчивое отношение к нему может привести лишь к тому, что данное на его основе описание английской омонимики, как бы тщательно оно ни было сделано, представит омонимику английского языка в грубо искаженном виде, причем степень и характер искажения окажутся совершенно неопределенными.

§ 179. После всего сказанного вряд ли представляется неожиданным, что У. Скитом совершенно упущены из виду наиболее характерные для современного английского языка и наиболее распространенные в нем случаи омонимии, а именно такие, как $look_1$ *смотреть* и $look_2$ *взгляд*, *вид*, $fall_1$ *падать* и $fall_2$ *падение* и т. п., т. е. случаи частичной сложной лексико-грамматической омонимии, связанные с так называемой «конверсией».

Следует заметить, что в самом словаре У. Скит трактует такие пары, как пары отдельных слов (а не только разных значений или функций одного и того же слова: ср. § 79), и такая его трактовка совершенно правильна. Но именно поэтому такие пары и должны были бы быть учтены им как пары омонимов (омографов). Правда, включение в список всех таких омонимических пар было бы практически очень затруднительно ввиду не только их многочисленности, но и неопределенности их числа (так как словообразование путем «конверсии» является, как уже было сказано в § 77, в высшей степени продуктивным в английском языке). И, исходя из практических соображений, можно оправдать отсутствие таких пар омонимов в списке. Но, во всяком случае,

существование огромного числа таких омонимических пар должно было бы быть отмечено, и невключение их в список необходимо было бы оговорить.

Омонимы, связанные с конверсией, представляют собой совершенно особую группу случаев частичной сложной лексико-грамматической омонимии, и их анализ требует рассмотрения некоторых вопросов конверсии как таковой.

Все эти вопросы уже рассматривались выше в соответствующих параграфах главы III (см. §§ 78—101). Здесь же важно лишь отметить, что картина английской омонимики, не включающая в свои рамки лексико-грамматические омонимы, связанные с конверсией, является в высшей степени неполной (а поэтому и неправильной) картиной: это лишь сравнительно небольшой ее фрагмент.

Глава V

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Семантическая классификация слов

§ 180. Под семантической классификацией понимается группировка слов какого-нибудь языка соответственно их корневым, собственно лексическим значениям. Трудности такой собственно-лексической семантической классификации слов, которую можно назвать также тематической классификацией, огромны и отчасти, может быть, непреодолимы. В основном они состоят в следующем:

§ 181. Установить границы между отдельными темами, т. е. семантическими областями, почти невозможно, так как эти области незаметно переходят друг в друга; ср. например, такой ряд: white *белый*, whitish *беловатый*, light grey *светло-серый*, grey *серый*, blackish *черноватый*, black *черный*, dark *темный;* gloomy *сумрачный*, *мрачный*, oppressive *гнетущий*, hard *тяжелый*, weighty *увесистый*, massive *массивный*, reliable *надежный*, *солидный*, serious *серьезный*, important *важный*, significant *значительный*, large *большой* и т. д., где из «области цвета» мы в конце концов постепенно попадаем в «область величины». Вместе с тем различные семантические области располагаются не по одной линии, но весьма сложным и запутанным образом, так, что чуть ли не из каждой точки (слова) одной области идут пути в несколько различных сторон.

§ 182. Многозначность многих слов ведет к тому, что они должны входить в разные семантические области, в целом, иногда довольно удаленные друг от друга. Так, слово

wood в значении *лес* войдет в область таких слов, как forest *лес*, grove *роща*, thicket *чаща* и т. п., тогда как в значении вещества-материала *(дерево)* — в область слов stone *камень*, metal *металл*, iron *железо* и проч.

Но даже и в одном и том же значении многие слова могут входить в разные семантические области вследствие распространенности своего значения, т. е. наличия связей со значениями других слов по двум или нескольким линиям. Так, слово horse *лошадь*, с одной стороны, принадлежит к области слов, обозначающих живые существа, в частности млекопитающих животных; с другой же стороны, по другой линии оно связано с системой слов, относящихся к транспорту.

Частные случаи вхождения одних и тех же слов в разные семантические группы нарушает стройность классификации и четкость самых групп.

§ 183. Очень важный, если не важнейший, контингент слов в любом языке составляют слова весьма общего, отвлеченного и часто, так сказать, растяжимого значения; ср. go *передвигаться в пространстве*, move *двигаться*, remain *оставаться*, *пребывать*, place *место*, beginning *начало*, way *способ*, particular *особый* и другие подобные.

Специфическая трудность тематической классификации таких слов состоит в том, что они, с одной стороны, как будто должны быть отнесены к целому ряду отдельных частных, конкретных тем, а с другой стороны — должны образовать некие самостоятельные группы слов, отличающиеся большой отвлеченностью и расплывчатостью. Например, слово go с известной точки зрения может входить чуть ли не в любую семантическую область: men go, time goes, road goes to London, go hungry, the story goes, things go well, the election goes against him, clock will not go и т.п. Но вместе с тем это слово представляется явно принадлежащим к особой семантической области, области движения: go, walk *передвигаться пешком*, run *бежать*, swim *плыть* и т. п. Однако, слово go, вследствие наличия у него очень общего, отвлеченного значения (наряду с более конкретными) явно отделяется от других слов, обозначающих движение (в особенности от таких образных, как hobble *ковылять*, climb *карабкаться* и т. п.); наоборот, оно естественно сближается со словом stand

стоять (которое служит как бы антонимом к нему), хотя последнее относится, очевидно, к словам, обозначающим положение, и может быть помещено в область движения, только если рассматривать его в качестве выражения понятия «нулевого движения» как частного случая движения вообще.

Таким образом получается, что слово go: (1) принадлежит многим различным конкретным областям; (2) специально относится к области движения; и (3) образует очень ограниченную систему со словом stand.

Суть дела состоит в следующем: наряду со специальными тематическими областями такого типа как «животный мир», «транспорт», «птицы» и т. п., выделяются лексические области, которые не относятся ни к какой определенной сфере жизни, ни к какой «теме» в этом смысле, но объединяют слова, обозначающие разные виды какого-либо явления общего характера (например, движение), независимо от того, в какой конкретной сфере тот или иной вид данного явления обычно имеет место. Далее, слова наиболее общего значения нередко могут иметь тенденцию обособляться в небольшие группы, не очень четкие и устойчивые, но достаточно заметно нарушающие общую систему.

§ 184. Если вдуматься в эти важнейшие трудности, с которыми сталкивается лексиколог при попытке тематической (т.е. собственно-лексической) классификации слов, то можно придти к следующим выводам:

§ 185. Во-первых, тематическая классификация слов как цельных единиц, в сущности, невозможна; ибо к той или другой теме (семантической области) относится нередко лишь одно из значений слова, а не все его содержание как целое (ср., например, wood: § 182). Таким образом тематическая классификация слов есть, собственно говоря, тематическая классификация их значений. Однако и в одном и том же значении то или иное слово может оказаться принадлежащим к разным семантическим областям, выделяемым данной классификацией: либо вследствие богатства и разносторонности своего значения (ср., например, horse: § 182); либо вследствие его общности и растяжимости (ср., например, go: § 183). В виду этого границы различных семантических

областей перекрещиваются и отдельные области частично перекрывают друг друга и классификация оказывается очень запутанной уже по одной этой причине.

§ 186. Во-вторых, тематическая классификация слов, т.е. собственно их значений (см. выше § 185), в том виде, в каком она большей частью мыслится и предпринимается, оказывается в самой своей основе при ближайшем рассмотрении двойственной. А именно: с одной стороны, слова (значения) объединяются потому, что предметы и явления, к которым они обычно относятся, так или иначе связаны между собой в действительности или представляются связанными; поэтому соответствующие слова (значения) нередко встречаются друг с другом в контексте и таким образом группы, составленные из них можно назвать контекстуальными. Таким образом, например, слова tree *дерево* и grow *расти*, естественно, будут отнесены к одной семантической области, — потому что дерево растет. С другой стороны, различные слова (значения) группируются на основе наличия общего момента в самом их содержании. Типичным случаем будет объединение слов, выражающих различные видовые понятия, со словом, выражающим соответствующее родовое понятие. Образуемые таким образом группы можно назвать л о г и ч е с к и м и. Например, oak *дуб*, pine *сосна*, birch *береза* и т. п. — tree *дерево*. Многие логические группы естественно входят в те или иные контекстуальные. Так, группа названий деревьев, приведенная выше как пример, естественно может составлять часть контекстуальной тематической группы "tree" (tree *дерево*, oak *дуб*, pine *сосна* и т. п.; leaf *лист*, branch *ветка*, bough *сук*, root *корень* и т. д.; grow *расти*, blossom *цвести* ripen *созревать* и т. д. и т. п.). В таких случаях принципиальное различие между контекстуальными и логическими группами мало заметно. Но логические группы, образующиеся из слов более общего и отвлеченного характера большей частью не могут быть включены целиком ни в какую контекстуальную группу, хотя отдельные слова, входящие в такие логические группы, обыкновенно являются обязательными в целом ряде контекстуальных областей лексики. В таких случаях упомянутое различие выступает очень резко и нарушает всякую стройность тематической классификации.

§ 187. Прежде чем наметить определенные принципы подхода к лексике данного конкретного языка с целью дать некое систематическое описание ее внутренней, семантической стороны, необходимо заметить следующее:

Распределение слов (значений) по логическим группам естественно соединяется в одну систему с их распределением по частям речи. Действительно: принадлежность самых различных слов к одной и той же части речи означает наличие у них какого-то одного общего, хотя и крайне абстрактного значения. С семантической точки зрения группа слов, представляющих одну часть речи, является, следовательно, логической группой.

§ 188. Классификация слов как частей речи представляет большие удобства как система деления совокупной лексики на отдельные крупные области. Каждая часть речи может обладать теми или другими более или менее ярко выраженными лексическими особенностями. Так, например, разработанность специальной терминологии может проявляться преимущественно в области существительных, тогда как для глаголов может оказаться характерным богатство эмоционально-экспрессивных оттенков и т.п. Для отдельных частей речи могут быть типичны свои черты в системе словообразования, особая группировка слов по корням.

Далее нужно заметить, что рассматриваемая классификация легко может быть продолжена и детализирована путем подразделения отдельных частей речи на более частные семантические категории слов, естественно выделяющиеся вследствие того, что общее значение данной части речи обычно осложняется еще каким-либо уточнением. Так, например, в английском bigness значение *предметность*, свойственное существительным вообще осложняется указанием на то, что эта предметность получается в результате отвлечения известного признака от тех или других предметов, т. е. так или иначе осложняется значением *признак*. Таким образом в системе английских существительных естественно может быть выделена категория существительных, обозначающих различные признаки в отвлечении от предметов-носителей этих признаков. С точки зрения словообразовательной это есть (по крайней мере приблизительно) категория абстрактных существительных, образованных от прилагательных (сюда

войдут greatness *величина*, length *длина*, width *ширина*, stupidity *глупость*, frailty *хрупкость* и т. д.).

Важно обратить внимание на то, что подобная классификация в сущности является предпосылкой для сопоставления корневых, т.е. собственно лексических значений слов, так как не только разные части речи, но даже и слова, относящиеся к разным категориям в пределах одной и той же части речи, представляют собой большею частью слишком разнородные единицы, мало пригодные для такого сопоставления.

В самом деле, например, в качестве синонимов и антонимов противопоставляются друг другу слова одной и той же части речи — (to) begin *начинать*, (to) commence *начинать* — (to) finish *кончать*, — а не слова разных частей речи — (a) beginner *новичок*, commencement *начало* — (to) finish *кончать;* последние слова представляются как бы несоизмеримыми между собой.

§ 189. Эта классификация, которую условно можно назвать логической, несомненно является необходимой и достаточно удобной основой для систематического описания семантики лексического состава языка. Она дает возможность выделить наиболее существенное и характерное и освободить изложение от загромождения излишним материалом.

Сущность этой классификации состоит в следующем. Сначала в совокупном словарном составе конкретного языка выделяются, определенные группы — части речи, имеющие общее, хотя и крайне абстрактное значение: значение *предметность*, *признак*, *процесс* и т. п. Эти группы слов, как уже было сказано выше, подразделяются на более частные семантические группы слов, сближаемых на основе наличия у них некоего общего элемента значения сверх того общего, что свойственно всей данной части речи. Каждая такая более частная группа слов может, в свою очередь, подразделяться подобным же образом на несколько еще более специализированных групп; и так далее — вплоть до логических групп с видовыми понятиями наиболее конкретного характера.

Так, например, английские существительные могут быть подразделены на существительные, обозначающие так называемые одушевленные предметы (man *человек*, *мужчина*, boy *мальчик*, actress *артистка*, teacher *преподаватель*, worker *рабочий*, inventor *изобретатель* и т. п.), существительные,

обозначающие конкретные неодушевленные предметы (table *стол*, chair *стул*, house *дом*, street *улица*, town *город*, river *река*), вещества (wood *дерево*, stone *камень*, metal *металл*, mineral *минерал*), процессы и действия (work *работа*, reading *чтение*, transformation *преобразование)*, признаки, отвлеченные от предметов (greatness *величина*, length *длина*, stupidity *глупость)*, и т. д. и т. п. Среди существительных, обозначающих одушевленные предметы, в свою очередь, естественно будут выделяться разные группы, в том числе, например, группа существительных, обозначающих лица, как производителей какого-либо действия, так называемые nomina agentis (onlooker *зритель*, *свидетель*, hearer *слушатель*, translator *переводчик*, runner *бегун* и т. п.). Эта частная группа может быть подразделена далее, например, на группу существительных, обозначающих, так сказать, «случайных» производителей действия, и на группу таких существительных, которые обозначают лиц, так или иначе специализировавшихся в данном отношении (ср., с одной стороны, onlooker *свидетель*, *зритель* — с другой, teacher *преподаватель)*. Вместе с тем возможно также подразделение существительных nomina agentis соответственно характеру производимого действия (onlooker *свидетель*, *зритель*, spectator *зритель*, *наблюдатель*, listener *слушатель*, hearer *слушатель*, *слушающий* — runner *бегун*, jumper *прыгун*, swimmer *пловец* и т. п.). На основе такой классификации очень отчетливо выявляется одна из характерных черт английской лексики, состоящая в изобилии (и свободном образовании) существительных, обозначающих «случайных» или «временных» производителей тех или других процессов; ср. англ. sleeper *спящий*, onlooker *свидетель*, *зритель*, bystander *свидетель*, *зритель*, beginner *начинающий*, *новичок*, speaker *говорящий*, doer *делающий* и т. п.; в русском же языке роль таких существительных большей частью выполняют, как это хотя бы можно видеть из приведенных переводов, причастия: ‘спящий’, ‘начинающий’, ‘говорящий’, ‘слушающий’ (в отличие, например, от ‘слушатель’) и т. п.

§ 190. Для того, чтобы логическая классификация была наиболее удобной основой описания, она должна быть построена возможно более целесообразно. Дело в том, что можно дать самые разнообразные по строению логические классификации слов того же языка, т. к., при единстве основного

принципа, конкретные признаки для группировки слов могут быть выбраны и подчинены друг другу в известной мере по усмотрению классификатора. Ведь нужно иметь в виду, что в семантике каждого слова можно выделить несколько признаков, по которым оно может быть объединено в той или иной логической группе с другими словами. Лексиколог должен по возможности верно определить относительное значение каждого из этих признаков и реальные взаимоотношения между ними именно в данном языке, избегая какой-либо априорной схематизации, так, чтобы его классификация действительно отражала конкретную градацию и конкретное переплетение семантических связей между словами в этом языке. В частности нужно заметить, что от внимания лексиколога не должны ускользнуть такие семантические признаки, которыми даже разные части речи могут объединяться в известные логические группы — ввиду повторяемости этих признаков в областях различных частей речи. Так, в русском языке в области существительных выделяется своеобразная логическая группа уменьшительных, аналогичная группа уменьшительных выделяется и в области прилагательных и соответствующих наречий. Таким образом для русского языка необходимо констатировать наличие обширной логической (а вместе с тем и стилистической) группы слов — существительных, прилагательных, наречий, — границы которых пересекают не только границы многих более конкретных группировок слов внутри областей названных частей речи, но и границы самих этих областей.

§ 191. Классификация слов (значений), состоящая в их распределении по различным контекстуальным группам, которую условно можно назвать соответственно этому к о н т е к с т н о й, также целесообразна в известных отношениях и она ни в какой мере не устраняется классификацией логической.

Очень важно, однако, не смешивать две эти классификации.

«Темы», по которым производится группировка слов при контекстной классификации, должны быть максимально реальными, т.е. представлять собой действительно встречающиеся в жизненной практике темы речи. Слова общего характера, не специфические для каких-либо специальных тем, следует выделять в особые общие области лексики, не относя их ни

к каким отдельным более частным, более определенным темам — с тем, чтобы не повторять этих слов в различных тематических областях, за исключением тех случаев, когда данное слово имеет совершенно особое значение в той или иной области (ср., например, английское treat в значении *угощать)*. Таким образом каждая специальная тематическая область должна заполняться только словами (значениями), действительно специфическими для данной темы.

§ 192. В первой главе данной работы (см. § 6, п. 4) уже было обращено внимание на то, что наиболее существенное и типичное для лексики данного языка может быть, очевидно, скорее всего найдено в той ее части, которая является наиболее широко употребительной. Следовательно, наибольшее внимание должно быть уделено таким группам слов, которые объединяются «темами» наиболее общего характера, а в пределах этих групп должны быть особо тщательно рассмотрены наиболее употребительные слова «нейтрального» стиля. Известные, наиболее общие по своему характеру, темы выделяются сами собой: «пространство», «время», «число», «величина, размер», «положение», «движение», «изменение, развитие» и др.; далее такие, как: «умственное восприятие», «внешние чувства», «эмоции», «речь» и пр.

Рассмотрение важнейших слов, сгруппированных по таким темам, даст ясное представление о некоторых существенных чертах внутренней стороны лексики данного языка. Так, например, в группе глаголов, объединенных темой «движение», в английском, французском, немецком (как и во многих других) языках особо выделяется по два глагола «отвлеченного направления движения»: *англ.* go и come, *франц.* aller и venir, *нем.* gehen и kommen, которые занимают совершенно особое положение в данной группе и достаточного соответствия которым не найдется в русском языке. Вокруг двух таких глаголов в каждом из названных выше языков расположится ряд основных глаголов «конкретного, но неопределенно направленного движения», таких как *англ.* walk, ride, run, *франц.* marcher, courir, *нем.* fahren, laufen и т. п., число и семантика которых будут значительно различаться по языкам, в связи с чем и семантика двух глаголов «отвлеченного направления движения» (go, come и т. д.) окажется не вполне одинаковой в разных языках. Так, *англ.* go ввиду наличия

глагола walk и отсутствия такого глагола, как *нем.* fahren, выступит с более отвлеченным значением, чем соответствующее *нем.* gehen. Другой пример: в английском, французском и немецком языках (как и в ряде других) среди глаголов, обозначающих «говорение», имеются такие семантически соответствующие друг другу пары, как *англ.* say и speak, *франц.* dire и parler, *нем.* sagen и sprechen, но в английском к паре say — speak тесно примыкает глагол tell, вследствие чего в этом языке получается все же иная, своеобразная система семантических противопоставлений в данной тематической области.

§ 193. Однако само собой разумеется, что рассмотрение лишь определенного контингента слов, — а именно, наиболее обычных, — принадлежащих к известному ограниченному числу тематических групп, далеко недостаточно для ознакомления с семантической стороной лексики в целом даже в самых общих чертах. Необходимо выбрать несколько показательных тематических групп и рассмотреть их во всем их объеме. Для такого рассмотрения должны быть выбраны группы разного характера, типичные в том или ином отношении, так, чтобы по ним можно было в достаточной степени судить вообще о различных семантических группировках слов в данном языке. Так, следует выбрать, с одной стороны, какую-нибудь подходящую группу тематически общего характера, вроде группы глаголов движения; с другой стороны, — какую-либо достаточно специализированную группу, как, например, тему «географических объектов» (sea *море*, river *река*, brook *ручей*, ravine *овраг*, forest *лес* и т.п.) и т.д.

2. Примерный анализ группы слов, обозначающих «направление движения», выделенных на основе тематической классификации

§ 194. Выше было указано, что рассмотрение важнейших слов, сгруппированных по определенным «темам», дает ясное представление о некоторых существенных чертах внутренней стороны лексики данного языка (см. § 192). В последующих параграфах данного раздела будет дан примерный анализ

английских слов, обозначающих направление движения, сравнительно с русским, французским и немецким языками.

§ 195. Научное сопоставление фактов различных языков возможно лишь на основе соотнесения этих фактов с самой обозначаемой действительностью: без такой базы сопоставление будет случайным, несистематичным и поверхностным. Уже, например, самое выделение определенной «темы» вроде «направление движения» является, в сущности, выделением некоторой определенной, частной сферы явлений в самой действительности.

§ 196. Однако недостаточно просто выделить такую сферу: необходимо более подробно разобраться, с чем мы имеем в ней дело.

Нетрудно увидеть, что, когда речь идет о движении в известном направлении, мы обычно имеем дело со следующими, более или менее четко выделимыми моментами в составе всего данного обозначаемого явления:

1. Сам движущийся предмет, т. е. либо субъект движения (‘лошадь бежит’), либо его объект (‘лошадь выводят’, ‘лошадь выводится из стойла’); разумеется, возможно и одновременное выделение как субъекта, так и объекта движения (‘конюх ведет лошадь’).

Примечание: Нужно подчеркнуть, что здесь говорится не о подлежащем и прямом дополнении, а о самих двигающихся предметах, причем тот предмет, движение которого представляется исходящим от него самого, называется субъектом, а тот, движение которого вызывается другим предметом, объектом движения.

2. Движение определенного качества, характера (‘бежит’, ‘идет’, ‘ползет’, ‘ведет’, ‘несет’).

3. Общая направленность движения (в основном — приближение или удаление: ‘при(бегать)’, ‘у(бегать)’; *англ.* come, go, *нем.* kommen, gehen, *франц.* venir, aller).

4. Предмет или место, по отношению к которому совершается и отмечается данное движение ‘(из) стойла’, ‘(из) дома’, ‘домой’, ‘(со) стола’, ‘(на) крышу’, ‘туда’.

5. Специфический характер пространственного отношения между движущимся предметом и тем предметом или местом, относительно которого совершается и отмечается данное

движение (‘прочь’, ‘внутрь’, ‘из (стойла)’, ‘вы(бегать)’, ‘в (бегать)’ и пр.).

Обозначение самого движущегося предмета не будет здесь рассматриваться. Что касается движения, то при рассмотрении его обозначения здесь не будут приниматься во внимание различия, отображающие его качество или характер, а по возможности также и общую его направленность (3.); основное внимание будет уделено моментам, выделенным в последних пунктах (4.) и (5.).

§ 197. Предмет или место, относительно которого совершается и отмечается данное движение, естественно, очень часто обозначается существительным: *русск.* ‘она ходила в театр’, ‘на концерты’; ‘он поехал к жене’; ‘дети и внуки вышли на улицу’; *англ.* come into the garden, *нем.* er ging gegen den Hintergrund der Diele, *франц.* ils montèrent dans sa chambre.

Могут употребляться и (субстантивные) местоимения: *русск.* ‘приходите ко мне’; ‘она уехала от него’; *англ.* he took a chair and sat down on it; *нем.* ich drängte mich zu ihm; *франц.* il se mettait par terre, devant elle.

Предмет, по отношению к которому совершается движение, нередко в той или иной мере рассматривается не столько как таковой, т. е. как подлинный предмет, сколько именно как место, которым определяется направление движения. Поэтому такой предмет может обозначаться и наречием или достаточно близким к наречию образованием: *русск.* ‘пойти домой’, ‘приехать из-за границы (из заграницы)’; *англ.* go home, go abroad; *нем.* nach Hause gehen; *франц.* aller a l’étranger.

§ 198. Следует обратить внимание на то, что, например, словосочетание ‘поехал туда’ выступает как более соответствующее по общему смыслу словосочетанию ‘поехал в Ленинград’, чем словосочетание ‘поехал в него’, хотя по своему строению последнее и аналогично словосочетанию ‘поехал в Ленинград’ и пр. Между ‘пойди ко мне’ и ‘пойди сюда’ с точки зрения реального смысла может не быть никакой разницы, хотя смысловое строение, определяемое языковой оболочкой того и другого из этих выражений, существенно различается и отдельные значения в составе того и другого совсем не совпадают (‘ко мне’ — ‘сюда’).

Наречия типа *русск:* 'сюда', 'туда', 'оттуда'; *англ.* here, there (архаичные hither, thither и пр.); *нем.* dorthin, daher; *франц.* ici, là являются очень характерными обозначениями места как такового, в отвлечении от его предметности, т. е. от того, какой предмет является в качестве «места». Так, 'положи это сюда' может быть предложением положить данный предмет на стол, однако стол, обозначенный таким образом через 'сюда', будет при этом характеризоваться не как предмет обстановки и пр., а лишь как место в комнате, на которое можно или нужно нечто положить.

Следует отметить, что наречия этого типа по общему характеру значения являются н а р е ч и я м и м е с т о и м е н н ы м и — в том смысле, что они, как и местоимения, обозначают то или другое соответственно его отношению к речевой ситуации. Так, место, обозначаемое как 'сюда', характеризуется близостью к автору речи, а не какими-либо признаками, принадлежащими этому месту как таковому, независимо от речи о нем. Это важно отметить потому, что местоименность оказывается, при ближайшем рассмотрении, свойственной и определенным наречиям иного типа, причем закономерности употребления и самое число таких наречий могут существенно различаться по языкам и тем самым характеризовать отдельные языки со стороны тех способов, какими в них обозначается направление движения.

§ 199. К наречиям иного типа относятся такие, как *русск.* 'вон' (в 'убирайся вон' и пр.), 'прочь'; *англ.* out, away, in; *франц.* dedans, dessus; *нем.* hinaus, darauf. Их местоименность на первый взгляд не заметна, так как при сопоставлении одного такого наречия с другим прежде всего обращают на себя внимание различия в их значениях, соответствующие различиям в специфическом характере обозначаемых ими пространственных отношений (о чем далее будет сказано подробнее).

Тем не менее местоименный момент в их значениях, более или менее одинаковый в них всех, является важным их признаком, так как он тесно связан с самим их существованием в качестве наречий определенного типа. В самом деле, говоря, например, 'вон', мы имеем в виду некоторое, определяемое ситуацией речи, место, которое во многих случаях могло бы быть обозначено тем или другим существительным, т. е.

названо соответственно его собственным признакам и характеру. Ср.: 'вышиб дно и вышел вон', где речевая ситуация (в данном случае внутренняя, т. е. контекст) с несомненностью определяет то, что слово 'вон' указывает на бочку как на место, из которого происходит удаление, движение наружу (здесь имеется в виду весь относящийся к данному эпизоду контекст, а не только предложение, содержащее в себе слово 'вон'). Но, конечно, слово 'вон' не значит *из бочки* не только вообще, но и в приведенном примере из «Сказки о царе Салтане». Если бы мы попытались раскрыть его значение, то мы должны были бы сказать примерно так: «наружу из того места (или предмета, рассматриваемого как место), о котором идет речь». Местоименный, так сказать, «алгебраический» момент в этом значении, вступая в соединение с тем, что подсказывается контекстом, образует базу для мысли уже об определенном конкретизированном месте (предмете), как, например, в рассмотренном случае о бочке, подобно тому как местоимение 'он' является опорой для мысли о том или ином конкретном лице или определенном предмете и пр. соответственно речевой ситуации.

Интересно отметить, что местоименность, существующая в таких словах, как *русск.* 'вон', 'прочь'; *франц.* dedans; *англ.* out, in и др., как бы в скрытом виде, вполне отчетливо выступает в немецких наречиях вроде hinaus, herein, daraus и пр. Это, конечно, объясняется тем, что здесь местоименность выражена особо — единицами hin-, her-, dar- и т. п., являющимися первыми компонентами наречий этого подтипа. Если в hin- и her- она осложнена и вместе с тем ослаблена указанием на общую направленность движения (удаление — приближение), то в других относящихся сюда наречно-местоименных единицах (dar-, da-; wor-, wo-; hier-, hie-) она выступает очень отчетливо (особенно в da(r)- и wo(r)-, близость которых к местоимениям der — die — das и was очевидна). Широкое применение таких наречий в немецком языке заметно ограничивает использование соответствующих простых наречий, таких, как aus, ein и пр., местоименный момент в которых оказывается сравнительно слабым и может даже совсем отсутствовать — в связи с тем, что эти наречия нередко употребляются не в прямом пространственном значении и не с глаголами движения (ср. aussagen, aufhören; einwenden *возражать*).

Примечание: Так называемые «отделимые приставки» рассматриваются здесь как наречия.

§ 200. Наличие местоименного момента в наречиях типа *русск.* 'вон', 'прочь'; *нем.* heraus, daraus; *англ.* out, away, in и др. очень ясно в некоторых синтаксических построениях, например в таких, как: *русск.* 'Он вошел в комнату и тотчас выбежал вон'; *англ.* The meadow was too wet and we didn't want to walk across; *нем.* Die Brücke war baufällig und er wagte nicht darüber zu fahren; *франц.* J'ai pris la chaise et je suis monté dessus.

Местоименность, однако, в таких случаях может быть нестойкой и при известных условиях исчезать. Так, если будет сказано: 'Он выбежал вон из комнаты', то местоименность наречия 'вон' окажется здесь уже как бы вытесненной из него существительным, обозначающим соответствующее место; естественно, что прямое обозначение данного места делает излишним косвенное, зависящее от ситуации, относительное указание на него, и последнее (т. е. это указание) уже не замечается подобно тому, как бледный отраженный свет луны не замечается при свете солнца — подлинного источника света. В тех случаях, когда пространственное наречие совпадает с предлогом, местоименность в нем уничтожается при употреблении его в качестве предлога; ср.: 'Мы его видели, но он не заметил нас и прошел мимо' — и: . . . 'прошел мимо нас'. Здесь, соответственно ситуации, слово 'мимо', употребленное как наречие, понимается как указывающее на «нас», но оно же, примененное в качестве предлога, уже не играет роли такого указания, поскольку в этом случае данные лица специально обозначаются местоимением ('нас').

В русском языке такое соотношение не является, однако, особенно широко распространенным, так как наиболее употребительные предлоги ('в', 'на', 'к', 'от', 'из' и др.) большей частью не совпадают с наречиями.

§ 201. Иное наблюдается в таком языке, как английский, где как раз совпадение наиболее распространенных предлогов с соответствующими наречиями, т. е. существование предложных наречий, выступающих то в качестве предлогов, то в качестве наречий, представляет собой одну из характерных черт языка. Поэтому утрата пространственными наречиями

типа across, over, on, to свойственной им местоименности происходит очень часто именно в связи с их применением в роли предлогов; ср.: We didn't want to walk across — и: ... to walk across it; What's the name of the man you have sent that letter to?, но, при введении относительного местоимения who(m), to уже выступает в функции предлога, так как будет грамматически связываться с этим местоимением — даже и при том же конечном своем положении: ... the man who(m) you have sent that letter to?

Следует, однако, заметить, что в известных случаях наречная и предложная дифференциация пространственных отношений не совпадают; ср.: He opened the door and went in — но: ... and went into the room; — and went out — но: ... and went out of the room (детали отдельных соотношений в этой области требуют тщательного специального исследования).

Отличные от предлогов французские наречия типа dedans, dessus, dessous, en (которое совпадает лишь по звучанию с предлогом en) и немецкие с dar-, wor- (отчасти и с her-, hin-) и пр. в общем характеризуются устойчивой местоименностью. Поскольку, однако, в таких наречиях, как herein, hinaus, hinauf, существенным является значение общей направленности (приближения — удаления), постольку они могут сопровождать, для подчеркивания такой направленности, субстантивные и другие обозначения соответствующего места; ср.: zu den Sternen hinauf; hinaus von hier. В таких случаях, понятно, местоименность этих наречий будет исчезать так же, как и местоименный момент в русских наречиях типа 'вон', 'прочь' при их аналогичном употреблении (ср.: 'вон из комнаты', 'вон отсюда').

§ 202. Далее следует заметить, что местоименность в том смысле, какой имелся в виду выше, может отчасти содержаться и в самих глаголах, обозначающих то или другое движение.

В самом деле, значение такого глагола, как, например, 'выходить' не является полным без момента местоименности, т. е. без того элемента значения, который можно приблизительно передать через словосочетание 'из некоторого или из данного места': приставка 'вы-' имеет здесь смысл именно постольку, поскольку мыслится то или иное место, откуда совершается движение, причем конкретно это место опреде-

ляется речевой ситуацией (в частности, контекстом). Так, если мы спрашиваем: 'Н. Н. здесь?' — и получаем ответ: 'Он вышел', — то мы понимаем «из комнаты, из помещения, в котором мы находимся» и т. п.; ср. также: 'Он вошел в комнату и через некоторое время вышел уже в пальто и шляпе' (понятно, что «вышел из этой комнаты»). Разумеется, что в случае наличия какого-либо другого, более определенного и полного обозначения места этот местоименный момент в глаголе соответственно ослабевает и практически исчезает. Уже в словосочетаниях типа 'выйти вон' местоименность наречия как бы затмевает местоименность самого глагола, а в случае субстантивного обозначения места последняя делается уже совершенно незаметной (выйти из комнаты).

§ 203. Обратить особое внимание на местоименность при обозначении предмета или места, по отношению к которому совершается и отмечается движение, очень важно потому, что именно при местоименном обозначении такого предмета или места проявляются наиболее отчетливо особенности отдельных языков в этой сфере, и только при ясном понимании существа местоименного обозначения (указания) можно разобраться в этих особенностях по-настоящему. Напротив, при обозначении такого предмета или места посредством существительного не наблюдается существенных типовых особенностей т. е. таких, которые выходили бы за пределы второстепенных и частных лексических различий между языками.

§ 204. В общем можно наметить следующие типовые случаи местоименного обозначения (в принятом здесь смысле), очень неравномерно распределенные по отдельным языкам:

1. Обозначение собственно местоимениями: *русск.* 'Он поехал к ней'; *англ.* He took a chair and got up on it; *нем.* Der Vorsitzende wendete sich ab von ihm; *франц.* Il se mettait par terre, devant elle.

Во французском и немецком языках этот тип представлен, повидимому, преимущественно теми случаями, в которых местоимение относится к лицу, что связано с существованием специальных местоименных наречий, указывающих на вещи, а не на лица.

2. Обозначение специальными местоименными на-

речиями, отличными от предлогов и не относящимися к лицам: *нем.* Er nahm einen Stuhl und stieg darauf; Die Brücke war baufällig und er wagte nicht darüber zu fahren; Sie stürmten herein; *франц.* J'ai pris la chaise et je suis monté dessus и т. п. В английском языке подобные наречия (thereon, therein и пр.), раньше довольно употребительные, в большинстве случаев стали архаизмами или вообще приобрели специфическую стилистическую окраску.

3. Обозначение наречиями, в основном обозначающими направление, не являющиеся специально местоименными, но вместе с тем отличными от предлогов: *русск.* 'Он вышел вон'; 'Убирайтесь прочь!'; *англ.* Stay in your room, don't go out; get away; *нем.* Er kann nicht fortlaufen.

4. Обозначение предложными наречиями, т. е. наречиями, употребляемыми также в качестве предлогов (совпадающими с предлогами): *русск.* 'Приблизившись к дому, он стал бродить вокруг, не решаясь войти'; *англ.* He had no friend to come to for advice (то, что come имеет здесь обычно не прямой смысл, несущественно, так как все же здесь имеется образ движения); The meadow was too wet to walk across; take it off. Этот тип обозначения оказывается особенно характерным для английского языка.

5. Обозначение самим глаголом движения: *русск.* 'Снимите шляпу'; 'Его нет в комнате: он только что вышел'; — ср. также: '... не решаясь войти' — примере приведенном выше; *англ.* He opened the door but did not enter; — the doctor came too late; *франц.* Il est sorti en auto.

Не лишне при этом еще раз подчеркнуть, что, конечно, в различных случаях местоименность далеко не одинакова. В частности, в случаях последнего типа она есть лишь некоторый момент в значении обозначающего движение глагола: 'снять' мыслится как «снять с чего-либо»; *англ.* enter — enter a certain place и т. п. Но, разумеется, здесь есть известная разница между отдельными случаями, и, в частности, здесь следует отличать случаи с приставочными глаголами (вроде *русск.* 'выйти', 'войти', отчасти может быть и 'снять' и пр.), где направление движения обозначено особо (приставками), от случаев типа *англ.* enter, в которых направление движения обозначается совершенно слитно с обозначением самого движения, т. е. как особо не выделяемый признак самого движения. Тем самым, естественно, в разной мере ясным

является и указание на предмет или место, по отношению к которому совершается и отмечается движение.

§ 205. Теперь возможно перейти к рассмотрению специфического характера пространственного отношения между двигающимся предметом и тем предметом или местом, относительно которого совершается и отмечается данное движение.

Это в основном и имелось в виду, когда говорилось о направлении движения, и это и будет преимущественно пониматься под направлением движения и в дальнейшем, поскольку общая направленность движения (приближение — удаление) выделяется особо, хотя специально рассматриваться здесь она и не будет (см. § 196).

Направление движения (в смысле специфического характера пространственного отношения) обозначается очень различно, и вместе с этим очень различным оказывается соотношение между его обозначением и обозначением предмета или места, относительно которого совершается и отмечается движение. Здесь, как и при обозначении самого такого предмета или места (что было рассмотрено выше), наблюдаются существенные различия и между языками, и в пределах одного и того же языка, причем отдельные типовые случаи очень различно распределены по разным языкам.

В общем, в рассматриваемых здесь языках можно выделить такие основные типовые случаи.

§ 206. Обозначение специальными наречиями. Здесь наблюдаются, далее, различные подразделения соответственно тому, насколько отчетливой местоименностью характеризуются данные наречия и насколько тесно соединяются они с определяемыми ими глаголами; ср.: *русск.* 'бежать прочь', 'убирайтесь вон!'; *англ.* go out, get away; *нем.* fortlaufen (т. е. собственно fort laufen); может быть, приближается сюда и *франц.* s'en aller; *русск.* 'бродить вокруг', 'ехать мимо', 'сесть рядом'; *англ.* walk across, take off; *нем.* hinausgehen, hereinstürmen; daraufsteigen, darüberfahren; *франц.* monter dessus, mettre dessous, mettre dedans и пр.

Можно заметить, что увеличение четкости местоименного момента в общем соединяется с ослаблением связи между наречием и глаголом, хотя эта связь определяется и другими

условиями, почему здесь нет простой пропорциональности; ср., например, более тесную связь в 'бежать прочь' и менее тесную в 'сесть рядом'. Здесь, очевидно, необходимо учитывать и частные чисто фразеологические особенности отдельных словосочетаний.

§ 207. Обозначение предлогами: *русск.* 'поехать к жене, к ней'; 'положить на стол'; 'взять стул и сесть на него'; 'бродить вокруг дома'; *англ.* walk across the street; take a chair and get on it; *нем.* auf den Tisch, unter den Tisch legen, über die Brücke fahren; *франц.* aller à Paris и т. п.

В этих случаях значение направления движения выступает очень четко: оно выражается отдельным словом (предлогом) и вместе с тем не соединяется со значением местоименности в этом же слове, так как предмет или место, по отношению к которому происходит и отмечается движение, является здесь обозначенным особо — тем существительным или местоимением, которое сочетается с предлогом. В этом смысле такое построение может быть названо аналитическим — в отличие от синтетического построения с наречиями в случаях, приведенных в § 206. Однако нужно подчеркнуть, что никаких аналитических форм (аналитических падежей) здесь не образуется: сочетания с предлогами остаются сочетаниями слов, и следовательно, явлениями синтаксиса (и фразеологии), а не формообразования, не морфологии.

§ 208. Обозначение посредством глагольных приставок: *русск.* 'выйти', 'войти', 'подлезть', 'перешагнуть'; *англ.* entomb, remove, export; *франц.* enfiler, enfoncer, décrocher и т. п.

Легко заметить, что взаимоотношение между приставкой и корнем глагола в различных случаях не одно и то же: в одних случаях приставка лишь добавляет к значению движения, содержащемуся в самом глагольном корне, значение определенного направления ('войти', 'подлезть' и пр.), в других же случаях само значение движения получается лишь в результате взаимодействия значения приставки и значения корня (en-tomb и т. п.). Возможны, понятно, и разного рода переходные случаи. Общим, однако, во всех подобных случаях является то, что определенное направление движения все же так или иначе обозначается посредством приставки (так,

например, приставка en- в entomb явно обозначает направление движения внутрь, хотя и вообще само изображение погребения как движения получается лишь в связи с употреблением этой приставки: в русском ‘погребать’, ввиду отсутствия подобной приставки, погребение изображается иначе, что, однако, не значит, что оно понимается иначе).

§ 209. Обозначение посредством самих глагольных корней. Здесь имеются в виду такие случаи, как *англ.* rise, sink, enter (вряд ли здесь можно говорить о выделении en- как приставки: не потому, что -ter непонятно, а потому, что для трактовки en- как приставки требовалось бы, повидимому, безударность этого элемента); *нем.* steigen, sinken; *франц.* monter, sortir и пр. Сюда же примыкают случаи, вроде *русск.* ‘подниматься(ся)’, где приставка (может быть, еще и не окончательно «сплавившаяся» с корневой частью) не выступает как морфема, сосредоточивающая в себе функцию обозначения направления. Все подобные случаи являются более или менее единичными, изолированными, и вместе с тем направление обозначается в них в сравнительно общем виде, недостаточно конкретизировано, почему эти случаи стоят более или менее особняком по отношению к рассмотренным выше. Поэтому здесь можно будет ограничиться лишь кратким их упоминанием.

Напротив, очень важно обратить внимание на различные сложные случаи, которые, хотя они и не содержат каких-либо особых, не упомянутых ранее элементов, достаточно отчетливо выделяются определенным сочетанием тех или других из этих элементов, причем данное сочетание выступает не как единичное, но как типовое и характерное для соответствующего языка в известных пределах (т. е. в известных условиях его применения).

Наиболее важными представляются следующие случаи:

§ 210. Обозначение специальными наречиями и, вместе с этим, предлогами. Ср.: *русск.* ‘уехать прочь из города’, ‘пошел вон из комнаты’; *англ.* go away from here, rush out of the room.; *нем.* aus der Stadt hinaus ins Grüne fahren; *франц.* aller hors de la ville и т. п.

Здесь нельзя не заметить, что между отдельными случаями, в общем относящимися сюда, имеются более или менее

существенные различия. Так, в некоторых случаях наречие и предлог обозначают одно и то же направление (‘вон из’, away from и др.), причем, однако, предлог может вносить известное уточнение (‘прочь из’, ‘прочь с (о)’, например, в ‘убрать прочь со стола’). В других же случаях наречие и предлог обозначают, собственно, разные направления (разные конкретные пространственные отношения), но они оказываются совместимыми друг с другом, потому что относятся к разным предметам: понятно, что одно и то же движение по отношению к разным предметам может иметь различное направление (hinaus ins Grüne fahren: hinaus имеет в виду die Stadt и т. п., тогда как in — das Grüne, т. е. совсем другое место; движение же fahren, оставаясь одним и тем же, понятно, оказывается разнонаправленным по отношению к двум данным разным местам: aus der Stadt, но ins (in das) Grüne; ср. у Гейне kling hinaus ins Weite, kling hinaus bis an das Haus... (“Frühlingslied”).

Повидимому, в тех случаях, когда наречием и предлогом обозначается в общем одно и то же направление, совместное употребление того и другого, если оно не делается традиционным и постоянным, естественно оказывается эмфатическим; ср.: ‘уехать прочь из города’ и просто ‘уехать из города’ и т. п.

В известных случаях сочетание наречия с предлогом может, так сказать, уплотняться и превращаться в большей или меньшей степени в сложный предлог (так, *англ.* out of в очень значительной степени имеет характер уже не просто сочетания наречия с предлогом, а сложного предлога; в меньшей мере, но все же отчасти также приближающимся к сложному предлогу представляется *франц.* сочетание hors de). Различные особенности отдельных таких сочетаний требуют специального исследования и не могут быть рассмотрены здесь.

§ 211. Обозначение посредством предлога и приставки. Этот способ является в высшей степени типичным для русского языка: ‘выйти из комнаты’, ‘въехать в город’, ‘влезть на стул’, ‘перелезть через забор’ и т. п.

В других языках, примеры из которых здесь приводились — в частности в английском, применение такого обозначения является более или менее редким ввиду того, что в них глаголы движения с приставками, обозначающими направление,

вообще менее распространены и в соответствующих случаях направление движения обозначается или (1) только предлогом (go into the room; über den Zaun klettern), или (2) предлогом в соединении с глаголом, обозначающим направление самим своим корнем (sink into the water; auf den Stuhl steigen), или (3) таким глаголом без предлога (enter the room), или (4) сочетанием предлога с наречием (get up on the chair), или (5) одним только наречием, которое вместе с тем (местоименно) обозначает и самый предмет, по отношению к которому совершается и отмечается движение (daraufklettern, также get away), или (6) подобным наречием в сочетании с таким глаголом, сам корень которого обозначает направление (sink down).

§ 212. Сравнительно беглое рассмотрение различных случаев обозначения направления движения, в частности именно — известных типовых способов обозначения предмета или места, относительно которого совершается и отмечается движение, и специфического пространственного отношения между этим предметом и самим двигающимся предметом, приводит к следующим выводам:

1. В различных (в общем даже довольно близких друг к другу) языках применяются в этой области как различные, так и одинаковые или подобные приемы, причем, однако, распределение одинаковых или подобных приемов оказывается все же очень различным по отдельным языкам, почему в целом каждый язык характеризуется специфической системой обозначения направления движения.

2. Такая специфичность наиболее ярко проявляется в том: (а) как обозначается предмет или место, относительно которого происходит и отмечается движение, в тех случаях, когда такой предмет или такое место обозначается местоименно (в широком смысле слова, т.е. не называется посредством существительного или аналогичного, по своему номинативному характеру, наречия); (б) как обозначается само конкретное направление, т.е. специфическое отношение между упомянутым выше предметом или местом и самим движущимся предметом.

3. Важнейшим различием в обозначении предмета или места, относительно которого совершается и отмечается движение (при местоименном его обозначении), является разли-

чие между его субстантивно-местоименным обозначением ('к ней', 'на него'; *франц.* devant elle; *нем.* vor ihn; *англ.* to him, on it) и обозначением адвербиально-местоименным (очень характерным для французского и немецкого языков, в меньшей степени для английского: *франц.* dessus, dedans; *нем.* darauf, darin, daraus и пр.; *англ.* thereon, therein и т. п. — в ограниченном употреблении, простые предложные наречия over, on, in и пр. — в определенных построениях: a chair to sit on, the man sent to). При этом различие между тем и другим обозначением может связываться с различием лица и «нелица» (характерно для немецкого и французского языков). Далее, адвербиально-местоименное обозначение подразделяется на специально местоименное (во французском и немецком, сюда же относятся английские наречия с there, here, where) и на неспециально местоименное (*англ.* предложные наречия).

4. Что касается направления движения, то оно обозначается: (а) как наиболее самостоятельно выделяемый момент — наречием (*русские* 'прочь'; *нем.* hinaus; *англ.* away, out); (б) как преимущественно отношение предмета к движению другого предмета — предлогом (особенно в тех случаях, когда предлог не совпадает с наречием, как, например, *русск.* 'в', 'на'; *франц.* en, sur); (в) как характеристика самого движения, как особая его модификация — приставкой при глаголе (или, в более ограниченных случаях, самим глагольным корнем). Понятно, что все эти различные способы обозначения направления не противоречат друг другу и в принципе, а иногда и фактически, все они могут сочетаться между собой (ср. *русские* 'выйти из комнаты', 'влезть на стул', 'перелезть через забор'; *англ.* get up on a chair, fall down on the floor).

В заключение нужно добавить, что многие случаи, внешне очень близкие друг к другу, внутренне могут существенно различаться, вследствие чего в пределах отдельных типов выделяются различные подтипы и варианты и между отдельными типами оказываются возможными переходы. Так, например, предложные образования вроде русские: 'через забор', 'на стол', 'от окна' отличны от соответствующих английских over the fence, on the table, from the window, поскольку предложные единицы в последних являются в общем предложными наречиями, тогда как русские предлоги 'на', 'от' и т. п., а обычно и 'через' и пр., — только предлогами, т. е. не функ-

ционируют в качестве наречий. Тем самым в таких английских образованиях предложный тип обозначения направления не является столь отчетливо выраженным, как в подобных им русских: там имеется большее или меньшее приближение к собственно наречному типу, особенно значительное в случаях с предлогами вроде over, которые шире употребляются в качестве самостоятельных наречий, чем такие, как on, from (так, например, jump over the fence неизбежно сближается с jump over). Это, вероятно, находится в тесной связи с относительной неупотребительностью глагольных приставок направления в английском языке.

3. Дифференциация слов по различным сферам применения языка и стилистическая дифференциация слов

§ 213. Контекстная, или тематическая, классификация слов тесно связана с определением и разграничением различных контингентов слов соответственно разным сферам применения языка: слов обще-литературных, специально книжных или, наоборот, фамильярно-разговорных, жаргонных, диалектальных, поэтических, научных и технических вообще и специфических для отдельных конкретных отраслей науки и техники и т. п. Внутри тематических областей лексики важно отмечать, какие слова относятся к общелитературному образцу, какие являются специально поэтическими, какие техническими и т. д.

§ 214. Разнесение словаря по сферам применения языка наталкивается на очень большие объективные трудности, поскольку, естественно, точных граней между отдельными сферами употребления установить нельзя. Слова переходят из одной сферы в другую и могут занимать более или менее неопределенное положение, но принципиальное различение слов, принадлежащих разным сферам, необходимо, так как в противном случае система лексики данного языка будет представлена в превратном виде. Так, например, детализированность технической терминологии может быть частично принята за богатство синонимики в данной области.

Трудности, встречающиеся при такой классификации могут

быть проиллюстрированы следующим примером. Так, например, слова dog *собака* и cat *кошка* и т. п. могут, теоретически рассуждая, рассматриваться как зоологические термины. Однако, для говорящих это уже обычные слова, употребление которых в повседневной разговорной речи и других стилях является вполне нормальным. Напротив, если взять название какого-либо вымершего животного, например, ichthyosaurus *ихтиозавр*, то оно выступит уже в качестве несомненного специального термина. Что касается таких слов, как elephant *слон* и tiger *тигр*, то они при такой классификации будут, повидимому, располагаться где-то посередине между общеупотребительными словами и специальными терминами, причем точное их место будет в большой степени зависеть от степени общей культуры общества. Можно быть уверенным, например, что древнеанглийские слова со значениями *тигр* и *слон*, несомненно принадлежали к сугубо специальной области словарного состава древнеанглийского языка и ни в какой степени не являлись общеупотребительными.

§ 215. Особое место занимает стилистическая классификация слов, отчасти соприкасающаяся с их распределением по различным сферам применения языка, поскольку язык в отдельных сферах его применения отличается определенными стилистическими особенностями.

Стилистическая классификация не является семантической в узком смысле этого слова, так как различие в стилистическом характере двух слов не есть различие в их значении. Кроме того эмоционально-экспрессивные, стилистические моменты, как бы они порой не привлекали к себе внимания, не могут быть поставлены наравне с моментами собственно семантическими, интеллектуальными, относящимися к выражению именно мыслей и обмену мыслями и являющимися наиболее специфическими для языка. (Подробнее см. § 45.)

§ 216. Вместе с тем стилистическая классификация все же не может быть признана совершенно несвязанной с семантикой, так как:

1. Сам стилистический характер слова или его стилистическая окраска есть особый характер или окраска его значения.

2. Стилистически различные слова в очень большом числе случаев являются синонимами, и таким образом стилисти-

ческая классификация тесно связана с изучением синонимики, а следовательно — и с логической классификацией слов (значений): см. § 189.

3. Стилистические различия нередко бывают связаны и с семантическими различиями в собственном смысле (см. § 45). В некоторых случаях слово определенной стилистической окраски имеет значение, достаточно близкого к которому нет ни у одного слова с другим стилистическим характером, в частности у слов специально научных, технических и т. п. (ср., например, русское 'витязь'). У слов специально научных между значением и стилистической окраской существует тесная связь: слово, являющееся специальным термином какой-либо науки и технической отрасли и не вошедшее в общий язык, тем самым обладает и специфическим стилистическим характером «ученого» или «технического» выражения: ср., например, такие языковедческие термины, как paradigm *парадигма*, phoneme *фонема*, conversion *конверсия* и т. п.

4. У некоторых слов тот или другой стилистический характер соединен с каким-либо одним из значений каждого из них: ср. *англ.* eve: в значении *канун* это слово в стилистическом отношении нейтрально, принадлежит «общему стилю», в значении же *вечер* является словом поэтического стиля.

§ 217. Стилистическая классификация слов имеет связь с группировкой слов по признаку эмоциональной окраски их значения. Так, например, слова торжественно-поэтического стиля имеют явно иную эмоциональную окраску, чем слова, характерные для фамильярно-бытового стиля речи; слова же официально-делового стиля могут выделяться нарочитым отсутствием какой-либо эмоциональной окраски, так сказать, нулевой эмоциональной окраской.

Однако классификация слов по признаку их эмоциональной окрашенности, конечно, не совпадает полностью со стилистической их классификацией: в системе одного и того же стиля могут встречаться слова, эмоционально совершенно различно окрашенные. С другой стороны, одна и та же эмоциональная окраска может иметься у синонимов, принадлежащих разным стилям. Далее нужно заметить, что эмоциональная окраска еще теснее связана с собственно семантикой слова, чем его стилистическая окраска. Так, эмоциональная окраска ласка-

тельности в русском языке сплетается с семантическим оттенком уменьшительности — и одно может незаметно переходить в другое.

§ 218. Особый интерес представляет явление, которое в английской лингвистической литературе получило название слэнга.

С одной стороны, понятие слэнга тесно связано с представлением о яркой эмоционально-экспрессивной окраске слов. Вместе с тем, по происхождению слэнг в большинстве случаев представляет собой лексику, свойственную одной ограниченной профессиональной, социальной или другой какой-либо особой группе населения. Генетически слэнг это, очевидно, разговорный или фамильярный стиль речи в определенной специальной области. Будучи применяем в пределах этой области, слэнг имеет не бо̀льшую эмоционально-экспрессивную окраску, чем имеет вообще, например, разговорный стиль по сравнению с книжным или поэтическим. Особую стилистическую окраску, особую силу эмоциональной выразительности слэнг получает тогда, когда он употребляется не в данном ограниченном кругу людей, а выносится на более широкую арену, употребляется людьми, не имеющими прямого отношения к данной профессии или данной социальной группировке.

§ 219. В заключение необходимо заметить, что такие явления в лексике, как синонимы, антонимы, метафорическое словоупотребление, архаизмы и т. п. не должны в сущности представлять особых тем лексикологического курса. Они, эти явления, должны, конечно, отмечаться, при описании и анализе лексической системы данного языка, но отмечаться лишь попутно, постольку, поскольку это целесообразно для освещения той или иной основной темы. Знание и понимание таких лексических явлений должно помогать разобраться в сложной системе лексики, но ознакомление с этими явлениями как таковыми в сущности относится к курсу введения в языкознание или к тому, что некогда называлось теорией словесности, но не к курсу лексикологии конкретного языка. Конечно, в случае надобности могут даваться те или иные пояснения относительно отдельных типичных явлений в лексике, — в виде ли примечаний или особого вводного раз-

дела, или в какой-нибудь иной форме, — но важно то, чтобы разъяснение таких явлений не делалось в курсе лексикологии самоцелью.

Так, например, лексиколог должен показать, какова роль синонимики в известных типичных семантических группах слов, каково ее значение для дифференциации языка по сферам его употребления, каково ее отношение к различию стилей, но его темами при этом должны быть семантические группы слов, дифференциация соответственно сферам его употребления, стилистическая его дифференциация, но синонимика данного языка — как таковая не должна быть особой темой, так как совокупность синонимов не образует реальной группы, частной лексической системы в составе общей системы лексики данного языка.

Глава VI

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Общая характеристика фразеологических единиц

§ 220. К системе лексики, как уже было сказано, относятся не только отдельные слова (см. § 15), но и такие словосочетания, которые играют роль цельных лексических единиц, более или менее равносильных словам (ср. *русск.* 'иметь в виду', 'железная дорога', 'равно как', 'несмотря на'; *англ.* to take care, court of justice, there is, in order (+ to); *франц.* être assis, chemin de fer, c'est à dire, il'y a; *нем.* vertraut sein, machen, es gibt, von Haus aus и т. д. В той мере, в которой подобные словосочетания играют роль цельных слов, они, естественно, должны рассматриваться наряду с последними и могут соответствующим образом классифицироваться вместе с цельными словами, что дает возможность, в частности, описать их семантические взаимоотношения и связи с различными лексическими единицами.

§ 221. Типичная фразеологическая единица уподобляется одному целому слову тем, что отношение между ее частями идиоматично, благодаря чему она обладает значительной семантической цельностью и включается в речь именно как одна единица. При этом важно подчеркнуть, что ее части в основном относятся друг к другу как компоненты сложного слова, а в целом фразеологическая единица подобна слову как лексеме, а не отдельной форме слова (словоформе): фразеологическая единица, эквивалентная грамматически изменяемому слову, включаясь в речь, грамматически изменяется лишь в одном своем компоненте, хотя грамматически оформ-

ленными (раздельнооформленными) оказываются оба компонента фразеологической единицы: ср. take care, takes care, took care, taking care, taken care и т. п. — с изменением первого компонента фразеологической единицы.

§ 222. В этой связи стоит обратить внимание на следующее.

Типичное слово, такое, как table *стол*, day *день*, see *видеть*, live *жить*, характеризуется специфической выделимостью в речи благодаря тому, что в нем совпадают три признака:

1. Грамматическая цельнооформленность.

2. Цельность, неделимость каждого данного собственно лексического значения.

3. Существование как готовой единицы в языке.

Повидимому, для выделения слова вообще как определенной, и притом — важнейшей, языковой единицы существенно, чтобы все три признака в большом числе случаев действительно совпадали. Однако, поскольку таким образом в строении и составе языка вообще выделяется такая единица, как слово, в отличие от морфемы и от словосочетания, постольку возможным оказывается образование слов, и не обладающих указанными признаками.

§ 223. Прежде всего оказывается возможным пополнение словарного состава языка так сказать «на ходу», т.е. в процессе речи, путем создания новых слов по определенным образцам. Так, например, имея надобность обозначить явление «каменистости», можно тут же создать по образцу слов happiness *счастье*, dirtiness *неопрятность* и пр., слово stoniness, которое нельзя признать существующим в готовом виде в английском языке. Будучи во всем подобно по своему строению готовым словам английского языка, оно будет введено в речь вполне как готовое слово, т.е. как некоторая целая, заранее данная единица, а не по частям, соединяющимся только в самом процессе речи: не как ston(e)- + -i- + -ness. Таким образом, существование готовых слов, характеризуемых определенным строением, придает и вновь образуемым по данному типу единицам характер как бы уже готовых слов, т.е. делает их совершенно так же выделяемыми в речи, как если бы они были уже известны как целые единицы-слова.

§ 224. Лексико-семантически некоторая единица также может быть и не монолитной, недостаточно цельной, и все же она будет выделяться как слово, т.е. в качестве слова, если она обладает другими признаками слова. Так, в слове blue-eyed вполне четко выделяются компоненты *-голубо-* и *-глаз-*, но тем не менее мы относим это образование к словам, а не к словосочетаниям: оно грамматически оформлено как одно целое типичное слово (т. е. как обладающее всеми тремя признаками слова) и является вместе с тем готовой единицей.

§ 225. Могут быть и такие образования, которые не будут отличаться ни семантической цельностью, ни воспроизводимостью в качестве готовых единиц языка, и вместе с тем они должны быть признаны словами на основе наличия у них признака цельнооформленности. Возможно, например, такое образование, как scarlet-eyed *алоглазый*, которое не может быть признано входящим в постоянный состав английского языка и вместе с тем не обладет семантической цельностью, подобно словам blue-eyed. Но его грамматической цельнооформленности вполне достаточно для выделения его в качестве слова. То, что оно является не готово данным и не семантически монолитным, оказывается в общем не решающим.

§ 226. Итак, как уже было сказано выше (см. § 225), грамматическая цельнооформленность сама по себе является достаточным признаком для отнесения данного образования к числу слов. Это понятно из того соотношения, которое существует между словом и грамматическим строем языка. Словарный состав языка поступает в распоряжение грамматики, которая представляет собой собрание, совокупность правил изменения и сочетания с л о в в предложениях. Таким образом грамматический строй языка обнаруживается прежде всего и преимущественно в том, как с л о в а (являющиеся частями словарного состава языка) выступают в связной речи в отвлечении от их лексической конкретности (так как грамматика абстрагируется от конкретности отдельных слов). Следовательно, грамматическая характеристика слова как целого образования, являющегося и лексической единицей — частью словарного состава, и той единицей, которая выступает как

непосредственно используемая в связной речи, в предложениях, представляет собой как бы связующее звено между словарным составом и грамматическим строем языка и поэтому оказывается существеннейшей характеристикой слова.

Грамматическое оформление слова отделяет его от единиц, соседних с ним в речи, и вместе с тем определяет его отношения к этим единицам.

§ 227. Обращаясь к фразеологическим единицам, мы прежде всего замечаем, что они представляют собой семантически цельные образования, причем их семантическая цельность основана на идиоматичности (см. § 36).

По своему строению они подобны обычным сочетаниям слов в предложении, т. е. являются образованиями раздельнооформленными. Например, такая фразеологическая единица, как (to) take the chair в значении *председательствовать, открыть заседание*, четко выделяется как особая единица языка, обладающая, благодаря своей идиоматичности, большой семантической цельностью, несмотря на то, что по своему строению это образование не отличается от свободного соединения слов (to) take the chair *взять стул*, значение которого непосредственно вытекает из совокупности значений, входящих в него слов (ср. также фразеологическую единицу a rainy day *черный день*, входящую, например, в поговорку (to) lay for a rainy day *откладывать на черный день* с аналогичным по структуре соединением слов a rainy day *дождливый день*).

Таким образом, фразеологическая единица, имеющая строение свободного, собственно грамматического сочетания слов в предложении, отличается от последнего своей идиоматичностью, благодаря чему она обладает значительной семантической цельностью и включается в речь именно как одна единица.

В отличие же от целых слов, в том числе и от сложных слов, характеризующихся цельнооформленностью, фразеологические единицы являются образованиями раздельнооформленными (ср. *англ.* I fall in love, he falls in love, I fell in love и т. д.; *русск.* ‘железная дорога’, ‘железной дороги’ и т. д.).

Так как компоненты фразеологических единиц совпадают

с какими-либо словами, входящими в свободные словосочетания с другими словами (ср. *англ.* fall in love, best man *шафер; русск.* 'спустя рукава', 'дом отдыха'), или хотя бы имеют оформление слов (ср. *русск.* 'ни зги не видно', где 'зги' явно оформлено и конечным '-и', и построением всего образования в целом, как родительный падеж единственного числа существительного женского рода), фразеологические единицы обыкновенно могут рассматриваться как особого рода (а именно — идиоматичные) словосочетания, которые входят в состав языка, а не образуются свободно в речи.

Таким образом, компоненты фразеологических единиц можно и нужно считать словами, но только специфически употребленными. То, что некоторые слова, вроде 'зги', окажутся иначе и не употребляемыми, не меняет сути дела, подобно тому, как, например, недостаточность отдельных глаголов (неполнота их парадигм: *англ.* can, may, must и т. п.) не меняет общей системы спряжения в целом и не делает эти глаголы неглаголами.

Раздельнооформленность фразеологических единиц является существенным их отличием от целого (хотя бы и сложного) слова, почему они и выделяются в особую группу сложных образований и характеризуются как единицы ф р а з е о л о г и ч е с к и е в отличие от слов — единиц с о б с т в е н н о л е к с и ч е с к и х.

§ 228. Указанная значительная семантическая цельность (идиоматичность) фразеологических единиц может проявляться в различных внешних особенностях этих языковых образований и таким образом в ряде случаев может быть непосредственно прослежена.

В частности, необходимо указать на следующие особенности фразеологических единиц, могущие подчеркивать их семантическую цельность:

1. У фразеологических единиц типа (to) give up (см. § 235) *отказаться*, *оставить*, оказывается невозможным инвертированный порядок слов, вполне возможный у свободного сочетания глагола с наречием: можно сказать in ran the boy вместо обычного порядка слов the boy ran in, или up went the prices вместо the prices went up, но совершенно исключено *up gave I it или даже *up picked he the book вместо обычных I gave it up и he picked up the book.

2. Точно так же фразеологические единицы типа in time, *во-время*, by means of *посредством, путем*, in front of *впереди чего-либо* и т. п. характеризуются неупотреблением положительного артикля перед существительным, входящим в состав данного словосочетания.

§ 229. Поскольку фразеологическая единица включается в речь именно как целая единица и функционирует в речи как одно целое слово, она оказывается известным «эквивалентом слова». Эквивалентность фразеологической единицы слову (ее уподобление слову) состоит в том, что фразеологической единице присущи два характерных признака типичного слова: семантическая цельность и существование как готовой единицы в языке, ее воспроизводимость в речи.

В качестве эквивалентов слова как своего рода кусков строительного материала языка, фразеологические единицы могут быть отнесены к области лексики — в широком смысле этого слова. Но правильнее, может быть, выделять систему фразеологических единиц как особую область в лексической системе языка. Во всяком случае, необходимо отметить, что соединение частей фразеологической единицы, даже будучи совершенно подобным соединению слов в предложении, все же не является действительно таковым, так как оно не производится в процессе речи, ибо в распоряжение грамматики поступают не отдельные части фразеологической единицы, а вся единица, как готовое целое, хотя ввиду ее раздельнооформленности отдельные ее части и могут грамматически изменяться, но это изменение лежит не в плане введения в речь каждой из них в отдельности, а в плане введения всей единицы в целом.

§ 230. От фразеологических единиц следует отличать, с одной стороны, обычные или традиционные словосочетания, которые, хотя и повторяются бесконечное число раз в речи, не представляют собой эквивалентов слов. Так, например, такие словосочетания, как rough sketch *черновой набросок, эскиз*, nice distinction *тонкое отличие*, (to) take an examination *сдавать экзамен* и т. п., являются привычными и обычными в языке, многократное число раз воспроизводимыми в речи подобно фразеологическим единицам. Однако относить их к числу последних и, следовательно, считать эквивалентами

слов было бы неправильным: какой-либо идиоматичностью словосочетания подобного рода не обладают, их общее значение выводится из суммы значений их компонентов. Идиоматичность же, как об этом говорилось выше, является основным моментом, характерным для фразеологической единицы, который отличает ее от соединений слов, возникающих в процессе речи, в процессе создания предложения.

С другой стороны, фразеологические единицы следует отделить от особого вида идиоматических словосочетаний, которые можно было бы назвать собственно идиомами.

Существо отличия собственно идиом от фразеологических единиц состоит в следующем.

Фразеологические единицы, повседневно употребляемые в речи англичанина, такие, как (to) get up *вставать (просыпаться)*, (to) fall in love *влюбиться*, (to) be surprised *быть удивленным* и т. п., входят в основную ткань языка, являются его неотъемлемой и совершенно необходимой составной частью. Для них характерно то, что они лишены какой бы то ни было образности, метафоричности. Если иногда и можно было бы говорить о некотором образе, лежащем в основе той или иной фразеологической единицы, то только в плане ее происхождения. В современном же языке эта образность никак не осознается, метафора, лежащая в ее основе, является мертвой. Говорящий обычно обращает столько же внимания на ее внутреннюю форму, как и при употреблении любого слова, имеющего четкую смысловую структуру.

Совершенно другую, существенно отличную область представляют собственно идиомы. Они являются идиоматичными словосочетаниями, основанными на переносе значений, на метафоре, ясно осознающейся говорящими. Характерным моментом для собственно-идиом является их яркая стилистическая окраска, эмоциональная насыщенность, отход от обычного нейтрального стиля. В качестве примеров идиом могут служить такие словосочетания, как (to) take the bull by the horns или (to) wash one's dirty linen in public, которым в русском языке соответствуют выражения, тоже имеющие в своей основе некоторый образ: 'взять быка за рога' и 'выносить сор из избы'.

2. Классификация фразеологических единиц в современном английском языке

§ 231. Рассматривая вопросы словообразования, мы видели, что слова по своей структуре делятся в общем на две большие группы: одна группа слов объединяется по признаку наличия у них лишь одной корневой морфемы (производные слова), другая группа — по признаку наличия у них двух и более корневых морфем (сложные слова) (см. § 76). С точки зрения семантики первая группа слов может быть охарактеризована как группа слов с одним семантическим центром, а вторая группа слов — как группа слов с двумя или несколькими семантическими центрами.

Выше уже указывалось (§ 221), что части фразеологической единицы соотносятся между собой в основном как компоненты сложного слова. Действительно, такие типичные «классические» фразеологические единицы, как приводившиеся выше to take the chair и best man, подобны сложным словам в том отношении, что в них выделимы компоненты более или менее равного и полного семантического веса, подобно тому, как, например, в сложном слове shipwreck выделяются приблизительно равноправные в семантическом отношении компоненты -ship- *-корабле-* и -wreck- *-крушение-*. Разумеется, что эта аналогия не является полной: сложное слово в силу своей грамматической цельнооформленности отличается значительно большей, чем фразеологическая единица, семантической цельностью (см. § 36). Однако здесь важно подчеркнуть другое: не семантическую сплоченность компонентов, а их примерно однинаковый семантический вес.

§ 232. Возможны, однако, фразеологические единицы и другого рода, а именно — подобные не сложным, а производным словам.

Для того, чтобы фразеологическая единица была подобна производному слову, необходимо, очевидно, чтобы семантически полнозначным был лишь один ее компонент — аналогично тому, что мы находим у производного слова, у которого семантически полнозначной выступает только одна, корневая морфема, а другая, или другие, являются семантически подчиненными.

Одним из видов фразеологических единиц, подобных не

сложным, а производным словам, представляются такие фразеологические единицы, как (to) be tired *быть усталым,* (to) be surprised *быть удивленным.* С одной стороны, — это несомненно некоторые готовые комплексы, существенно отличные от свободных соединений с глаголом-связкой (to) be в случаях типа (to) be old, (to) be small и пр. С другой стороны, — это и не формы пассива от (to) tire и (to) surprise (ср. He was surprised at the news в отличие от ... by the news); ср. также (to) be aware *знать,* где слитность частей еще более специфическая.

Фразеологическими единицами, подобными производным словам, являются также широко распространенные в английском языке сочетания глаголов с предложными наречиями (см. § 204, пункт 4) — такие, как (to) give up и т. п.

У таких фразеологических единиц семантически полнозначным элементом выступает лишь глагол; наречие же в составе всего словосочетания воспринимается как нечто дифференцирующее, играющее лишь подчиненную роль.

Примечание: В русском языке также имеются фразеологические единицы типа (to) be tired. Легко заметить, что соотношение частей в *быть готовым (что-либо сделать)* отлично от того, какое мы находим *в быть готовым* в смысле *быть сделанным, законченным* (ср.: 'Он был готов согласиться' и 'Костюм был уже готов'). Последнее не образует целой единицы, и глагол-связка выступает в нем в такой же роли, как в сочетании *быть полным, исправным* и пр.

§ 233. Понятно, что возможны и свободные сочетания семантически неравноправных слов. Такие сочетания, не будучи фразеологическими единицами, все же будут в известных отношениях подобны производным словам, если они все же представляют собой особо выделимые словосочетания, а не вообще соединения слов. «Словосочетание — это сочетание слов, организованное по законам данного языка и выражающее какое-нибудь понятие, хотя и сложное ...», — пишет акад. В. В. Виноградов.* «Это — свободный эквивалент фразеологической единицы». Но так как фразеологическая единица есть эквивалент слова, то и свободное словосочетание, являющееся эквивалентом фразеологической единицы, оказывается

* В. В. Виноградов. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия, Вопросы синтаксиса современного русского языка, Москва, 1950, стр. 42.

также в какой-то мере эквивалентом слова. И если фразеологическая единица имеет сходство именно с производным словом, то и свободное словосочетание, подобное по строению такой единице, будет приближаться к производному слову. Такого рода свободными словосочетаниями представляются в английском языке сочетания с артиклем.

Таким образом, подобными производным словам (в семантическом отношении!) могут быть как фразеологические единицы, так и свободные словосочетания: существенно лишь то, чтобы полнозначным был один компонент.

Различие же между обоими случаями будет состоять в том, что фразеологические единицы окажутся ближе к идиоматическим готовым производным словам (ср. *англ.* reader *хрестоматия; русск.* 'керосинка' и пр.), тогда как свободные словосочетания соответствующего типа — к словам неидиоматичным, свободно образуемым в речи (ср. *англ.* yellowishness *желтоватость; русск.* 'пуменок' *детеныш пумы).*

§ 234. Из всего сказанного выше следует, что в современном английском языке возможно выделить два структурно-семантического типа фразеологических единиц. Одни из них, подобные производным словам, имеют один семантически полнозначный элемент и могут быть условно названы одновершинными. У других, подобных сложным словам, таких полнозначных компонентов не менее двух, но может быть и больше (ср. every other day *через день)* — так же как и число компонентов сложных слов (ср. one-hundred-horse-power-engine *машина мощностью в сто лошадиных сил).* Этого рода фразеологические единицы представляется возможным условно назвать двухвершинными и многовершинными.

§ 235. Наиболее типичными и характерными для современного английского языка одновершинными фразеологическими единицами являются глагольно-адвербиальные фразеологические единицы, под которыми понимаются идиоматичные сочетания глаголов с известными категориями наречий — так называемыми предложными наречиями: ср. (to) give up *оставить, отказаться,* (to) make out *разбирать, понимать,* (to) ring up *звонить, вызывать по телефону,* (to) pull up *останавливаться* (об экипаже и пр.). В каждом из

приведенных сочетаний слов значение всего сочетания как целого не выводится из суммы значений его частей, естественно не вытекает из этих значений. Так, например, значение сочетания (to) give up *оставить, отказываться* никак не может быть выведено из значений глагола (to) give *давать* и наречия up *вверх, наверх,* так же как и значение сочетания (to) make out *разбирать, понимать* не есть сумма значений глагола (to) make *делать, сделать* и наречия out *вне, наружу,* а значение сочетания (to) pull up *останавливаться* не может быть разложено на значение глагола (to) pull *тянуть, тащить* и наречия up *вверх, наверх* и т. д.

§ 236. Для глагольно-адвербиальных одновершинных фразеологических единиц весьма характерной является многозначность. В некоторых случаях значения одной и той же фразеологической единицы подобного типа настолько далеко расходятся друг от друга, что происходит разрыв звуковой оболочки и лексико-семантические варианты этой единицы превращаются в омонимы. В частности в качестве омонимов должны быть выделены следующие идиоматические сочетания глаголов с наречиями: (to) bring up *воспитывать* и (to) bring up *поднимать (вопрос)*, (to) bring up *привлекать к суду;* (to) give in *уступать, сдаваться*, (to) give in *регистрировать;* (to) make out *разбирать, понимать*, (to) make out *делать вид, притворяться* и проч.

§ 237. Не следует, естественно, каждое сочетание глагола с предложным наречием понимать как фразеологическую единицу. В современном английском языке имеются и свободные сочетания глаголов с предложными наречиями, отличающиеся от глагольно-адвербиальных одновершинных фразеологических единиц неидиоматичностью, выводимостью общего значения из суммы значений его частей. Так, например, сочетание глагола с предложным наречием типа (to) go in *входить («входить внутрь»)* в качестве фразеологической единицы быть выделено не может; оно ничем не отличается от такого свободного словосочетания, как например (to) sing well *хорошо петь*. Это находит объективное подтверждение в том, что наречие in в составе сочетания (to) go in может быть опущено, если в предложении направление движения обозначено предлогом: ср. let's go in *давайте войдем (внутрь)*

и let's go into the room *давайте войдем в комнату.* Таким образом, наречие in в словосочетании (to) go in не является его неотъемлемой частью, что существенно отличает последнее от фразеологической единицы типа (to) give up, где наречие up никогда не опускается: ср. (to) give up smoking *бросить курить,* (to) give up one's life *отдать свою жизнь,* (to) give it up *отказаться от этого* и т. п. Подобным же образом сохраняется наречие, правда, и в некоторых свободных словосочетаниях: ср., например, (to) look up at something *посмотреть вверх на что-нибудь,* в отличие от фразеологической единицы (to) look up a word in the dictionary *разыскать, посмотреть слово в словаре.* Однако здесь причина сохранения наречия связана не с тем, что у словосочетания (to) look up в (to) look up at something имеется характерная для фразеологической единицы идиоматичность, а с тем, что наречие up обозначает движение вверх, в то время как присоединенный к нему предлог at аналогичного значения не содержит, что отличает случай типа (to) go into the room от случая (to) look up at something.

§ 238. От глагольно-адвербиальных одновершинных фразеологических единиц типа (to) give up или (to) make out необходимо отличать также и такие сочетания глаголов с предложными наречиями, как (to) eat up *съесть* или (to) tie up *связать, завязать.* Эти сочетания также не являются идиоматичными. Значение словосочетания типа (to) eat up легко выводится из значений его компонентов — глагола и предложного наречия up. От словосочетаний же типа (to) look up *посмотреть вверх* эти словосочетания отличаются лишь тем, что глагол здесь выступает в особом, специализированном значении — значении завершенности, законченности процесса или действия.

Поскольку по аналогии со словосочетаниями (to) eat up *съесть* можно образовать огромное количество других словосочетаний с аналогичным общим значением (ср. (to) drink up *выпить,* (to) swallow up *проглотить,* (to) dry up *высушить* и т. п.), постольку есть основания говорить о существовании в современном английском языке синтаксического образца или формулы «глагол + наречие up» (обозначающее законченность или завершенность процесса). Специфичность значения наречия up в таких словосочетаниях является фразео-

логическим моментом, но дальше он становится синтаксическим моментом, обобщаясь в известную синтаксическую формулу. Поэтому в таких случаях можно говорить о фразеолого-синтаксическом типе словосочетания «глагол + определенное наречие».

§ 239. В заключение необходимо указать еще на одну важную особенность глагольно-адвербиальных одновершинных единиц. Важно отметить, что второй компонент этих фразеологических единиц играет подчиненную роль не только в лексико-семантическом, но также и в грамматическом плане. В самом деле, в таких фразеологических единицах, как (to) give up, при включении в речь этих единиц второй компонент всегда остается грамматически неизменным, а первый компонент всегда грамматически изменяется в соответствии с задачами предложения: ср. I give it up, he gives it up, I gave it up и т. п. В результате и вся фразеологическая единица трактуется как глагол. Следует также отметить, что второй компонент не служит также для выражения связи данного глагола с другими словами в предложении. Для этой цели применяется соответствующий предлог: ср. (to) carry on with *продолжать делать что-либо*, (to) look out for *присматривать что-либо* и др.

§ 240. Другим видом одновершинных фразеологических единиц в современном английском языке являются фразеологические единицы типа be tired *быть усталым*, be surprised *быть удивленным* и т. п.

Выше уже было сказано (см. § 232), что сочетания подобного типа представляют собой цельные комплексы, существующие в языке в готовом виде и значительно отличающиеся от свободных сочетаний с глаголом (to) be в качестве связки (ср. (to) be young, large и т. п.), а также от аналитических форм страдательного залога.

Семантически полнозначным, основным компонентом у данного вида фразеологических единиц выступает второй компонент (tired и т. п.), первый же является, несомненно, семантически второстепенным. Однако в грамматическом плане ведущим оказывается именно первый компонент, который в семантическом плане представляется второстепенным: ср. I am tired, he is tired, I was tired, we were tired и т. п. Это

и создает особое своеобразие единицам типа (to) be tired. Их отличие от единиц типа (to) give up состоит не только в том, что семантически ведущим оказывается не первый, а второй компонент словосочетания, но и в том, что семантический центр этих единиц не совпадает с грамматическим центром.

§ 241. Еще одним структурным типом одновершинных фразеологических единиц являются предложно-именные одновершинные фразеологические единицы: ср. by heart *наизусть*, for good *навсегда*, in time *во-время* и т. д. Сюда же относятся и такие фразеологические единицы, как in order that *для того чтобы*, by means of *посредством, путем*, in accordance with *в соответствии с* и т. п.

Как можно видеть из приведенных примеров, предложно-именные фразеологические единицы выступают в качестве эквивалентов наречий (by heart, for good) и эквивалентов связующих слов (by means of, in order that).

Характерным для единиц подобного типа оказывается то, что вопрос грамматического центра в них по существу вообще снимается. Существительное, входящее в них, не изменяется по числам и обычно не сочетается с артиклем. Предложно-именные фразеологические единицы включаются в речь подобно неизменяемым словам — несмотря на то, что семантически ведущий компонент этих сочетаний оказывается изменяемым существительным. Это обстоятельство способствует большему уплотнению компонентов словосочетания и сближению его с цельным словом. Возможно, что в некоторых случаях имеет место превращение фразеологической единицы в цельное слово: ср., например, instead *вместо* наряду с такими образованиями, как in my stead *на моем месте*, in his stead *на его месте* и пр.

§ 242. Таким образом, подводя итог всему сказанному выше, представляется возможным наметить следующие типы одновершинных фразеологических единиц:

1. Глагольно-адвербиальные одновершинные фразеологические единицы с совпадением семантического и грамматического центров в первом компоненте словосочетания, выступающие в качестве эквивалентов глаголов — такие, как (to) give up, (to) make out и пр.

2. Одновершинные фразеологические единицы типа be tired с семантическим центром во втором компоненте, а грамматическим центром в первом компоненте словосочетания, выступающие также в качестве эквивалентов глаголов.

3. Предложно-именные одновершинные фразеологические единицы с семантическим центром в именном компоненте словосочетания и с отсутствием грамматического центра вообще, выступающие либо в качестве эквивалентов наречий (by heart, in time), либо в качестве эквивалентов связующих слов (in order that, by means of). Этот тип фразеологических единиц стоит ближе всего к цельным словам.

§ 243. К двухвершинным фразеологическим единицам в современном английском языке относятся аттрибутивно-именные фразеологические единицы, имеющие конструкцию «прилагательное + существительное» и представляющие собой эквиваленты существительного, например, такие, как black art *черная магия*, first night *премьера*, common sense *здравый смысл* и др.

Такого рода фразеологические единицы широко распространены и часто встречаются не только в английском языке, но также и в других индоевропейских языках (ср. *русск.* 'железная дорога', *нем.* armer Teufel *бедняга* и др.). Поэтому в известном смысле можно говорить о том, что они менее характерны для английского языка, чем, например, одновершинные фразеологические единицы типа (to) give up, которые для русского языка, повидимому, не типичны.

§ 244. Прилагательные в английском языке составляют вполне ясную и определенную группу слов, характеризующихся как известными синтаксическими особенностями их употребления, так и специфической семантикой, подкрепленной всей их словообразовательной системой. Они выступают не только в свободных сочетаниях с определяемыми ими существительными (например, black stick *черная палка*, white hat *белая шляпа* и т. п.), но и в сочетаниях идиоматических. В последнем случае они образуют вместе с определяемым словом двухвершинную фразеологическую единицу.

В частности, такие сочетания прилагательного high *высокий*,

как high mountain *высокая гора,* high house *высокий дом,* high tower *высокая башня* и т. п., безусловно представляют собой свободные сочетания, но уже в сочетании high road *большая дорога, шоссе* возникает какое-то новое качество, создается некое «единство», в силу которого указанное сочетание выпадает из приведенного выше ряда и не может быть включено ни в какой другой аналогичный ряд.

Такие же отношения возникают и в следующих случаях:

black:

black table *черный стол*	black art *черная магия*
black bench *черная скамья*	
black cupboard *черный буфет*	

best:

best reader *личший читатель*	best man *шафер*
best writer *лучший писатель*	
best teacher *лучший учитель*	

first:

first day *первый день*	first night *премьера*
first morning *первое утро*	
first evening *первый вечер*	

То, что лексико-фразеологические варианты слов black, best, first, данные в правой колонке, принципиально отличаются от лексико-фразеологических вариантов тех же слов в левой колонке, можно легко проверить. Действительно, в левой колонке мы имеем сочетания прилагательного с разными словами одной и той же семантической группы (например, для прилагательного black взяты существительные, обозначающие разные предметы обстановки, которые все могут быть черными, если они покрашены в черный цвет или сделаны из черного дерева). Что же касается правой колонки, то здесь не только невозможно длительно продолжать соответствующий ряд, но и вообще нельзя прибавить хотя бы еще одно сочетание, действуя по тому же принципу. Так, например, по какой бы линии мы ни пробовали построить ряд для сочетания black art, т.е. прибавляли бы к black такие слова, как science *наука,* music *музыка,* culture *культура,* dancing *танцы,* или skill *искусство, мастерство, ловкость,* craft *ловкость, искусство, сноровка,* cunning *ловкость, хитрость, коварство,* то мы получили бы весьма своеобразные сочетания, даже просто непонятные, употребление которых заставило

бы слушателя предположить, что за ними скрывается какая-то «идиома», ему неизвестная.

Изложенные выше соображения и заставляют сочетания black art, best man, first night, common sense, brown bread *черный хлеб* и др. не считать обычными свободными сочетаниями слов, но выделять их особо в качестве двухвершинных фразеологических единиц.

§ 245. В отношении своей идиоматичности аттрибутивно-именные двухвершинные фразеологические единицы далеко неоднородны.

Имеются такие аттрибутивно-именные фразеологические единицы, в которых своеобразие общего значения основывается на своеобразии значения первого компонента. Так, например, у фразеологических единиц high road или brown bread второй компонент выступает в своем обычном значении — *дорога* и *хлеб*, соответственно, в то время как первый компонент имеет особое значение: слово high не значит *высокий*, а слово brown не значит *коричневый;* high имеет специфическое значение *главный, основной, общий*, а brown — не *белый, приготовленный из непросяной муки.*

В других случаях своеобразие значения всей фразеологической единицы основывается на своеобразии значения второго компонента. Так, во фразеологической единице first night своеобразие соединения создается за счет слова night, которое выступает здесь не в значении *ночь*, а в значении *представление*, слово же first не отличается здесь по существу от first, употребленного в других аттрибутивно-именных свободных сочетаниях слов. В качестве дополнительных примеров аттрибутивно-именных фразеологических единиц могут быть приведены red tape *волокита, бюрократизм*, blue blood *аристократическое происхождение, голубая кровь*, blind alley *безвыходное положение*, blind spot *зона молчания* (в радиотехнике) и др. В приведенных фразеологических единицах своеобразие общего значения, повидимому, обусловлено большим или меньшим своеобразием значений обоих компонентов.

§ 246. К аттрибутивно-именным двухвершинным фразеологическим единицам примыкают также различные по степени идиоматичности образования типа son-in-law *зять*, man-of-war *военный корабль* и пр.

В лингвистической литературе такие образования нередко считаются сложными словами. Однако представляется, что относить безоговорочно образования типа son-in-law к сложным словам вряд ли возможно. Этому препятствует их явная раздельнооформленность при образовании множественного числа: суффикс множественного числа присоединяется в них к первому существительному, тогда как второе существительное, выступающее в сочетании с предлогом в функции определения остается неизменным: ср. sons-in-law.

Правда, в притяжательном падеже соответствующий суффикс -'s присоединяется ко всему сочетанию в целом: ср. son-in-law's opinion и пр. Поэтому казалось бы, что есть известные основания рассматривать такие образования не как фразеологические единицы, а как сложные слова. Однако необходимо учитывать, что суффикс притяжательного падежа выступает в современном языке своеобразно, присоединяясь не только к явно отдельным словам, но также и к образованиям, по своему внешнему виду напоминающим сочетания слов и даже целые предложения: ср. Tom's book, somebody else's hat, Ann and Mary's toys, the man I saw yesterday's son и т.д. Рассуждая абстрактно-теоретически, здесь можно допустить одно из двух: либо необычный для флексии агглютинативный характер -'s, либо уплотнение словосочетания в сложное слово нестойкого типа (ср. § 135) при оформлении его суффиксом притяжательного падежа. Какая из двух возможностей должна быть констатирована здесь, — требует особого исследования. Во всяком случае, оформление суффиксом -'s само по себе не является достаточным доказательством для отнесения образований типа son-in-law к сложным словам, а оформление этих образований суффиксом множественного числа выделяет их в качестве явных сочетаний слов.

§ 247. Другим видом широко распространенных и весьма употребительных двухвершинных фразеологических единиц в современном английском языке являются глагольно-субстантивные фразеологические единицы типа (to) take the floor *выступать, брать слово*, (to) catch cold *простудиться*, (to) catch fire *загораться*, (to) go to bed *ложиться спать*, (to) fall in love *влюбиться* и т. п.

Как можно видеть из приведенных примеров, глагольно-субстантивные фразеологические единицы по своему постро-

ению различны. Одни из них образованы путем использования конструкции «глагол + существительное», причем существительное может иметь при себе артикль (ср. (to) take the floor, (to) catch fire), другие же построены по образцу «глагол + + предлог + существительное» (например, (to) go to bed, (to) fall in love и т. п.).

§ 248. Ведущими по грамматической линии у фразеологических единиц типа (to) take the floor являются первые компоненты, так как именно оформление глагола, как и в случае глагольно-адвербиальных одновершинных фразеологических единиц типа (to) give up, играет основную роль при введении их в предложение: ср. I take the floor, he takes the floor, he took the floor и т. п. В семантическом же плане более значительными оказываются вторые компоненты, хотя от этого данные фразеологические единицы не становятся одновершинными. Так, например, фразеологическая единица (to) catch cold по общему своему значению *простудиться* связана теснее с существительным cold *простуда*, чем с глаголом (to) catch *ловить*, а фразеологическая единица (to) fall in love *влюбиться* в смысловом отношении ближе к существительному, выражающему понятие того чувства, зарождение которого обозначается данной фразеологической единицей, чем к глаголу (to) fall *падать*, *впадать*. Нетрудно увидеть, что это положение справедливо и по отношению к другим примерам глагольно-субстантивных фразеологических единиц, приведенных выше.

§ 249. Очень близко к глагольно-субстантивным двухвершинным фразеологическим единицам примыкают образования типа (to) have a smoke *покурить*, (to) have a glance *взглянуть* и т. п., т. е. сочетания глагола (to) have с существительными, которые соотносятся с соответствующими глаголами по конверсии и обычно употребляются только в составе этих сочетаний (ср. § 101). Однако считать такие образования фразеологическими единицами не представляется возможным, поскольку идиоматичность, являющаяся основным моментом при выделении фразеологической единицы, здесь теряется. Выделимость же подобных сочетаний в языке, как и в случае словосочетаний типа (to) eat up (см. § 238), связана со специализацией значения одного из компонентов.

В данном случае глагол (to) have известным образом специализируется в своем значении, сочетаясь с отглагольным существительным для обозначения однократного и непродолжительного действия.

Момент специализации значения глагола (to) have является моментом фразеологическим; однако, поскольку в качестве второго компонента может выступить любое отглагольное существительное, образованное от соответствующего глагола путем конверсии, то он из момента фразеологического становится синтаксическим — образуется особая синтаксическая конструкция. Поэтому, как и в случае словосочетаний типа (to) eat up, представляется возможным говорить здесь об известном фразеолого-синтаксическом типе словосочетания — типе «глагол (to) have + отглагольное существительное».

§ 250. От глагольно-субстантивных двухвершинных фразеологических единиц следует отличать также и такие случаи, как (to) keep one's balance *сохранять равновесие, спокойствие*, (to) keep on good terms *поддерживать хорошие отношения*, (to) keep dry *сохранять сухим*, или (to) make a professor *становиться профессором*, (to) make a good wife *стать хорошей женой* и т. п., где мы имеем дело с полисемией глаголов, выступающих в качестве первых компонентов этих словосочетаний.

Полисемия может идти и по линии превращения одного компонента в служебное слово. Повидимому, это имеет место в словосочетаниях типа (to) have tea, (to) have dinner и др. Словосочетания подобного рода могут делаться обычными, регулярно воспроизводимыми без какого бы то ни было семантического обособления, т. е. без превращения их во фразеологическую единицу.

§ 251. В качестве особого структурного типа к двухвершинным фразеологическим единицам относятся так называемые ф р а з е о л о г и ч е с к и е п о в т о р ы различного рода*. Одни из них построены на основе антонимичности, контраста — например, now or never *теперь или никогда*, up and down

* Термин этот взят из программы по теоретическому курсу современного английского языка для филологического факультета Московского университета, отредактированной проф. А. И. Смирницким. — *Ред.*

вверх и вниз; у других же основным моментом является аллитерация — например, with might and main *изо всей силы,* betwixt and between *ни то ни се* и др.

§ 252. Выше отмечалось уже (см. § 234), что у фразеологических единиц, которые уподобляются сложным словам, число семантически полнозначных элементов может быть больше двух. С подобными случаями мы встречаемся у таких многовершинных адвербиальных фразеологических единиц, как every other day *через день,* every now and then *от времени до времени* и т. п.

§ 253. Таким образом, обобщая все сказанное о двухвершинных и многовершинных фразеологических единицах, можно наметить следующую их классификацию:

1. Аттрибутивно-именные двухвершинные фразеологические единицы, выступающие в качестве эквивалентов существительных и распадающиеся на два подтипа:

а) Подтип адъективно-субстантивный — black art, first night.

б) Подтип субстантивно-субстантивный — son-in-law, man-of-war.

2. Глагольно-субстантивные двухвершинные фразеологические единицы, выступающие в качестве эквивалентов глаголов — (to) take the floor, (to) go to bed.

3. Фразеологические повторы, выступающие в качестве эквивалентов наречий — now or never, with might and main.

4. Адвербиальные многовершинные фразеологические единицы — every other day.

3. Традиционные словосочетания в современном английском языке

§ 254. Как уже отмечалось выше (см. § 230), от фразеологических единиц следует отличать обычные или традиционные словосочетания, которые, повторяясь в речи бесконечное число раз, не представляют собой эквивалентов слов и фразеологических единиц. Если у фразеологических единиц из трех признаков типичного «классического» слова (см. § 222) имеются два, а именно: семантическая цельность и существо-

вание как готовой единицы в языке, и отсутствует самый главный признак слова — его грамматическая цельнооформленность, вследствие чего они и характеризуются как единицы фразеологические, в отличие от слов-единиц собственно лексических, то у традиционных словосочетаний отсутствует как грамматическая цельнооформленность, так и семантическая цельность (идиоматичность), чем они существенно отличаются от фразеологических единиц и в силу чего представляют собой особые образования в системе языка, обладающие особыми, присущими только им свойствами.

Речь идет о таких, например, словосочетаниях, как rough sketch *черновой набросок, эскиз,* nice distinction *тонкое отличие,* (to) take an examination *сдавать экзамен,* (to) shrug one's shoulders *пожимать плечами,* clenched teeth *стиснутые зубы,* clenched fists *сжатые кулаки* и т. п.

§ 255. В зарубежной лингвистической литературе такого рода образования обычно включаются в число идиоматических выражений, так как, по мнению этих языковедов, в подобных случаях будто бы наблюдается известное семантическое обособление этих единиц.

В действительности, однако, дело здесь не в существовании какого-либо лингвистического обособления подобных сочетаний. Так, сочетания типа rough sketch, nice distinction, (to) take an examination, хотя и являются обычными и регулярно воспроизводимыми, никакой идиоматичностью не обладают: их общее значение совершенно понятно из сочетания значений составляющих компонентов. В случаях (to) shrug one's shoulders, clenched teeth, clenched fists, просто имеет место более узкая сочетаемость одного из компонентов. В частности глагол (to) shrug в современном английском языке обозначает только действие пожимания плечами и поэтому, естественно, может сочетаться лишь с существительным shoulders. По тем же причинам глагол (to) clench сочетается только с существительными teeth и fists. Отсюда и причастие второе clenched может определять только существительные teeth и fists.

В этом отношении представляет интерес глагол (to) tick *тикать.* Обозначая только особый звук — звук «тикания», глагол (to) tick, естественно, может сочетаться очень узко —

лишь с существительными clock, watch и т. п. Однако, если в реальной действительности появятся другие аппараты, кроме часов, которые будут производить подобный же звук тиканья, то глагол (to) tick расширит свою сочетаемость и будет употребляться с существительными, обозначающими эти аппараты. Следует отметить, что в современной английской литературе встречаются случаи сочетания этого глагола не только с существительными clock, watch и пр., но также и с существительным telegraph: the telegraph ticks.

Также не представляет собой фразеологической единицы и сочетание kith and kin *знакомые и родня*. Здесь ни один из компонентов не выступает в каком-либо особом значении и поэтому и всему сочетанию в целом не присуща идиоматичность. Второй компонент этого сочетания (kin) употребляется вне данного сочетания весьма редко, а первый компонент (kith) вне данного сочетания вообще не употребляется. Но из-за этого все сочетание kith and kin не может быть противопоставлено свободному словосочетанию. Оно может быть выделено лишь как особый вид свободных словосочетаний на основе того, что оно вновь и вновь воспроизводится в речи.

Таким образом. сочетание слов может быть обычным и регулярно воспроизводимым, не представляя собой фразеологической единицы, а оставаясь свободным сочетанием слов.

4. Собственно идиомы

§ 256. Отличительным моментом собственно идиом является их особый стилистический характер, присутствие элемента игры, шутки, отхода от обычного нейтрального стиля речи, а в связи с этим и наличие, как правило, другого, параллельного способа передачи той же мысли в нейтральном стиле. В собственно идиомах говорящим непременно осознается значение или значения входящих в них слов (имеются в виду идиомы-словосочетания) и необычность, своеобразие их употребления в данном сочетании.

В качестве примеров собственно идиом можно привести такие выражения, как (to) take the bull by the horns *взять быка за рога*, (to) escape with the skin of one's teeth *еле-еле спастись*, as dead as a door nail «*мертвый, как дверной гвоздь*»

т. е. без признаков жизни и т. п. Совершенно очевидно, что все они являются идиоматичными выражениями в общем смысле этого слова, но вместе с тем также не представляет никакого сомнения, что, употребляя вышеприведенные словосочетания в речи, говорящий великолепно понимает, что «быки, которых берут за рога», «кожа в зубах», «дверные гвозди» и т. п. не имеют никакого реального отношения к фактическому содержанию высказывания, к реальному содержанию мысли и к обычному или нормальному способу ее выражения. Говорящий лишь использует представленную ему языком возможность «пошутить», сделать свою речь более яркой и красочной, более образной.

§ 257. Образование собственно идиом происходит, видимо, тремя основными и довольно простыми путями, а именно:

1. Метафоры, основанные на обращении к обычным, естественным предметам: ср., например, much water has flowed under the bridges *много воды утекло с тех пор (под мостами)*, (to) fish in troubled waters *ловить рыбу в мутной воде*, (to) take the bull by the horns *брать быка за рога* и т. п. Такие идиомы могут легко калькироваться из одного языка в другой. Кроме того, повидимому, имеется и некоторый общий фонд идиом исторически близких языков.

2. Метафоры, основанные на обращении к специфичным, известным образом ограниченным и локализованным предметам: ср., например, (to) sit above the salt *сидеть на верхнем конце стола*, (to) accept the Chiltern Hundreds *слагать с себя полномочия депутата*, City of brotherly love *Филадельфия* и т. п.

3. Метафоры, основанные на перенесении выражений из одной сферы употребления в другую, из той, к которой они по праву принадлежат: ср., например, acid test *серьезное испытание* (из химии), dyed in grain или in the wool *убежденный, заядлый, махровый* (процесс крашения), (to) chuck или to throw up the sponge *признать себя побежденным* (из области бокса) и т. п.

§ 258. Обязательное, отчетливое осознание настоящих значений слов и своеобразия их употребления в данном сочетании создает чрезвычайно широкие возможности деформации собственно идиом, их стилистического обыгрывания, основанного на подстановке под данный лексико-фразеологический

вариант того или иного слова другого его лексико-фразеологического варианта, имеющего обычный, свободный характер. Так, в нижеследующих примерах из книги Дж. Голсуорси «Сдается в наем» (To Let — Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1952) такая подстановка, т.е. возвращение к прямому значению слов, производится при помощи определительного придаточного предложения, что придает всей фразе яркость и неожиданность:

1. Little John had been born with a silver spoon in a mouth which was rather curly and large: в основе лежит собственно идиома (to) be born with silver spoon in one's mouth, аналогичная *русск.* 'родиться в сорочке' или 'родиться под счастливой звездой'.

2. She (Fleur) wished and wished for the moon, which sailed in cold skies above the river or the Green Park when she went to Town (p. 258): в основе лежит собственно идиома (to) cry или (to) wish for the moon *желать невозможного.*

§ 259. Вопрос о собственно идиомах оказывается тесно связанным вообще с вопросом так называемой «лингвистической стилистики», с изучением языковой синонимики в плане исследования тех способов, какими говорящий или пишущий достигает в своей речи особых эффектов, усиливая свое высказывание, делая его более экспрессивным, расцвечивая свою речь и украшая ее, придавая ей определенный оттенок: шутливый, пренебрежительный, патетический и т. п.

Собственно идиомы принадлежат к особым стилистическим средствам придания речи более выразительного, яркого, своеобразного характера. Смыкаясь с поговорками, через них они как будто бы могут вообще выйти за пределы собственно языкознания и перейти в область литературоведения, фольклора.

Собственно идиомы являются как бы украшением в языке. Можно прекрасно и идиоматически (в более широком смысле, о котором речь шла выше) говорить на том или ином языке, совершенно не пользуясь в своей речи собственно идиомами. Изучающему язык иностранцу следует специально рекомендовать не употреблять на первых порах собственно идиомов в речи, так как указанный выше элемент игры, шутки, и другие подобные стилистические моменты может допускать только тот, кто владеет языком в совершенстве.

5. Предложения, входящие в систему языка

§ 260. Отдельно должны быть рассмотрены случаи воспроизведения в речи таких оборотов, которые эквивалентны предложениям, а не отдельным словам. Речь идет о таких постоянно воспроизводимых в процессе языкового общения предложениях, как How are you? *Как поживаете?*, What's the time? *Который час?* и т. п.

В § 13 было указано, что конкретные предложения не могут быть выделены в качестве единиц языка. Конкретные предложения, т.е. предложения, состоящие из данных определенных слов и определенным образом грамматически оформленные, являются уже речевыми произведениями, создаваемыми в процессе применения языка теми или иными людьми, в тех или иных условиях, для достижения тех или иных целей. Они принадлежат не языку (хотя и «делаются из языка»), а той сфере человеческой деятельности, в которой язык применяется в каждом конкретном случае, вследствие чего они нередко имеют в классовом обществе определенную классовую направленность.

Однако при всей справедливости только что высказанного положения неоспоримым является факт воспроизведения речевых произведений, не создаваемых каждый раз заново в процессе применения языка как средства общения: множество раз декламируются те же самые стихотворения, ставятся те же самые пьесы, воспроизводятся формулировки математических теорем, физических законов, юридических положений и пр.

Вопрос этот очень сложный и требует специального рассмотрения. Предварительно же можно заметить следующее:

§ 261. Речевые произведения, в частности — и отдельные предложения, повторяются либо в силу стечения обстоятельств, либо нарочито. Так, если кто-нибудь говорит: What a nice girl she is! *Какая она симпатичная девушка!*, то очень вероятно, что он повторяет то, что до него говорили, но он может этого и не знать, а следовательно, не иметь в виду воспроизведения уже говорившегося. Повторение будет здесь результатом стечения обстоятельств. Но если повторяются чьи-либо стихи, какие-либо формулы и т. п., то повторение здесь имеет характер нарочитого повторения, воспроизведе-

ния: вновь сказанное отождествляется со сказанным (слышанным) ранее. Такое повторение-воспроизведение носит характер «цитирования» в широком смысле слова: говорящий (повторяющий) не выступает как автор; действительный же автор может быть как известен, так и неизвестен ему (а может и вообще не существовать) — это не существенно: в частности говорящий может цитировать и себя. Нарочитое повторение может и не иметь характера «цитирования»: оно может иметь целью усиление эффекта, обеспечение лучшего речевого контакта и т. п., так, например, если кто-либо кричит: Come here! Come here! *Идите сюда! Идите сюда!*

Очевидно, что в первом и третьем случаях (повторение в силу особого стечения обстоятельств и повторение для усиления эффекта) не может идти речь о вхождении повторяемых-воспроизводимых предложений в систему языка. В подобных случаях мы имеем фактически все-таки создание предложения по правилам грамматики данного языка.

Во втором же случае (при нарочитом повторении) мы имеем дело с воспроизведением предложения как «чьего-либо», как принципиально имеющего своего автора, тогда как воспроизведение единиц языка никогда не носит характера «цитирования»: эти единицы применяются и воспроизводятся как принципиально не имеющие автора, как общее достояние народа, неразрывно связанное с ним.

Но в отдельных случаях в систему языка могут входить и единицы, имеющие внешний вид предложений. Это оказывается возможным вследствие того, что воспроизведение отдельных речевых произведений-предложений может утрачивать характер «цитирования» и совершаться уже не как нарочитое повторение данных произведений как таковых, а как использование их для выражения мысли самого говорящего.

§ 262. В обычных, вновь и вновь повторяющихся жизненных ситуациях говорящий не стремится создавать новых, оригинальных высказываний, если имеются уже готовые сочетания слов, готовые отрезки речи, которыми он может воспользоваться. Так, например, высказывания How are you? What's the time? Thank you very much! I beg your pardon! не создаются для каждого данного случая из соответствующих компонентов, а воспроизводятся как целые, уже готовые

образования, которые и усваиваются говорящими на данном языке тоже как нечто целое.

Эти воспроизводимые единицы не являются фразеологическими единицами, или «эквивалентами слов», в том смысле, как это понятие было определено выше. Они, в отличие от фразеологических единиц, составлены из семантически отчетливо выделяющихся частей: хотя они и употребляются как целые, готовые единицы, значение каждого компонента ясно осознается говорящими.

Интересно отметить, что при воспроизведении таких предложений-языковых единиц в речи в одних случаях внутри их могут происходить некоторые изменения (например, может меняться время глагола: How were you?), в других же случаях они воспроизводятся целиком, без каких бы то ни было изменений. Так, при воспроизведении такого предложения как Can the leopard change his spots? совершенно ничего не меняется: нельзя изменить вопросительной формы, заменить глагол can и т. п.

Глава VII

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

§ 263. Словарный состав английского языка представляет собой сложную систему, возникшую в процессе многовекового исторического развития.

Задачей учебника лексикологии любого конкретного языка — задачей основной и наиболее важной — является, естественно, описание всех характерных особенностей словарного состава языка на данном этапе его развития. Это и было сделано в предыдущих главах книги. Настоящая глава, завершающая книгу, ставит своей целью разъяснение тех соотношений, которые существуют в лексической системе современного английского языка, с точки зрения историко-этимологической. Иначе говоря, в данной главе ставится вопрос о том, как возникли те особенности словарного состава английского языка, которые были рассмотрены в учебнике в синхроническом плане.

Так, в частности, изучая словарный состав современного английского языка, мы неизбежно сталкиваемся с фактом его этимологической неоднородности, с наличием в словарном составе самых разных по происхождению слов — латинских, греческих, французских, немецких и т. п. В связи с этим возникает вопрос о том, как отражается эта этимологическая неоднородность в лексике современного английского языка, какова связь между происхождением слов и характерными особенностями словарного состава современного английского языка. Знание истории развития и формирования словарного состава позволяет во многих случаях лучше и глубже осмыслить характерные черты словарного состава современного языка. Происхождение словарного состава английского языка,

его история, специфические условия его развития отражаются в его фонетическом строе, словообразовании, в семантических и стилистических взаимоотношениях между словами, — во всей специфике словарного состава в данный период.

§ 264. Само собой разумеется, что все многообразие вопросов, связанных с этимологическими особенностями языка, не может быть рассмотрено в пределах одной главы книги. Тем не менее, важно попытаться наметить хотя бы основные моменты, связанные с происхождением словарного состава английского языка.

Прежде чем перейти к выяснению намеченных вопросов, однако, необходимо разобраться в некоторых общих проблемах, связанных с темой главы. Прежде всего должен быть поставлен вопрос исторического тождества языка в целом и отдельной единицы словарного состава в частности.

1. Вопрос исторического тождества

§ 265. Основой исторического тождества слова является преемственность в его употреблении, «передача» его от поколения к поколению как одного и того же слова в каждую данную эпоху, при всех сменах поколений. На этой общей основе могут, однако, складываться различные особенности исторической судьбы слова, и «истории» отдельных слов могут иметь разный характер. К сожалению, вся эта проблема теоретически разработана крайне недостаточно. Мы имеем истории отдельных слов, нередко, правда, представляющие собой собрания анекдотов из так называемой «жизни слов» (« la vie des mots »), имеем исторические и грамматические словари, в которых накоплен огромный материал, — но теоретическое обобщение и осмысление относящихся сюда конкретных фактов пока еще не таковы, чтобы можно было с полной уверенностью разобраться во всем собранном материале. Поэтому и об историческом тождестве слова пока можно сказать еще очень мало.

Все же следует попытаться наметить хотя бы отдельные основные моменты, которые необходимо иметь в виду при рассмотрении истории слов с точки зрения проблемы тождества слова во всех многообразных его изменениях.

§ 266. Историческое тождество есть тождество известной единицы в ее развитии во времени, или, что то же самое, тождество отдельных исторических фаз развития единицы. Изменяется ли при этом данная единица или нет, а если изменяется, то в какой степени, не меняет существа дела.

Сказанное требует некоторого пояснения о тождестве языковой единицы вообще.

Допустим, что лица *А* и *Б* говорят слово often *часто*. *А* произносит его без звука [t]: [ɔfn], *Б* — со звуком [t]: [ɔftən]. Тем не менее мы не сомневаемся, что мы имеем дело здесь с одним и тем же словом английского языка: это — слово often в двух вариантах, а не два разных слова. Дело в том, что во всех своих вариантах данное слово не только имеет нечто общее, но и функционирует при общении на английском языке, взятом во всем его объеме — в литературном образце и в диалектах, — как одна единица в его системе.

Предположим далее, что при передаче языка от поколения к поколению появляются все новые небольшие изменения в тех или других единицах, так что в конце концов некоторые единицы изменяются «до неузнаваемости». Но если при общении между сосуществующими поколениями (примерно, скажем, между «дедами — отцами — детьми — внуками») различия в воспроизведении этих единиц носили характер различий лишь между вариантами одних и тех же единиц, т.е. каждая такая изменяющаяся единица функционировала, при всей своей изменчивости, как одна и та же, то в историческом ее развитии не происходило перерыва: она передавалась все дальше и дальше как та же самая и, следовательно, исторически продолжала быть самой собой и тогда, когда в конце концов стала уже значительно измененною. Так, каждый человек остается одним и тем же лицом в течение своей жизни, хотя в 70 лет он уже совсем не такой, как в 7.

§ 267. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что вообще историческое тождество слова, а следовательно, и его этимологическое тождество, не ограничиваются никакими условиями сходства между звуковыми оболочками соответствующих единиц и между их значениями. Иначе говоря, этимологически тождественными могут быть словесные единицы, неопределенно далекие друг от друга как по звучанию, так и по лексическому значению.

Так, *лат.* hostis и *англ.* guest этимологически тождественные слова, т.е. с этимологической точки зрения являются одним и тем же словом, хотя одно значит *враг*, а другое *гость* и звучат они достаточно различно. Расхождение могло бы быть и бо̀льшим, но оно все равно не нарушило бы их этимологического тождества, поскольку они оказывались бы связанными друг с другом нитями непрерывной традиции, идущими к каждому из них от *индоевропейск.* *ghostis. А это значит, что существующие различия между ними образовались путем постепенного накопления нового качества и постепенного отмирания старого качества, причем всегда было так, что две хронологически реально соприкасавшиеся исторические фазы этого слова всегда относились друг к другу как варианты одного слова.

§ 268. Очень важным представляется различие истории слова в системе и в пределах данного языка — и его истории как отдельной единицы, могущей переходить из одного языка в другой. Одно дело, например, развитие среднеанглийского bote > [bɔ:t] > [bo:t] > [bu:t] > новоанглийское boot *ботинок* в пределах самого английского языка, неразрывно связанное с развитием всей системы этого языка, с его передачей как целого от поколения к поколению; другое дело — развитие того же англ. boot (множ. число boots) в *русск.* 'бутсы' *ботинки с шипами на подошвах для игры в футбол:* здесь уже слово порывает с системой того языка, в котором оно существовало ранее, и включается в систему другого языка, заимствовавшего это слово.

Очевидно, что среднеанглийское bote и новоанглийское boot — одно и то же слово: это лишь разные исторические фазы (исторические «формы») одной и той же единицы в словарном составе английского языка. Несомненно также, что и *англ.* boot и *русск.* 'бутсы' — исторически в общем одно и то же слово: и здесь, как и в случае bote > boot, имеется непрерывность традиции, преемственность. Однако здесь эта непрерывность и преемственность не те, что в истории слова boot в самом английском языке.

Уже с первого взгляда мы замечаем, что вместе с выходом из английского языка и вхождением в русский язык это слово изменило состав своих форм (стало склоняться по шестипадежной системе) и оформилось при помощи русской пара-

дигмы (-ы, -ы, -ов, -ам, -ами, -ах). Следовательно, при заимствовании слово сменило свое грамматическое (морфологическое) оформление. Иначе говоря, оно, в сущности, заимствовалось не целиком, как полное, законченное, грамматически оформленное слово, а только, так сказать, как более или менее бесформенный кусок лексического материала, получающий новую оформленность лишь в системе и средствами другого языка, языка заимствовавшего. Таким образом, если лексическое ядро слова и сохраняется как тождественное себе, переходя при заимствовании из одного языка в другой, то его прежнее грамматико-морфологическое оформление сменяется другим. В частности, в разбираемом русском слове 'бутсы' отрезок '-с-' не выделяется больше ни как формообразующий суффикс множественного числа (как в английском boot-s), ни как вообще какой-либо суффикс, он никак особо не выделяется в слове 'бутсы' и целиком принадлежит основе. Из этого следует, что boots было заимствовано русским языком не как «основа boot- + формообразующий суффикс -s», а как именно бесформенный (т. е. грамматически неоформленный) кусок лексического материала -boots-, который был осмыслен в русском языке как основа и был оформлен по правилам и средствами русского языка.

Примечание 1: Само собой разумеется, что подобное же изменение грамматического оформления при переходе слова из одного языка в другой имеет место не только в таких особых случаях, как *англ.* boot — *русск.* 'бутсы', *англ.* rail — *русск.* 'рельс', *англ.* cake — *русск.* 'кекс', но также и в обычных случаях типа *англ.* club — *русск.* 'клуб'; ср. парадигму английского слова club-( ), club-s ... и парадигму русского слова — 'клуб-( )', 'клуб-а', 'клуб-у', 'клуб-ом' ...

Примечание 2: Такие случаи, как *англ.* datum — data, stratum — strata, formula — formulae и т. п., являются, в сущности, кажущимися исключениями. Хотя формообразующие суффиксы -um — -a, -a — -ae и т. п. действительно восходят к соответствующим латинским формообразующим суффиксам, их ни в какой степени нельзя признать «латинскими»: они больше не связываются с именительным падежом, а имеют значение общего падежа, т. е. функционируют в соответствии с правилами грамматического строя английского языка и оформляют указанные слова по общему образцу — book-( ), book-s ....

§ 269. Итак, иная система словоизменения, новая парадигма, а в особенности новая парадигматическая схема не могут проникнуть в язык в качестве оформления данного,

единичного конкретного заимствующего слова. А так как каждое конкретное слово заимствуется именно как таковое, как отдельное, единичное слово, а не как член какой-либо целой системы, то даже и при заимствовании огромного числа слов данного грамматико-морфологического типа сама его парадигма обычно не заимствуется, а заменяется в том или ином отношении наиболее подходящей парадигмой заимствующего языка.

Нередко поэтому система словоизменительных аффиксов даже прямо характеризуется как «непроницаемая» сфера языка. Эта характеристика, разумеется, есть лишь образное обозначение, а не объяснение того факта, что грамматические аффиксы обычно не заимствуются. В чем же тогда заключается объяснение этого факта?

Грамматические аффиксы, как и словообразовательные, могли бы заимствоваться лишь путем их выделения в заимствованных словах. Но для такого выделения потребовалось бы заимствование того же самого слова по меньшей мере в виде двух его грамматических форм. Такое двойное заимствование было бы бессмысленным с точки зрения обогащения словарного состава языка, так как даже заимствование всей парадигмы данного слова было бы заимствованием все-таки только одного слова. Потребности же в заимствовании элементов грамматического строя, вообще говоря, нет: основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени и, как показывает история, с успехом обслуживают общество на протяжении ряда эпох. Таким образом, «непроницаемость» системы грамматических аффиксов в основном объясняется тем, что непосредственной и важной общественной потребностью, вызывающей заимствование, является потребность пополнения именно словарного состава в связи с изменением социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.

§ 270. Далее, следует обратить внимание на то, что при переходе из одного языка в другой может существенно изменяться и смысловое содержание слова; ср. хотя бы приведенный пример, где из семантики *англ.* boot *ботинок вообще* в русский язык проникло только значение *ботинок с шипами на подошве для игры в футбол.*

Таким образом, хотя *англ.* boot и *русск.* ‘бутсы’ связаны между собой исторической традицией, преемственностью и поэтому в общем могут быть признаны исторически одним и тем же словом, все же тождество их является, так сказать, не совсем полным: в сущности, оно есть тождество лишь лексического ядра, но не полного оформленного слова. Поэтому *русск.* ‘бутсы’ по отношению к *англ.* boot выступает, в некотором смысле, как другое, лишь параллельное образование от того же корня. Такой характер отношения при заимствовании делается особенно заметным в случаях типа *англ.* palatalize — *русск.* ‘палатализировать’, где соединение с парадигмой заимствующего языка сочетается с применением особых словообразовательных аффиксов (здесь — ‘-ирова-’).

Можно сказать, что в завершенном заимствовании, когда иноязычные слова не просто вкрапляются в речь на данном языке (как, например, в словосочетании my Alma Mater), вообще, в принципе есть некоторое более или менее заметное подобие словообразования. Семантический сдвиг, который может происходить при заимствовании, может дополнительно усиливать это подобие.

§ 271. После того как иноязычное слово перестало быть простым вкраплением в речь на заимствующем его языке, оно становится словом этого языка, но отличным от этого же слова в том языке, откуда оно заимствовано: русское слово ‘бутсы’ — это уже не английское boot. Дальнейшая судьба каждого из них может быть совершенно различной.

В таких случаях на месте одного слова оказываются по меньшей мере две отдельные словесные единицы, существующие уже одновременно, т. е. по отношению друг к другу не являющиеся последовательными историческими фазами развития одного и того же слова, хотя одна из них и может сохранять черты более древней фазы, чем другая: например, *англ.* faith *вера, верность* фонетически ближе к *старофранц.* feid, чем *новофранц.* foi, но все же *новоангл.* faith, конечно, не есть реально то, из чего развилось *франц.* foi. Такие единицы являются связанными друг с другом общностью происхождения, этимологически, но они не тождественны в настоящем.

§ 272. Расщепление одного и того же слова на два или несколько, как известно, далеко не обязательно обусловливается заимствованием одного языка из другого.

Образование двух или нескольких разноязычных слов из одного и того же слова регулярно происходит вместе с распадением языка-основы на отдельные языки (ср. *общегерм.* *ðagaz *день, англ.* day, *нем.* Tag, *голл.* dag, *швед.* dag и т. п.).

Но известно расщепление слов и в пределах одного и того же языка — большею частью, повидимому, в связи с семантической дифференциацией, но также, в какой-то степени, и благодаря звуковым изменениям: ср. *совр. англ.* trust *вера* и trust *трест;* shade *тень* (отсутствие света) и shadow *тень* (отбрасывемая предметом).

§ 273. Таким образом, в пределах одного и того же языка две различные, но этимологически тождественные словесные единицы могут одновременно существовать как вследствие внутриязыкового расщепления какого-либо слова, так и вследствие заимствования — обычно из родственного языка. В обоих случаях, в зависимости от фономорфологического и лексико-семантического соотношений (см. § 42) между данными единицами, такие этимологически тождественные единицы могут быть как разными словами, так и лишь различными вариантами одного и того же слова: ср., с одной стороны, разные слова trust *вера* — trust *трест,* shade *тень* (отсутствие яркого света) — shadow *тень* (отбрасываемая предметом), raise *поднимать* (из *скандинавск.*) — rear *поднимать, воздвигать, воспитывать,* а с другой стороны, варианты одного и того же слова hand *кисть руки* — hand *стрелка часов,* year [jīə], year [jə:] *год,* often, oft *часто,* и т. п.

§ 274. Когда этимологическое тождество сочетается с актуальным нетождеством данных единиц как различных слов в системе одного и того же языка, строгое различение этимологического тождества слова и тождества слова в процессе его применения в данную эпоху оказывается особенно важным. Смешение того и другого ведет к анахронистической и метафизической трактовке словесных единиц языка, к антиисторизму (ср. также § 73). Нельзя, например, сказать недифференцированно, что *англ.* shade и *англ.* shadow — одно и то

же слово: в современном английском языке это несомненно два слова; но этимологически это действительно одно и то же слово — *древнеангл.* sceadu *тень.* Таким образом, надо ясно сознавать, что, например, определяя often и oft в английском языке как варианты одного и того же слова, мы имеем в виду не их этимологию, не общность их происхождения, а такое актуальное взаимоотношение между ними в данную эпоху, которое заставляет понимать и трактовать их как одно и то же слово. То, что oft и often, также как a, an и др., вместе с тем генетически (этимологически) представляют собой то же самое слово, является, конечно, фактической предпосылкой их существования в качестве вариантов одного слова, но не это имеется в виду при их определении в качестве таковых.

§ 275. Различая, однако, этимологическое тождество слова и тождество слова в данную эпоху его существования (актуальное тождество), надо помнить, что для получения полной картины развития слова необходимо иметь в виду и то и другое. Неверно сказать, что в современном английском языке shade и shadow одно и то же слово: это будет перетаскиванием прошлого в настоящее, лжеисторизмом, метафизическим пониманием тождества слова. Но ограниченным, генетическим, а поэтому в целом и неправильным будет рассмотрение этих слов только как двух отдельных, никак не связанных единиц. Подлинно исторический подход требует рассмотрения этих единиц как бывших одним и тем же словом и ставших двумя: они тождественны через их прошлое и не тождественны в их настоящем, а следовательно, не только их этимологическое тождество, но и их актуальное нетождество является историческим — в более общем и глубоком смысле.

§ 276. Расщепление слова в процессе его исторического развития на два или большее число слов представляет собой, можно сказать, обычное явление в тех случаях, когда слово имеет за собой достаточно долгую историю. Гораздо менее обычным оказывается явление противоположное — сплетение или срастание двух (или более) разных слов в одно и то же слово.

Наиболее известным случаем сплетения двух этимологически разных слов в одно слово является образование суп-

плетивных парадигм, вроде таких как *англ.* be — was, go — went, good — better, bad — worse и т. п.

Нужно, однако, иметь в виду, что отношение супплетивности складывается не обязательно в результате сплетения двух разных слов в систему форм одного слова. То же отношение может получаться и в результате такого внешнего расхождения между корневыми частями данного слова в различных его грамматических формах, которое приводит к разрыву общности корня, к уничтожению его актуальной общности (но, разумеется, единство слова в его формах при этом не уничтожается). Так, *англ.* is, am, are являются образованиями, имеющими этимологически один и тот же корень. Нельзя, однако, сомневаться в том, что в современном английском языке соответствующие формы относятся друг к другу как формы супплетивные.

§ 277. Наряду с этим, возможно и сближение двух этимологически различных слов, переходящее за рамки супплетивности: сблизившиеся слова могут оказаться стоящими в таком отношении друг к другу, при котором они не только превратятся в грамматические формы одного и того же слова, но и будут выступать как образования с одним и тем же корнем. Примером такого исторически сложившегося отношения можно признать, думается, отношение между much и more (most) в современном английском языке. Внешнее соотношение между ними достаточно подобно тому, что мы находим в глаголах вроде teach — taught, beseach — besought и пр., для того чтобы оно понималось как соотношение, основанное на чередовании гласных и согласных в одном и том же корне. Между тем этимологически much и more (most) — разные слова (*общегерм.* *mikila-n и *maizan-, *maistan-).

И здесь, как и в других случаях, чтобы понять самую суть исторических изменений, действительно заметить постепенно развившееся новое качество и исчезновение старого качества, необходимо отказаться от метафизического понимания тождества слова (а следовательно, и нетождества двух слов). А для этого необходимо прежде всего четкое различие между тождеством этимологическим (генетическим) и тождеством актуальным, реально проявляющимся в общественном функционировании слова.

§ 278. Необходимо также учитывать, что независимо от того, разделены ли этимологически тождественные слова межъязыковой гранью вследствие распадения общего языка-основы или вследствие заимствования из одного языка в другой, такие слова должны рассматриваться, с точки зрения проблемы тождества слова, иначе, чем этимологически тождественные словесные единицы в системе одного языка.

В общем следует сказать, что грань между языками, в отличие от междиалектальной грани, в принципе ставит слова одного языка вне живых, актуальных отношений к словам другого, поскольку каждый из данных языков применяется в общении отдельно от другого и в одном и том же акте общения обычно не происходит столкновения разных языков.

Однако такое положение мы имеем только «в принципе» и только «постольку, поскольку»: фактически все-таки разные, отдельные языки более или менее часто сталкиваются друг с другом и разноязычные слова сопоставляются друг с другом.

§ 279. Особое соотношение мы наблюдаем в случае близко родственных языков, таких, которые могут более или менее легко одновременно применяться в одном и том же процессе общения (например, швед и норвежец могут говорить друг с другом, пользуясь каждый своим языком). Отношение между такими языками является как бы «потенциально-диалектным», и всякий раз, когда они реально применяются в одном процессе общения, соответствующие слова в них отождествляются. Так, например, при общении норвежцев со шведами (имеются в виду литературные образцы, а не диалекты) не только такие слова, как *норв.* hav = *швед.* hav *море*, *норв.* god = *швед.* god *хороший* и пр., но и такие, как *норв.* by *город* = *швед.* by *село*, *норв.* gjemme = *швед.* gömma *прятать*, *сохранять* и пр., соответственно отождествляются друг с другом, причем имеющиеся различия выступают в качестве различий между вариантами, подобными вариантам диалектным (см. § 46). Однако, поскольку все же норвежский и шведский языки являются отдельными национальными языками, развивающимися автономно, и поскольку их взаимодействие в общении не является регулярным, массовым и общественно необходимым, постольку тождество соответствующих норвежских и шведских

слов в основном будет лишь этимологическим, только спорадически и в ограниченной мере перерастающим в их действенное отождествление.

§ 280. В случае отдаленно родственных или даже вовсе не родственных языков такое отождествление будет представлять собой соответственно более редкое явление — не только вследствие гораздо меньшего числа таких слов, которые вообще могут отождествляться, но и вследствие невозможности упомянутого выше контакта между языками в процессе общения.

Соприкосновение друг с другом разноязычных этимологически тождественных слов происходит в таких случаях лишь на основе знания чужого языка, наряду с родным, и перевода с одного языка на другой. Реальное отождествление единичных таких слов при этом не имеет в общем серьезного значения для общения между говорящими на разных языках. Так, например, *англ.* brother — русск. 'брат', *англ.* mother — *русск.* 'мать', *англ.* three — *русск.* 'три' и т. п. легко отождествимы, но эти и другие подобные факты теряются в массе различий между русским и английским языками, и самая близость друг к другу таких единиц, как three — 'три', будучи явлением редким в отношении между данными языками, практически вряд ли может помочь установлению языкового контакта. Если, слыша норвежскую речь, швед в общем может исходить из того предположения, что отождествление норвежских слов со сходными по звучанию шведскими будет вести его к пониманию, — причем обманываться он будет сравнительно редко, — то, слушая русскую речь, англичанин должен будет отказаться от такого предположения, поскольку оно или вообще окажется бессмысленным ввиду невозможности обнаружить какие-либо сходные слова, или часто только будет вводить в обман (ср. *русск.* 'май' — *англ.* my *мой; русск.* 'три' — *англ.* tree *дерево; русск.* 'ту' — *англ.* to *к, в; русск.* 'лей!' — *англ.* lay *лег*). Единичные случаи вроде 'брат' — brother не меняют общего соотношения ввиду того, что они единичны.

§ 281. Однако при всем общем различии между языками, в их словарном составе могут выделяться известные области, в которых близость между этимологически тождественными

словами оказывается уже более или менее систематической и регулярной, приобретающей некоторое значение для взаимного понимания.

В частности, в большинстве европейских языков выделяется так называемый международный словарный фонд в области научно-технической и общественно-политической терминологии. Такие слова, как radio *радио*, telephone *телефон*, telegraph *телеграф*, machine *машина*, mechanism *механизм*, molecule *молекула*, atom *атом*, system *система*, analysis *анализ*, syntax *синтаксис*, social *социальный*, politics *политика*, revolution *революция*, в английском языке являются не только этимологически тождественными с соответствующими словами в очень многих европейских языках, но нередко и действительно отождествляются с последними в практике международного общения.

Это связано с тем, что, с одной стороны, соответствия вроде *англ.* syntax — *русск.* 'синтаксис' и пр. не являются такими единичными, как приведенные выше brother — 'брат', а образуют известные терминологические системы; с другой же стороны — с тем, что знание иностранных языков, и, вместе с этим, соприкосновение и сопоставление одного языка с другим представляют собой сравнительно широко распространенное явление в тех сферах человеческой деятельности, в которой применяется эта терминология.

К этому, может быть, следует прибавить, что в большинстве случаев слова «международной лексики» и по своему фонетико-структурному облику выделяются особо по сравнению с другими словами тех языков, где мы их находим (ср., например, § 57): это облегчает их узнавание даже в незнакомом языке и делает их практическое отождествление с известными словами другого, знакомого языка более уверенным.

§ 282. Таким образом, хотя этимологическое тождество какого-либо слова данного языка с определенным словом другого языка само по себе вообще не предполагает актуального их тождества, т. е. их действительного использования как одной и той же единицы в общении, — даже при большой близости между ними, — все же в известных случаях этимологически тождественные словесные единицы, даже будучи раз-

делены межъязыковой гранью, реально выступают в качестве одного и того же слова.

Это наблюдается в основном при одновременном применении в общении двух (или нескольких) близко родственных языков и при ином соприкосновении двух (или нескольких) языков в областях употребления такой терминологии, которая в этих языках имеет международный характер.

§ 283. Особо выделяются слова подлинно интернационального распространения, связанные со всемирно-историческим значением Великой Октябрьской социалистической революции и строительством коммунизма в нашей стране. Сюда прежде всего относятся такие русские слова, как 'совет', 'советский', большевик', понимаемые широкими народными массами как о д н и и т е ж е с л о в а в самых различных языках мира (Soviet *совет*, Soviet *советский*, bolshevik *большевик*, bolshevist *большевистский*). Такие слова уже далеко выходят за границы специальной терминологии.

2. Заимствования в современном английском языке

§ 284. В словарном составе современного английского языка могут быть более или менее четко отделены друг от друга различные исторические слои, неодинаковые по происхождению, характеру и объему. При этом в основном намечается такая группировка слов:

1. Слова, несомненно заимствованные: а) из скандинавских языков, б) из французского, в) из латинского и греческого языков, г) из русского языка и д) из прочих языков.

2. Старый лексический фонд английского языка, т. е. совокупность слов современного английского языка за вычетом указанных выше заимствований.

3. Слова не заимствованные и не старые, но образованные в сравнительно более позднее время из заимствованного или старого материала. Особенность этой категории состоит в том, что она выделяется лишь постольку, поскольку имеются в виду целые, готовые слова; но если иметь в виду только самые к о р н и, то слова этой категории могут быть отнесены к различным перечисленным выше группам (не считая тех

случаев, которые вообще не ясны). Так, например, *совр. англ.* eatable *съедобный* образовано от глагола eat *есть* с помощью суффикса -able-, заимствованного из французского, и, следовательно, как целое не может быть старым словом; но по своему корню -eat- оно принадлежит к старому лексическому фонду (ср. *да.* etan).

§ 285. Английский язык принадлежит к западной подгруппе германских языков, а поэтому слова, представляющие собой старый фонд английского языка, находят очень часто этимологические параллели в других германских языках: ср., например, *англ.* house, *нем.* Haus, *голл.* huis, *норв.* hus, *швед.* hus; *англ.* day *день, нем.* Tag, *голл.* dag, *норв.* dag, *швед.* dag и др.

Особенно же много этимологических параллелей исконным английским словам находится, естественно, в языках западногерманской подгруппы, в частности в немецком: ср. *англ.* day *день, нем.* Tag; *англ.* night *ночь, нем.* Nacht; *англ.* way *путь, нем.* Weg; *англ.* book *книга, нем.* Buch; *англ.* red *красный, нем.* rot, *англ.* blue *голубой, нем.* blau; *англ.* go *идти, нем.* gehen; *англ.* make *делать, нем.* machen; *англ.* near *близко, нем.* nah; *англ.* here *здесь, нем.* hier; *англ.* in *в, нем.* in и т. п.

§ 286. Говоря о заимствованиях, следует учитывать целый ряд обстоятельств, осложняющих этот вопрос. По поводу некоторых из этих обстоятельств уже говорилось в первой главе данной книги (§ 6, п. 2). Кроме того необходимо учитывать, что само понятие «заимствование» является относительным, обусловленным нашим фактическим знанием.

Обычно мы называем то или иное слово заимствованием, если мы можем указать фактический источник этого заимствования. Многие слова, однако, не включенные таким образом в заимствования, могут оказаться тем не менее заимствованиями из какого-либо неизвестного источника или очень древними заимствованиями. Так, например, современное английское слово inch *дюйм*, заимствованное из латинского языка в очень древнюю эпоху (*лат.* uncia 1/12 *какой-либо меры*), выступает совершенно на равных правах, что и *совр. англ.* foot *фут;* и если бы не был известен иноязычный источник слова inch, то оно было бы, без всякого сомнения, отнесено к словам исконно английским.

§ 287. Необходимо далее отличать заимствования, сделанные в английский язык в результате непосредственного и массового соприкосновения англичан с носителями других языков. Как известно, среднеанглийский язык в течение долгого времени развивался под непрерывным интенсивным влиянием, с одной стороны, скандинавских говоров, принесенных скандинавскими завоевателями в IX—XI вв., а с другой — французского языка, принесенного в Англию норманским завоеванием этой страны в 1066 году. Влияние скандинавских языков и французского языка в указанные периоды следует выделять особо, как несоизмеримо более значительное и глубокое, чем влияние других языков или влияние скандинавских языков и французского языка в другие периоды истории английского языка.

§ 288. Влияние скандинавских языков связано с завоеванием Англии скандинавами в течение IX—XI вв. Примерно одинаковая ступень общественно-экономического и культурного развития завоевателей обусловила проникновение в английский язык слов, обозначающих уже известные англичанам предметы и явления объективной действительности.

Ср. anger *гнев* (*са.* anger *несчастье, беда, расстройство, гнев:* из *ск. — дск.* angr *горе, печаль*); angry *сердитый* (*са.* angry *раздраженный, раздражительный, сердитый:* из *ск.*); fellow *парень, товарищ* (*са.* felawe *товарищ, компаньон, парень:* из *ск. — дск.* félagi *товарищ, компаньон, соучастник*); fit *прилаживать, снабжать, устанавливать, соответствовать* (*са.* fitten *устраивать: дск.* fitja *связывать*); fro *обратно, назад* (*са.* fro: из *дск.* frà *от, из*); hap *случай, везение, счастье* (*са.* hap(p): из *дск.* happ); hit *попадать в цель, ударять, поражать* (*са.* hitten: из *дск.* hitta); leg *нога* (*са.* leg: из *дск.* leggr *нога, кость ноги; ствол*); low *низкий, невысокий* (*са.* low: из *дск.* làgr), meek *кроткий* (*са.* meek: из *дск.* mjùkr *нежный, мягкий, кроткий*), scathe *вред* (*са.* scathe *ущерб, вред, несчастье, потеря:* из *дск.* skaði *вред, потеря*); swain *деревенский парень* (*са.* swayn *мальчик, парень, молодой человек:* из *дск.* sveinn); sky *небо* (*са.* skye *облако, облака, небо:* из *ск.* sky *облако*); skill *мастерство, ловкость* (*са.* skil(e) *отличие, разум, мастерство:* из *дск.* skil *различие, понятие*); take *брать, захватывать* (*са.* taken *брать, хватать, начинать:* из *дск.* taka); till *до, пока* (*са.* til *к, до; пока, пока не:* из *дск.* til);

they *они* (they: из *дск.* þeir); thwart *поперечный, упрямый, неблагоприятный* (*са.* thwert *косо, поперек, через:* из *дск.* þvert *косо, поперечно*); want *недостаток, нужда* (*са.* want(e): из *дск.* vant — ср. род от vanr *недостающий*); weak *слабый* (*са.* weik: из *дск.* veikr) и др. слова.

Из приведенного списка вполне очевидно, что заимствования из скандинавских языков представляли собой обычные, повседневные, широко употребительные слова, связанные с понятиями, уже имевшими в английском языке синонимическое выражение: ср. *са.* angry *раздраженный, сердитый* — wrooth *сердитый, злой;* skye *облако, облака; небо* — heven *небо, небеса;* skil(e) *отличие, разум, мастерство — да.* or-þanc *ум, искусство, ловкость;* taken *брать, хватать, начинать* — niman *брать, хватать;* they *они* — hi, heo, he *они* и др.

§ 289. Чтобы понять до конца причину указанного выше характера скандинавских заимствований, необходимо учитывать, что английский язык, с одной стороны, и скандинавские языки, принесенные в Англию, с другой стороны, были языками близко родственными. В § 279 уже отмечалось, что в случае близко родственных языков мы наблюдаем особое соотношение, поскольку такие языки могут более или менее легко применяться одновременно в одном и том же процессе общения. Подобное соотношение между языками было названо «потенциально-диалектным». Если же к этому добавить, что английский язык и скандинавские языки в ту эпоху обладали особой степенью близости, то вполне правомерно будет предположить, что «потенциально-диалектные» отношения между указанными языками в период массового соприкосновения англичан и скандинавов на одной и той же территории сделались р е а л ь н о диалектными. Иначе говоря, в эпоху скандинавского завоевания правильнее говорить не о р а з н ы х я з ы к а х, а о р а з н ы х д и а л е к т а х о д н о г о и т о г о ж е я з ы к а. Ведь необходимо учитывать, что язык является т о ж д е с т в е н н ы м с е б е (одним и тем же языком, хотя бы и в разных диалектах или вариантах) там и постольку, где и поскольку все разнообразные составные части языка (слова, типы их построения, изменения и сочетания, средства образования предложений и пр.) так или иначе связаны между собой взаимной зависимостью в определенную, хотя и многообразную систему, — с и с т е м у с у щ е с т в у ю щ у ю в с л е д-

ствие взаимодействия между ними в процессе регулярного общения, образующего как бы некоторую единую, не имеющую существенных разрывов «сеть».

Таким образом, в случае взаимодействия английского языка со скандинавскими говорами мы имеем не заимствования в строгом и точном смысле этого слова, а взаимодействие между разнодиалектными единицами одного и того же языка в процессе регулярного общения между носителями. Поэтому те или иные слова проникали из скандинавских говоров в английские большею частью не в силу того, что они были связаны с какими-либо новыми понятиями для англичан, а в силу того, что в процессе регулярного и массового общения между англичанами и скандинавами данные слова оказывались более удобными для адэкватного выражения мыслей. Можно думать, например, что слово they вытеснило соответствующее среднеанглийское слово hi (heo, he) в связи с тем, что в системе личных местоимений в этот период имела место значительная омонимия, которая до известной степени была устранена введением скандинавского диалектного варианта they.

§ 290. В подавляющем большинстве случаев, однако, происходило взаимодействие между английским и скандинавским диалектными вариантами в связи с их регулярным отождествлением как вариантов того же самого слова. В результате этого взаимодействия в языке появлялся третий вариант, совмещающий в себе черты обоих диалектных вариантов (как английского, так и скандинавского).

Ср. *совр. англ.* ken *знать:* в древнеанглийском соответствующий глагол *(да.* cennan) имел значения *оповестить, объявить,* значение же *знать* появилось у него под влиянием древнескандинавского kenna *обучать, знать; — совр. англ.* cart *повозка, воз:* восходит к древнеанглийскому cræt *повозка, воз,* изменение последовательности «r + гласный» на последовательность «гласный + r» (*са.* cart) объясняется взаимодействием с *дск.* kartr; — *совр. англ.* dwell *жить, задерживаться:* значение *задерживаться* восходит к *да.* dwellan *уводить прочь, мешать, обманывать, ошибаться,* а значение *жить* к древнескандинавскому dvelja, -sk, *жить; — совр. англ.* flee (прош. fled) *бежать, спасаться бегством:* стал слабым

глаголом, повидимому, под влиянием *дск.* flyja (ср. *да.* flēon — flēah — fluȝon — floȝen); — *совр. англ.* give *давать:* гласный звук [ī] восходит к *да.* ȝyfan, а согласный — [g] — *дск.* gefa; — -ric в bishopric *епархия: да.* -rīce в bisceoprīce дало бы [rɪtʃ], звучание же [rɪk] объясняется взаимодействием со *ск.* riki *государство; — совр. англ.* sark *рубашка:* получилось из *да.* syrce под влиянием скандинавского (*дск.* serc).

§ 291. Указанный характер проникновения в английский язык скандинавизмов обусловил то, что скандинавизмы в словарном составе английского языка в подавляющем большинстве случаев с самого момента их появления относились к общеупотребительной лексике. В большинстве случаев они сохранились в этой части словарного состава и в дальнейшем: ср. anger, angry, fellow, fit, get, hit, leg, low, skill, take, want, weak, till, they и т.п. В некоторых случаях они даже заменяли соответствующие английские синонимы (ср. they и take) или вытесняли их на периферию словарного состава языка (ср. sky при *англ.* heaven, skin при *англ.* hide и т. п.). К этому необходимо прибавить еще и следующее: скандинавские заимствования не только представляли собой общеупотребительные слова, но и дали большое количество производных слов: ср. hap *случай, счастливая случайность*, haphazard *случай, случайность*, haphazard *случайный*, hapless *несчастный, злополучный*, happen *случаться*, happening *случай, событие*, happy *счастливый,* happily *счастливо*, happiness *счастье*, perhaps *возможно;* — weak *слабый*, weaken *ослаблять, слабеть*, weak-headed *слабоумный, легко пьянеющий*, week-kneed *слабый на ноги*, weakling *слабый, слабовольный человек*, weakly *хилый, болезненный*, weak-minded *слабоумный*, weakness *слабость* и др.

Иначе говоря, скандинавские заимствования выделяются как заимствования лишь в той мере и постольку, в какой мере и поскольку можно установить исторический ф а к т их проникновения в определенную эпоху из скандинавских говоров на территории Англии. В самой же системе современного английского языка они функционируют н а р а в н е с исконно английскими словами, ничем не отличаясь от последних. Правда, некоторые из этих слов фонетически характеризуются наличием начального [sk], которое, как известно, в исконно английских словах перешло в [ʃ] (ср. sky, skin, skill, scathe и др.). Однако и эта черта не выделяет скандинавские заим-

ствования особо, поскольку в современном английском языке наличие начального [sk], благодаря массовому проникновению иноязычных слов, не является чем-то исключительным: ср. scobs *опилки, стружки*, scoff *насмешка*, scoop *совок*, scope *размах, охват*, scorch *опалять*, score *зарубка*, scorn *презрение*, scorpion *скорпион*, Scotch *шотландский*, scour *чистить*, scout *разведчик*, scrap *клочок* и многие другие.

§ 292. В совершенно ином плане следует рассматривать заимствования из тех же скандинавских языков в более поздний период. Эти заимствования в подавляющем большинстве случаев не являются общеупотребительными словами, не имеют или почти не имеют производных и отличаются по своему фонетико-орфографическому облику: ср. такие слова, как tungsten *вольфрам*, geyser [gaɪzə] *гейзер*, ski [ʃiː] *лыжа* и др. Подобные лексические единицы в словарном составе современного английского языка имеют характер единичных вкраплений и в целом сближаются больше не с ранними заимствованиями из скандинавских языков, а с более поздними заимствованиями из немецкого, голландского и других германских языков: ср. waltz [wɔːls] *вальс*, nickel *никель*, zinc *цинк*, Luftwaffe *авиация*, и т. п.

§ 293. Совсем иной характер, чем ранние скандинавские заимствования, носят и французские заимствования в эпоху норманского завоевания.

Здесь следует учитывать прежде всего то, что французский язык по отношению к английскому языку занял господствующее положение как язык двора, феодальной знати, правительственных учреждений, школы и вообще как основной язык письменности (наряду с латынью). В связи с этим французские слова, в отличие от скандинавских, в своей массе ярко отражают положение, образ жизни, деятельность и интересы тех общественных слоев, которые исключительно или преимущественно пользовались французским языком.

Ср. action *действие* (*са.* accioun *действие, обвинение:* из *стфр.* accioun — *англофр.*); accusation *обвинение* (*са.* accusacioun: из *стфр.* accūsacion); agreable *приятный, согласный* (*са.* agreable: из *стфр.* agreable); apparel *платье, одежда* (*са.* apareil: из *стфр.* apareil); array *порядок, боевой порядок* (*са.* array *порядок, боевой порядок; наряд, одеяние, одежда:* из

стфр. arrai); arms *оружие, род войск* (*са.* armes *средство, оружие, род войск:* из *стфр.* armes); bailiff *судебный пристав, управляющий имением* (*са.* bailif: из *стфр.* bailif); baron *барон* (*са.* baron, baroun: из *стфр.* ber; *вн.* baron); beauty *красота* (*са.* beautee: из *стфр.* beauté); carpenter *плотник* (carpenter: из *стфр.* carpentier); chamber *комната, спальня; палата* (*са.* chambre: из *стфр.* chambre); chivalry *рыцарство, рыцарский подвиг* (*са.* chyval(e)rie: из *стфр.* chevalerie); conquest *завоевание, завоеванная территория* (*са.* conqueste: из *стфр.* conqueste); crown *корона, венец* (*са.* coroune: из *стфр.* corone, coroune); county *графство* (*са.* countee: из *стфр.* conté); court *двор, суд* (*са.* court: из *стфр.* curt, cort); courteous *вежливый, учтивый* (*са.* curteis, courteis: из *стфр.* curteis, corteis, curtois); dance *танцевать* (*са.* dauncen: из *стфр.* dancer); degree *степень, положение, градус* (*са.* degree *степень, положение, градус; звание, ранг:* из *стфр.* degrét), duke *герцог* (*са.* duk: из *стфр.* duc); empress *императрица* (*са.* emperesse: из *стфр.* emperice); fancy *воображение, фантазия* (*са.* fantasye: из *стфр.* fantasie) и многие другие.

Господство французкого языка кончается во второй половине XIV века, но относительно наибольшее количество заимствований из него приходится как раз на это время: английский язык, вытесняя французский, особенно нуждался в обогащении своей лексики теми элементами, которыми располагал последний.

Нужно однако заметить, что первоначально французский язык распространялся в Англии главным образом в форме норманского диалекта, смешанного с элементами северо-восточных французских говоров (пикардийский и др.). Уже в XIII в. французский язык начал терять в Англии характер живого разговорного языка и постепенно превращался в традиционный официальный язык. В связи с этим более поздние заимствования создаются преимущественно уже не из англо-французского, но из центрально-французского (парижского или франсийского), получившего преобладание в XIII в.

§ 294. Как видно из приведенного выше перечня, заимствования из французского языка, как правило, представляли собой, в отличие от заимствований скандинавских, специфические термины-названия, связанные с новыми понятиями,

принесенными с собой норманскими завоевателями. Большая часть этих заимствований так и осталась на периферии словарного состава и по своим фонетическим и структурным особенностям выделяется в словарном составе английского языка особо: они составляют многочисленную группу многосложных слов, типичных преимущественно для языка литературного и научного (см. § 141) и характеризуются особой словообразовательной структурой (см. § 107).

§ 295. Это вовсе не означает, однако, что все французские заимствования представляют собой исключительно слова более или менее периферийные. Некоторые слова с течением времени стали обычными, повседневными и общеупотребительными словами: ср., например, face *лицо*, gay *веселый*, hour *час*, ink *чернила*, joy *радость*, letter *письмо*, money *деньги*, pay *платить*, pen *перо*, people *люди*, peace *мир*, place *место*, plate *тарелка*, river *река*, several *несколько*, table *стол*, very *очень* и т. п. Однако следует отметить, что, во-первых, подобные случаи, хотя и являются значительными по своему числу, все же по сравнению с основной массой случаев представляют собой явно лишь некоторую, довольно небольшую часть общего количества французских заимствований, а, во-вторых, как правило, они становились общеупотребительными не сразу, а с течением некоторого времени.

§ 296. В связи с тем, что из французского языка в английский было заимствовано огромное количество лексических единиц, многие из которых имели сложную словообразовательную структуру, влияние французского языка в большой мере сказалось на системе английского словообразования. Определенные французские суффиксы и префиксы, встречающиеся в заимствованных словах, могли извлекаться из этих слов и использоваться для образования слов, от исконных корней.

Ср. суффикс -able-, извлеченный из таких заимствований, как acceptable *приемлемый* при accept *принимать*, agreeable *приятный, согласный* при agree *принимать; соглашаться* и т. п.; — суффикс -age-, извлеченный из marriage *брак, свадьба*, usage *употребление*, pilgrimage *паломничество;* — суффикс -ous-, извлеченный из famous *известный*, gracious *любезный, благоприятный*, *изящный*, joyous *радостный*, piteous *жалкий*,

жалобный, сострадательный; — суффикс -ence- — из difference *разница*, excellence *превосходство*, experience *опыт*, evidence *свидетельство*, presence *присутствие*, violence *насилие;* — и т. п.

§ 297. Кроме того заимствования из французского языка увеличили случаи конверсии в английском языке. Дело в том, что из французского языка было сделано в английский много параллельных заимствований от одной и той же основы, которые в системе английского языка, будучи оформлены парадигмами различных частей речи, стали в отношение конверсии:

Ср. honour *честь* (*са.* honour: из *стфр.* honur, honour) — honour *почитать* (*са.* honouren: из *стфр.* honorer); labour *работа, труд* (*са.* labour: из *стфр.* labour) — labour *трудиться, прилагать усилия* (*са.* labouren: из *стфр.* labourer); note *заметка, записка, нота* (*са.* note: из *стфр.* note) — note *замечать, записывать* (*са.* noten: из *стфр.* noter); pain *боль, страдание* (*са.* peyne *наказание, боль, страдание:* из *стфр.* peine) — pain *мучить, причинять боль* (*са.* peynen *мучить, причинять боль, стараться, пытаться:* из *стфр.* peiner); — poison *яд* (*са.* poison: из *стфр.* poison *яд, питье*) — poison *отравлять* (*са.* poisonen: из *стфр.* poisonner *давать пить*); profit *польза, выгода, прибыль* (*са.* profit: из *стфр.* profit); — profit *извлекать выгоду* (*са.* profiten *приносить пользу, извлекать выгоду*); reward *награда* (*са.* reward *уважение, внимание, награда:* из *стфр.* reward) — reward *награждать* (*са.* rewarden *уважать, оказывать внимание:* из *стфр.* rewarder); scorn *презрение* (*са.* scorn *насмешка, презрение:* из *стфр.* escarn) — scorn *презирать* (*са.* scornen *передразнивать, насмехаться, презирать:* из *стфр.* escarnir); sound *звук* (*са.* soun *звук, музыкальный звук:* из *стфр.* soun); — sound *издавать звук, произносить* (*са.* sounen *издавать звук, произносить, высказывать, означать:* из *стфр.* suner); store *склад, запас* (*са.* stoor *склад, запас, снабжение:* из *стфр.* estor) — store *запасать* (*са.* storen *запасать, снабжать, обеспечивать:* из *стфр.* estorer *запасать, строить*) и др.

§ 298. Однако было бы ошибочным думать, что все пары слов французского происхождения, соотносящиеся по конверсии в современном английском языке, представляют собой параллельные заимствования. Гораздо чаще в английский

язык из французского заимствовалось лишь одно из слов, а другое создавалось по конверсии на базе этого слова лишь позднее.

Ср. abuse *злоупотребление, оскорбление*, образованное от abuse *плохо обращаться, злоупотреблять, оскорблять* (*са.* abusen *злоупотреблять, плохо обращаться, оскорблять, обманывать:* из *стфр.* abuser); — act *действовать*, образованное от act *дело, поступок, акт* (*са.* acte: из *стфр.* acte); — colour *красить, раскрашивать*, образованное от colour *цвет* (*са.* colour: из *стфр.* colour); — direct *руководить, направлять* (*са.* directen), образованное от direct *прямой* (*са.* direct: из *стфр.* direct); — increase *увеличение, возрастание* (*са.* encrees), образованное от increase *возрастать, увеличиваться* (*са.* encresen: из *стфр.* encreistre); — exercise *упражнять, обучать, применять* (*са.* exercisen *упражнять, применять, соблюдать, наблюдать*), образованное от exercise *упражнение* (*са.* exercise: из *стфр.* exercice); — flower *цвести* (*са.* flouren *цвести, процветать*), образованное от flower *цветок* (*са.* flour: из *стфр.* flour); — jest *шутить, насмехаться* (*са.* gesten *рассказывать с умением профессионального расказчика*), образованное от jest *шутка, насмешка* (*са.* geste *достижение, подвиг, рассказ о подвигах, летопись, рассказ, повествование:* из *стфр.* geste *достижение, рассказ о подвигах, летопись, повествование, рассказ*); — haste *торопиться*, образованное от haste *поспешность* (*са.* haste: из *стфр.* haste) и др.

При этом случаи конверсии, обусловленные параллельным заимствованием из французского, и случаи конверсии, возникшие на базе одного французского заимствования в самом английском языке, внешне ничем не отличаются друг от друга: ср., с одной стороны, honour — (to) honour; labour — (to) labour; note — (to) note; pain — (to) pain; poison — (to) poison; profit — (to) profit; reward — (to) reward; scorn — (to) scorn; sound — (to) sound; store — (to) store и т. п., а с другой стороны, abuse — (to) abuse; act — (to) act; colour — (to) colour; direct — (to) direct; increase — (to) increase; exercise — (to) exercise; flower — (to) flower; jest — (to) jest; haste — (to) haste и т. п.

Это еще раз доказывает, что разграничение в системе современного английского языка таких случаев, как honour *честь* — honour *почитать*, и таких случаев, как abuse *оскорбление* — abuse *оскорблять*, на основе их различного проис-

хождения не имеет под собой ни какихоснований. Эти случаи имели различную историю, но в настоящее время они находятся в совершенно одинаковых отношениях, а поэтому должны быть признаны тождественными с точки зрения современного английского языка.

§ 299. Более поздние заимствования из французского языка выделяются особо.

Прежде всего указанные заимствования не являются многочисленными. Кроме того эти заимствования большей частью не имеют или почти не имеют параллельных однокорневых образований, а нередко различаются и по своей звуковой и орфографической оболочке.

Ср. hautboy *гобой* (из фр. hautbois) — [ˈoubɔi], вообще не имеющий производных; — orb *шар, сфера, круг* из *фр.* orbe), соотносящееся по корню с двумя словами orbed *округлый* и orbicular *сферический;* — château [ʃa:ˈtou] *замок, дворец,* не имеющее производных, как и слово hautboy и т. п.

§ 300. Выше был разобран очень кратко вопрос о французских и скандинавских заимствованиях в английском языке, как наиболее важных для формирования словарного состава современного английского языка. Более подробно этот вопрос будет освещен в подготовляющейся к печати книге «История английского языка». Там же будут описаны и заимствования из других языков.

§ 301. Здесь же следует подчеркнуть, что проблема происхождения словарного состава языка не ограничивается проблемой заимствований. Более того, проблема заимствования не является главной проблемой, проблемой происхождения словарного состава. Необходимо также показать, каковы были пути развития исконных слов и как история их развития отразилась в системе современной лексики. Однако и эта задача будет выполнена в упомянтоуй выше «Истории английского языка».

СОДЕРЖАНИЕ

5. Слово как единица языка с лексической и грамматической точки зрения

6. Проблема отдельности слова

7. Проблема тождества слова

Глава III — СТРУКТУРА СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ СЛОВ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. Структура современных английских слов

2. Принципы морфологического анализа основ

3. Словообразование

Словопроизводство

Словосложение

Глава IV — ФОНЕТИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО СЛОВА

1. Проблема звучания слова

2. Внутренняя сторона слова

3. Полисемия слов

4. Омонимия слов

Глава V — КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Семантическая классификация слов

Издательский редактор *Б. Портянский*

Подписано к печати 5. IV. 1956 г. Формат 84 × 108 1/32, бум. л. 4 1/16 — 13,32 печ. л. Уч.-издат. л. 14,08. Тираж 10.000. Цена 7 руб. (семь руб).

9

